

ВИКТОР УРИН

149 ДНЕЙ
В АВТОМОБИЛЕ

От Москвы до берегов Тихого

Такой же
или летом
ский поэт
дипломник
ститута
Тихомиров и
ла «За руле
нии. Трое дру
решили прое
егов Велико

В И К Т О Р У Р И Н

МОСКВА – ВЛАДИВОСТОК

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва 1958

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ, КОТОРОМУ
ИСПОЛНИЛОСЬ 40 ЛЕТ,
С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

ОТ АВТОРА

Этот дневник — документ автомобильного путешествия из Москвы во Владивосток.

Записи сохранены здесь в том порядке, как они велись в дороге.

В этой книге шесть главных героев.

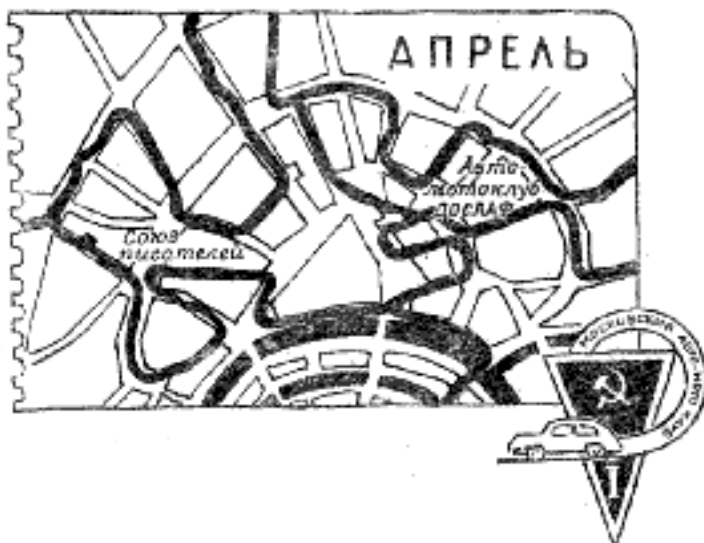
Май живет на Волге. Июнь мы встретили на Урале. Июль — новосел Восточной Сибири. Август трудится на западе Сибири. Сентябрь — в Забайкалье. Октябрь — на Дальнем Востоке.

Шесть героев шестой пятилетки.

Авторы путевых заметок нередко оговариваются: «Разумеется, мы не претендуем на исчерпывающую картину, тем не менее...» Мне хочется сказать то же самое.

О многом, что происходило позже, я не мог знать в те дни, когда делались записи. Поэтому в отдельных случаях в основной текст вносились необходимые дополнения.

Однажды мне захотелось заменить некоторые фамилии, но потом я решил: документ должен оставаться документом.

«Вам куда?» — «Во Владивосток». — «М-72» и ее оборудование. — Ломакин и Тихомиров. — Центральный автомобильный клуб. — Кудрявцев говорит: «Это больше». — Автотуристские доспехи. — «Бортовой журнал». — Завтра мы уезжаем.

На площади Революции продавали мимозы — шел мокрый московский март тысяча девятьсот пятьдесят шестого года.

Около метро светилась неоновая реклама: «Такси — самый удобный и быстрый вид транспорта».

Под рекламой стояли «Победы» мышиного цвета с шахматными полосками. Я сел в автомашину, и у нас с шофером завязался разговор:

— Вам куда?

— Во Владивосток.

— Пожалуйста!

Мы поехали. Ехали и молчали.

Вспыхнул на углу Петровки красный, как у кролика, глаз светофора. Машина остановилась. Мы посмотрели друг на друга и расхохотались.

Так я познакомился с водителем 8-го таксомоторного парка города Москвы Александром Васильевичем Ломакиным.

Это был уже восемнадцатый водитель, которого я приглашал в путешествие. Я искал спутника. Я давно мечтал проехать на автомашине из Москвы во Владивосток, но, к сожалению, ни один таксист на это не решался. А тут сидел со мной рядом здоровенный парень и, спокойно покачивая баранку, говорил:

— Прежде всего заедем в парк, доложим начальству. Во-вторых, надо достать открытый лист на бензин. Это точно. В-третьих, раздобыть подробные карты областей. В-четвертых, это уже совершенно точно, захватить с собой вот какие запчасти...

Ломакин готов был ехать на Дальний Восток в такси, лишь бы не возражало начальство. Но когда я сказал, что в нашем распоряжении имеется легковой автомобиль «М-72» (бежевый вездеход с кузовом «Победы» и передним ведущим мостом, как у «ГАЗ-69»), шофер первого класса Александр Ломакин пришел в неописуемый восторг. Мы поехали на Красную Пресню. Там, в тесном дворе дома № 25, вокруг нашей автомашины выстроилась очередь за марокканскими апельсинами. Очередь облегченно вздохнула, когда мы выехали на улицу. Но здесь тяжело вздохнули рабочие: они снимали трамвайную линию, и мы им тоже мешали.

Пришлось отыскивать укромный переулок, где Ломакин мог уже спокойно обследовать автомашину и обсудить все вопросы нашей длительной поездки.

С этих пор мы с ним уже не расставались. Мы решили пригласить в путешествие какого-нибудь художника-графика. Обратились в Оргкомитет Союза художников СССР. Там был назван ряд кандидатур. Все «кандидатуры» хотели ехать, но не могли: у одних были солидные заказы, другие собирались за границу. Тогда мы с Ломакиным стали называть имена молодых. Но они не были членами Союза художников, и поэтому им командировок не давали.

Словом, с Оргкомитетом у нас установились такие отношения: кого они хотели — те не могли, а тот, кто мог, того они не хотели...

Дирекция 8-го парка дала Ломакину полугодовой

отпуск за свой счет и разрешила в своем таксомоторном гараже переоборудовать нашу автомашину.

Как только Ломакин освободился, он стал душой наших сборов и все технические заботы взял на себя. Он узнал, что в Москве имеется Центральный мото-клуб, а при нем автотуристическая секция. Уже через неделю мы были в этом клубе «своими людьми».

Инструктор секции автотуризма, вечно улыбающийся Кудрявцев, горячо нас поддерживал:

— Молодцы! Давайте! Можете на меня положиться.

Потом у нас происходили такие разговоры:

— Товарищ Кудрявцев, нам нужен открытый лист на бензин.

— Насчет бензина ничем помочь не могу. Зато мы вас поддерживаем морально. Это больше!

— Но, может быть, можно у вас раздобыть географические карты по нашему маршруту?

— Какие карты? Ведь вам известно, что наши автотуристы по такому маршруту не ездили. Вы первые. Карты у нас будут, когда вы вернетесь. Зато мы вам дадим маршрутный лист. Это больше, чем карты! Отмечайте лист в крупных городах, как командировку, и возможно, после путешествия вам присудят спортивный разряд.

— Но поймите, товарищ Кудрявцев, нам нужны дефицитные запчасти. Клуб должен их раздобыть. Вот список.

— При чем тут список? Разве вам мало? Мы вам бесплатно даем выпел мотоклуба и официальный старт, как положено.

— Все?

— Все. Главное — дадим старт. Это больше, чем запчасти.

Все, что предлагал или делал для нас Кудрявцев, — это безусловно было больше того, на что мы рассчитывали.

— А как насчет автотуристского оборудования? Нам нужна самовытягивающая лебедка, нужен багажник, бензозаправочный инвентарь... В клубе кое-

что имеется... Я вам дам расписку и все верну после поездки.

— Расписку? Что вы, товарищи! Зачем вы меня обижаете? Пусть все, что вам надо, остается у вас навсегда, — доказывал Кудрявцев. — Я вам дам адреса знаменитых мастеров и автотуристов. Они смастерят и продадут все, что вам нужно. А вы говорите — расписки. Платите наличными и пользуйтесь на здоровье...

Первым из династии знаменитых автотуристов был председатель технической комиссии, бородатый Панютин. Потом мы познакомились с изобретателем Синельниковым, со знатоком автотуристского комфорта Гартенбергом и просто Бергом — председателем маршрутной комиссии, с шумным, увлекающимся Агеевым, который помог нам сделать откидное сиденье, с генералом Кривошеиным и капитаном Щедринским, с Нероновым и Мыльниковым, умевшими давать ценные советы.

В эти же дни я познакомился с человеком, которого знал давно. Познакомился вторично. Это был директор издательства «Литературной газеты» Медведев. Василий Семенович Медведев оказался страстным автотуристом. В домашнем гараже у него можно было найти решительно все приспособления, необходимые в автомобильном путешествии. Медведев отдал нам многое из того, что им приобреталось годами. Он подарил нам дополнительный столитровый бак для горючего. Если в своем уникальном гараже он не находил чего-либо, что казалось ему необходимым для нашей поездки, Медведев не успокаивался до тех пор, пока где-то у знакомого не добывал для нас нужный предмет. Так, например, однажды я сказал, что хорошо бы достать надувные матрацы. Медведев написал в своем еженедельнике: «матрацы», и я не сомневался, что он их достанет. Мы называли Медведева «Главным Советником нашей Транссибирской автомобильной экспедиции».

С утра до вечера мы колдовали над машиной: переносное сиденье должно было отваливаться для ночлега; заднее сиденье аннулировалось, и вместо него

сооружалось портативное переносное креслице для одного человека; шились чехлы и занавески на окна; в кузнице парка заготавливались цепи — «храпцы» на шины; в багажнике над баком для горючего устанавливался дополнительный бак на сто литров. Этот бак должен был иметь новую медную пробку и выводную трубку для выхода паров этилированного бензина. Тут же монтировался кронштейн, укрепляющий запасное колесо. Внутри машины к стенкам дверей привинчивались дополнительные ящички, на чехлы нашивались карманы, в разных местах — ремни для крепления оружия, топора, складной лопатки, термосов и другого снаряжения. Впереди, на бампере, укреплялся портативный холодильник оригинальной конструкции: его внутренняя стенка, сделанная из изоляционного материала, не пропускала горячие пары радиатора; стенка, обращенная наружу, напротив, была сделана из легкомысленного алюминия. Овеваемый ветром на ходу автомашины, наш холодильник должен был сохранять скоропортящиеся продукты.

Долго ничего не получалось с багажником. Сначала сделали раму на лапках, которые упирались в кузов и продавливали его. Это нас не устраивало. Тогда возникла коллективная мысль: лапки багажника надо установить так, чтобы они как бы вонзались в водостои кузова. Крепления с обратной винтовой резьбой и резиновая прокладка между лапками и кузовом — вот и все детали нового багажника, который оказался весьма прочным и вместительным.

Пока Ломакин трудился в парке над оборудованием машины, я добывал карты. Нам нужно было достать подробные карты двенадцати областей, трех краев, пяти национальных округов и автономных республик. Поиски мы начали в Министерстве автомобильных и шоссейных дорог РСФСР. Заодно решили проконсультироваться насчет маршрута, чтобы уточнить его. Карты дали и маршрут уточнили.

Экзотический вид нашей машины вызывал в рядах милиции законное волнение. Говорили: «Это вам Москва, и уродовать машину не положено! В самом деле, что будет, если каждый начнет громоздить на свою

машину всякие багажники, забивать радиаторы посторонними предметами и уверять, что это холодильник. Завод не сделал — значит не нужно. Так что, товарищ, платите для начала штраф и всю эту музыку ликвидируйте. Вот поедете — тогда и оборудуйте сколько угодно. А сейчас надо снять. И смотрите, больше не попадайтесь, а то пробью талон...»

Не попасться было невозможно, потому что наши московские маршруты не отличались оригинальностью. Ежедневно нужно было объезжать примерно одни и те же организации: Союз писателей и Авто-тракторсбыт, Министерство железнодорожного транспорта и торговый отдел Моссовета, магазин «Динамо» и Центральный московский автомотоклуб, Союз художников, Министерство автопромышленности и Институт прогнозов, электроламповый завод (нужны были «блицы») и Московский радиоклуб (там для нас делали магнитофон с питанием от аккумулятора автомашины), Московский магазин автомашин (нужны запчасти) и Научно-исследовательский институт звукозаписи (нужна консультация), Мосгорвырезка и Союз охотников, Всесоюзное картографическое управление и Министерство электростанций, журнал «Пограничник» (нужна рекомендация к амурским пограничникам) и Областное управление милиции (разрешение на оружие и пропуска в погранзоны), Министерство пищевой промышленности и магазины фотоматериалов...

В эти дни я получил трехмесячную командировку от Союза писателей, Ломакин взял отпуск за свой счет, а Тихомиров... Однако пора рассказать, как Игорь Тихомиров — студент института кинематографии — стал членом нашего экипажа. Когда мы поняли, что с художником ничего не получится (один молодой график совсем было дал согласие, но ему отсоветовала жена), мы решили обратиться во Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Дело в том, что у нас уже был «Бортовой журнал», и один товарищ, член автомотоклуба Горбунов, сделал в нем такую запись:

«Считаю вашей ошибкой то, что вы не запаслись

киноаппаратом, так как это очень оживило бы ваш путь и дало бы много интересного материала нам».

Легко сказать — киноаппарат. А где его достанешь? Мы стали бегать по комиссионным магазинам. Ломакин, крупнейший фотолюбитель, заявлял, что овладеть киноаппаратом — «пара пустяков». Главное — побольше достать киноплёнки!

В эти дни напряженных сборов нам помогали наши друзья. Был даже организован штаб автотуристического путешествия. Начальником штаба стал мой друг Спартак Селивановский, и в самый затруднительный момент, когда до отъезда оставались считанные дни, у него возникла гениальная идея.

— Третьим участником путешествия, — сказал он, — должен быть студент-дипломант операторского факультета ВГИКа. Он получит киноаппарат и плёнку и во время поездки сделает фильм, который и будет его дипломной работой.

С письмом из Союза писателей мы поехали во ВГИК, и я не совру, если скажу, что не менее двадцати молодых кинооператоров готовы были отправиться в путешествие «хоть сейчас».

Надо было выбрать такого товарища, который бы понравился и мне и Ломакину. Это оказалось Не просто. Мы смотрели курсовые работы молодых кинооператоров, и все они нам понравились. Ломакин сказал, что «собственными силами мы такие киносъёмки никогда не сделаем. Это точно».

Двадцать дипломантов операторского факультета стали нашими друзьями. Мы заходили к ним в общежитие, вместе обедали в студенческой столовой, встречались на дому.

Третий член экипажа «М-72», молодой кинооператор, должен был обладать сплавом качеств: во-первых, хваткой кинорепортера — быстро и хорошо вести съёмки; во-вторых, водить автомашину, ну хотя бы в такой степени, как я; в-третьих, в-четвертых и в-пятых, выдвигался еще целый ряд требований, которые были бы по плечу далеко не каждому.

Помню, Ломакин вручал разобранную «тулку» дипломанту и говорил: «Собери». Дипломанты прошлым

летом проходили военную подготовку. На лагерных сборах, ползали по-пластунски и учились кидать гранаты, но собрать «тулку» уметь не каждый.

Факт, что Тихомиров собрал «тулку». Факт, что его курсовая киносъемка была не хуже, чем у других студентов. По крайней мере, нам так казалось. Правда, некоторые говорили: «Есть у нас талантливее». Но ведь бывает и так: в студенческие годы хвалят, превозносят, а потом не видно человека, и наоборот: тот, кто был в тени, после института становится хорошим мастером своего дела. Тихомиров любил природу и умел ее «схватить» на киноплёнку. И последний немаловажный факт: он прекрасно водил автомашину. Более того, он обещал, что если с нашей «М-72» произойдет какая-либо серьезная авария (угонет в Иртыше или в Амуре, сгорит от удара молнии или будет изуродована встречным транспортом), он, Тихомиров, не раздумывая, отдаст свою «Победу» «М-20» для продолжения путешествия от того пункта, где произойдет несчастье. О переброске его автомашины к месту возможной аварии мы заранее договорились с Министерством путей сообщения. Платформу нам обещали дать немедленно.

Итак, Тихомиров стал нашим спутником. Прибавились новые учреждения, которые надо было аккуратно посещать, чтобы ни в чем не нуждаться в дороге. Например, Центральная студия документального фильма. Здесь мы раздобыли еще один киноаппарат непонятной фирмы — гибрид «Аймо» и «КС-50», а также хороший штатив. После дружеских напутствий директора студии В. Головни и декана кинооператорского факультета ВГИКа А. Головни с кинохозяйственной подготовкой было покончено.

Все шло хорошо, и только магнитофон до сих пор еще был в производстве. В радиоклубе его конструировала целая бригада во главе с девятнадцатилетним Володей Худяковым.

Нам нужен был аппарат, которого не было ни в одном магазине. Все магнитофоны, находившиеся в продаже, питались от электросети. Как раз это нас не устраивало: мы собирались производить ферромаг-

нитные записи на полях, на берегах рек, в горах и среди лесов. Чтобы запечатлеть говорок работающего комбайна или голоса амурских волн, шум водонапорной струи, размывающей гору, или песни электропил, нам нужен магнитофон с питанием от аккумулятора нашей автомашины.

Работа в радиоклубе шла полным ходом, и я должен был каждый день возить Худякова в институт звукозаписи, где он получал консультацию самых видных специалистов-магнитофонщиков. Они относились к нам скептически, но помогали.

Это было уже шестьдесят второе учреждение, в которое мы обращались, собираясь в поездку. И вообще, за исключением Оргкомитета союза художников, нам нигде не отказывали.

Как все граждане, я стоял в знаменитой автомобильной очереди, внес деньги и стал хлопотать, чтобы вместо «Победы» «М-20» дали «М-72». Министр автомобильной промышленности Н. И. Строкин написал резолюцию: «Направьте одну машину «М-72» в счет рыночного фонда в московский магазин». Оказалось, что попасть на прием к министру гораздо легче, чем думалось мне прежде.

Неожиданно у нас на руках появилось много документов, справок, отношений. Так мы получили Открытый лист № 28/4447: «Всем управлениям Главнефтебывта». Этот документ дает нам право получать нефтепродукты и 1000 килограммов бензина на любой нефтебазе нашей страны.

Есть у нас и маршрутный лист Центрального московского автомотоклуба ДОСААФ, в котором сказано, что мы совершаем туристское путешествие по маршруту Москва — Урал — Сибирь — Забайкалье — Дальний Восток — Приморье и все областные автомотоклубы должны нам оказывать всяческое содействие.

Есть документ из Главного управления грузовой Работы и планирования перевозок за № 521340/225, который гласит: «...в случае затруднений предоставлять железнодорожную платформу для перевозки автомашины через мосты...» Копия — НОД (начальникам отделения дорог): Горьковской, Казанской,

Южно-Уральской, Свердловской, Омской, Красноярской, Восточно-Сибирской, Забайкальской, Амурской, Дальневосточной.

У членов автомотоклуба мы закупаем автотуристический инвентарь. Амплитуда колебания цен на эти предметы — от 350 рублей за спальный мешок до 25 рублей за номерной замок на руль. Цены падали и снова поднимались до высокого уровня надувных, матрацев, багажника и лебедки Синельникова.

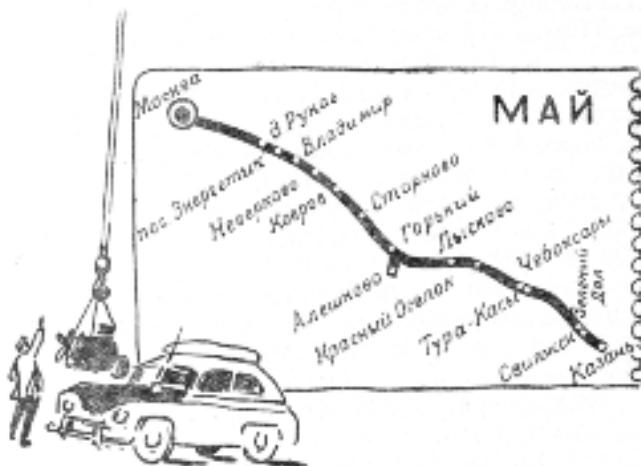
Все созданное по последнему слову автотуристской техники, все самое модное, самобытное и остроумное к 28 апреля было в наших руках. Прежде всего хочется назвать бензозаправочный гарнитур. Он состоит из ведра, масляного бачка с фигурным днищем и воронки, в которую вставлялся резиновый шланг для перекачки этилированного бензина. Есть у нас в хозяйстве сетки от комаров на окна машины, электро-струбина, фигурные столики на руль и под пишущую машинку, над которыми, когда это нужно, зажигается переносная лампочка с зажимом.

В машине разместились: саперная лопатка, которая может превратиться в маленькую мотыгу, надувная лодка со складным байдарочным веслом, спиннинги и ружья, портативный охотничий примус и таблетки сухого спирта; шесть пар запасных цепей на колеса и десятка два целлофановых мешочков для хранения продуктов; две канистры, топор и шкаф кинофотохозяйства...

Как говорится, не хватало только птичьего молока. Но зато было молоко сгущенное, порошковое, миндальное (чтобы не обветривались лица) и даже кофе с молоком в трехлитровом китайском термосе, который подарил нам поэт Павел Антокольский.

Завтра мы уезжаем. Несколько месяцев мы жили только подготовкой к этому дню. Все это время у меня не было свободной минуты, и только сейчас я вспоминаю и записываю стремительные события этих дней.

Так бывает перед поездкой: упакованы чемоданы билет в бумажнике — остается только присесть и помолчать минутку, чтобы счастливой была далекая трудная дорога.

Старт. — Деревня Рукав. — Поселок Энергетик. — Владимир. — Колхозный дояр. — Бурное собрание. — Горьковский автозавод. — «Прошу послать меня на сибирскую стройку». — Пастух Федор Леданов. — На родине Феди Сухова. — Чебоксарская ГЭС.

1 мая

Мы хотели покинуть Москву 29 апреля, но Тихомиров сказал, что фильм должен начинаться первомайскими кадрами.

— Получится праздничная рама: Москва-майская и Октябрьские праздники во Владивостоке. А в середине — пятилетка...

Центральный Московский автомотоклуб дал нам официальный старт. Время отъезда не засекалось. Ведь мы совершали не спортивный автопробег, а многомесячное автотуристическое путешествие. На старте, около нового здания МГУ, нас напутствовали Друзья и у микрофона выступили два оратора: от Союза писателей В. Н. Ильин и начальник автомотоклуба А. А. Виноградов.

Тихомиров начал киносъемки: сопровождаемая мотоциклистами-одноclubниками, наша «М-72» поки-

дает столицу. Далее — проезд по Первомайской Москве. Только что окончилась демонстрация. Но песни, цветы и флаги по-прежнему цветут на улицах города. Солнечная, киносьемочная погода обещает сочные, красочные кадры. Пленка у нас цветная, и, может быть, хорошо получится такое: на балконе стоит красивая девушка в красном платье. Как флаг. Люди идут, смотрят на эту девушку, улыбаются ей, и кажется, все ее любят. Она машет нам рукой. Москва машет нам рукой.

Прощаемся с Москва-рекой. Ломакин записывает цифру на спидометре (4262 км), чтобы потом сравнить ее с той, что будет на берегу Великого океана.

Мы выезжаем из Москвы по бывшей Владимирке, по будущему тракту Москва — Пекин, по нынешнему шоссе Энтузиастов.

Шоссе Энтузиастов! Хорошее название для начала пути. Долго выезжаем из Москвы. Даже на окраине она высится новыми домами, потом домиками, доживающими свой век, заводскими зданиями. Идут автобусы с именами центральных улиц на табличках, всюду праздничные толпы жителей рабочих поселков.

Но вот, наконец, первый подмосковный лесок. А по другую сторону шоссе широкая, обнаженная даль — луг или поле. Кажется, небо стало выше. И обнаруживается еще одна черта сегодняшнего дня: это день последней встречи зимы с весной. Зима тоже провожает нас. По кюветам и овражкам — белые платочки последнего снега. А весна уже машет свежими ветками вербы и ивы. Ветки еще не оперились зеленью листочков, и пушистые цветы похожи на маленьких желтых цыплят.

Кроме мотоциклистов, за город проводили нас одноклубники-автотуристы. Наконец автомашины остановились у леса.

Еще перед отъездом я сказал своим спутникам:

— Денег не брать.

— Но на первое время?

— Ни в коем случае! Мы едем работать. Проверьте свои фотоаппараты. Мы напишем стихи и очерки. Дадим фоторепортаж. Если во Владимире мы

не опубликуем свои материалы, — Владивостока нам не видать, как своих ушей.

И вот сейчас, когда автомашины остановились, все могли убедиться: в дорогу мы с собой не берем ни копейки. Мы даже карманы вывернули. Ни копейки! На первое время продуктами мы обеспечены. Более того, под сиденьем у нас припрятаны брезентовые мешочки с концентратами — НЗ. Что касается бензина, то баки и канистра заполнены.

И вот мы остались совсем одни — троим.

В пластмассовом стаканчике рядом с московскими тюльпанами появляются подмосковные ветки ивы. Только сейчас окончательно осознаем, что путешествие началось.

Странно. Мы немало уже поездили по Москве в нашей машине. Но сейчас, когда мы почти физически ощутили начало долгого пути, каждый из нас словно впервые примеряется к своему месту, привыкает к нему, обживает его. Слева руль. Справа пишущая машинка. Сзади кинофотоцех.

Ломакин, которому как профессиональному водителю доверено первое сидеть за рулем, подчеркнуто сосредоточен. Он словно прислушивается к дыханию, к сердцебиению машины. Как-то она чувствует себя в этот важный час? И машина, мне кажется, тоже заново знакомится с нами, теперь уже не пассажирами, суетливо гоняющими по Москве, а товарищами в новом трудном пути. Итак, путешествие началось.

2 мая

На рубеже Московской и Владимирской областей, около дорожного знака «Ст. Усад — 7 км», стоял подросток в ремесленной куртке, расстегнутой как раз настолько, чтобы вы могли обратить внимание на его тельняшку.

Паренек «голосовал». Мы потеснились, и Олег Подобаев стал теперь четвертым в нашей крепко загруженной машине.

Итак, на первом километре Владимирской области мы познакомились с первым владимирцем.

Чуть нахмурясь, он старался притушить огоньки ребячьих любопытных глаз, чтобы выглядеть солиднее.

Олег узнал, куда мы едем, и его глаза все-таки вспыхнули тем особенным, жадным огоньком, который обычно появляется у юности, столкнувшейся с чем-то очень для нее желанным.

— Ух! Мне бы туда!..

И, как бы спохватившись, добавил с солидностью:

— Вот окончу ремесленное — подамся, а то пора мне тоже на призывы откликнуться.

И Олег объяснил, что, поскольку партия и правительство приглашают молодежь принять участие в освоении целинных земель Сибири, а он, Олег Подобаев, как раз заканчивает РУ-7 во Владимире и получает квалификацию токаря, — кому же еще, как не ему, податься в какую-нибудь сибирскую МТС или зерносовхоз.

— Только я не комсомолец, — виновато сообщил он.

— Это почему же?

— Да Ивановна не советовала, говорит: «Тебе еще рано».

— Ивановна?

— А кто ж еще? — по-детски пожаловался Олег. И снова солидный рабочий человек объяснил: — Как не посчитаться, она нас шестерых, мал-мала меньше, сама воспитала, отец после армии от рака помер.

— Что ж ты мать-то Ивановной называешь?

— Ее в колхозе все так зовут... Это в деревне Рукав... Только Ивановна одна колхозничает, а мы все заводские...

До деревни Рукав было восемьдесят два километра. Олег пригласил нас переночевать у него. Дверь нам открыла еще не старая женщина в сером вязаном платке и в курточке-спецовке с боковым нагрудным карманом, к которому был приколот орден Материнской Славы.

— Ивановна, — сказала она и пригласила к столу: — Милости просим, садитесь с нами, хлеб и соль...

— Ивановна двигалась по комнате не спеша, но деловито. Она не хлопотала по хозяйству, а именно хозяйничала. Ни одного лишнего или неровного движения.

Несмотря на высокий рост и крупную фигуру Ивановны, комната и стол казались несоразмерно велики для нее, путь от посудного шкафа к столу очень длинным, стойка тарелок — громоздкой. Так казалось потому, что Ивановна в этой просторной комнате была одна.

Но не прошло и часа, как за столом стало настолько тесно, что пришлось брать чемодан и подсаживаться с краю. Хорошие дети у Ивановны. Любит она их, жалеет. Одно обидно, что отбились они от колхозных рук, в деревне словно чужие, одно только знают: «Дай, мама, поесть» — и до свидания. А ночевать слетаются в Рукав, под материнскую крышу.

Примерно так и говорила Ивановна, а дети слушали ее по-разному. Старший, демобилизованный моряк, двадцатитрехлетний Николай, помалкивал, уплетая одно яйцо за другим, и, видимо, раздумывал, остаться ему в колхозе или пойти на завод. Работница трикотажной фабрики, курносенькая сверложница Валя, удивлялась, как может мать тянуть «обратно в колхоз». Фрезеровщик с тракторного завода Саша и официантка с завода «Электроприбор» Нина (близнецы с разницей в возрасте на четыре часа) поддерживали Ивановну, когда та сообщила всем постановление общего собрания колхозников: кто проживает в селе из рабочих, должен отработать в артели пятьдесят трудодней.

— Интересно, форменным образом! — встрепелась Валя. — Нам правительство в субботний день постановило на два часа раньше работу кончать, чтобы в бане помыться, прибраться, а что выходит?..

— А выходит то, — решительно кивнул Олег, — что матери нашей, Ивановне, подсобить надо.

— Ты и соглашайся, а я уж как хотите...

— Зря, Валька, — неожиданно пробасил Николай, и от того, что он все время молчал, а может быть, по-

тому, что был старше других, его слова прозвучали особенно убедительно.

Олег с благодарностью посмотрел на брата. Он хотел что-то сказать, но Валя окатила его ледяным взглядом:

— Ты за все берешься и хочешь одновременно кончать ремесленное, ехать в Сибирь и работать в Рукаве колхозником...

— А что... — Олег дерзко улыбнулся. — Рабочий класс все может. Ясно?

Он говорил теперь возбужденно, торопливо, стараясь пробиться сквозь частый говорок сестры. Видно, тут было уже не до солидности. И все же именно теперь до конца поверилось, что он, Олег Подобаев, не просто подросток, а в самом деле рабочий класс и действительно все может. И несмотря на то, что Валя усердно продолжала язвить, уместно и чаще не уместно повторяя «форменным образом», — ее авторитет заметно угасал, хотя она и перевыполняет на фабрике свое сменное задание и, как лучшая сверложница, красуется на Доске почета.

Все это произошло вчера. А сегодня утром Ивановна сказала нам:

— У Олежки нынче выходной от завода. Так он, представьте, отыскал старый отцовский ватник и подался в поле. «Я, говорит, Ивановна, иду в правление. Часа четыре поработаю на сеялке». Свое доказывать пошел.

— А окажите, Ивановна, верно ли, что вы удерживали Олега от вступления в комсомол? — спросил Тихомиров.

— Что правда, то правда, — призналась Ивановна. — Не откажусь. А почему? Боялась, милый, что от дома родного отобьется, на собрания, в кружки ходить будет. А домой-то, чай, не близко... Но теперь-то он уже годами взял. И пусть записывается, я не против. Видать, у него на все в жизни времечка хватит.

3 мая

По соседству с деревней Рукав выстроились нарядные домики юного рабочего поселка Энергетик.

Здесь проходит высоковольтная линия электропередачи Куйбышев — Москва. Ее многочисленные опоры, словно железные великаны в остроконечных шлемах, сказочной дружиной шагают по полям колхоза имени Мичурина, получившего только недавно электрическую энергию.

В поселке Энергетик, как и во всяком новорожденном населенном пункте нашей страны, имеется и новый клуб, и рабочая столовая, и ясли, — но не об этом речь.

Важно, что монтажный участок Владимирского стройуправления — сто пятнадцать километров — был сдан государственной комиссии первым по всей трассе от Волги до столицы, получил отличную оценку и до сих пор никаких неисправностей на участке не обнаружено.

Слышите, как постукивают на ветру провода?

Ток, ток, ток...

Напряжение четыреста киловольт! Но почему лежат на земле то тут, то там еще не поднятые опоры, похожие на букву Л?

— А это потому, — объясняет начальник монтажного участка Владимир Леонидович Шелякин, — что одна линия не в состоянии передать полную мощность Куйбышевской ГЭС в Москву.

Два миллиона сто тысяч киловатт! Эту мощность могут передать только две параллельно работающие цепи. Вот и трудятся рабочие из поселка Энергетик, чтобы к первому октября электропередача по обеим цепям, как здесь говорят, «заиграла на полную мощность».

С интересом смотришь на медленно поднимающуюся опору высотой в сорок метров, подчиненную всего двум-трем рабочим. Эти люди не кажутся маленькими в сравнении с громадной опорой потому, что, когда это нужно, они смело поднимаются на самую вершину

и становятся выше поднятой ими башни. Страшно смотреть! Как они там работают?

На вершине опоры молодые монтажники Василий Сенин и Геннадий Дворецкий. Это они, воспитанники мастера монтажного дела Федора Александровича Хилкова, принимали участие в сборке и установке сорока четырех сложных анкерных опор весом до пятидесяти тонн каждая. Не было ни единой аварии.

Сорок метров — высота немалая!

Мы стояли в рубашках — так было тепло, а на сорокаметровой высоте Василий Сенин плотно застегнул ватник и даже приподнял его к ушам, соорудив себе воротник.

Местные электрики изменяют установленный ритм работ. Например, Хилков использовал обычную семнадцатиметровую стрелу для подъема сорокаметровой опоры. Смело экспериментируя, он взял опору не за верхушку, как это делалось всегда, а за середину. Так теперь и работают на этом участке. Если бы, как говорят в поселке Энергетик, не «сработала» творческая мысль рационализатора, пришлось бы изготавливать для опор типа П-35 стрелу высотой в двадцать семь метров, а это во многих отношениях удорожило бы и затянуло работу.

Электросварщики «цементируют» крестовину металлической опоры. Во все стороны летят слепящие белые брызги.

Мне захотелось хотя бы зрительно добраться до неба: начал я считать, сколько пролетов в опоре, но у меня ничего не вышло! Опора так высока, что, огромные внизу, пролеты, поднимаясь, становятся крохотными и у самой вершины сливаются.

5 мая

При въезде во Владимир нас встречает придорожный щит, на котором имя города написано славянским шрифтом. Каждая буква выложена светящимися кружками.

Вдалеке, на высоком берегу Клязьмы, виднеются белокаменные стены древних соборов. Выделяются

пятиглавая колокольня Успенского и высокий шпиль Дмитриевского, Оба эти собора построены в начале XII века.

Стены Успенского собора украшены каменной резьбой, внутри сохранились фрески и росписи работы Андрея Рублева.

Город был основан князем Владимиром Мономахом, как военная крепость. Сохранились остатки земляных валов, белокаменные Золотые ворота, украшенные бойницами и башнями.

Останавливаемся у Золотых ворот простоявших вот уже восемьсот лет. Владимир был одним из самых красивых и самых богатых городов древней Руси. Но после татарского разгрома он теряет свое политическое значение и долгие века остается мелким провинциальным городом, населенным чиновниками-мещанами и мелким купечеством. В городе почти не было промышленности. «Почти», так как в 1898 году во Владимире насчитывалось 29 промышленных заведений, на которых работало 274 человека. Самым «крупным» предприятием был свечной завод. В XIX веке тротуары были только на центральной улице Владимира, а освещали город двести пятнадцать керосиновых уличных фонарей. (Как тут не вспомнить наши вчерашние встречи в поселке Энергетик!) Впрочем, некоторое промышленное значение имели богатые фруктовые сады — владимирская вишня. Кто ее не знает!

Мне хочется привести цитату из воспоминаний писателя-владимирца Н. Н. Златовратского: «...лишенный всякого промышленного значения, он (Владимир) мог гордиться только своими историческими древностями... да вишневыми садами».

Как же изменился Владимир за сорок советских лет? Это город новых улиц, многоэтажных рабочих поселков, троллейбусных и автобусных линий, город с десятками школ, техникумов и пединститутов. Электричество и асфальт.

Современный Владимир — крупный промышленный, индустриальный центр. Завод автоприборов, химический завод, «Электроприбор» и построенный в го-

ды Отечественной войны тракторный завод. Да, Владимир и Владимирская область знамениты теперь не только владимирской вишней! Владимирские тепловозы осваиваются сейчас в Муроме! Малогабаритные, но с большим экраном телевизоры «Рекорд» выпускает радиозавод города Александрова, новые колесно-дизельные тракторы «ДТ-24-2» дает Владимирский тракторный завод, а на Ковровском экскаваторном создали замечательную машину — гусеничный кран «Э-505». Грузоподъемность этого крана — десять тонн.

Производят владимирцы и более «легкие», но не менее заманчивые изделия. Александровский завод «Искождеталь», например, изготавливает искусственный каракуль. Он отлично носится и по внешнему виду мало чем отличается от настоящего. Манто из искусственного каракуля стоит не более восьмисот рублей! А на Гусевском заводе выпускают нежные, полупрозрачные ткани из стеклянного волокна. По красоте и прочности они, пожалуй, не уступят отличным натуральным шелкам Киржачского шелкового комбината. А кто не знает шкатулки работы мастеров Мстеры!

У нас в машине сломалась электрозажигалка-прикуриватель. Думали, приедем в Горький, на родину нашего вездехода, там и достанем новую. Но совершенно неожиданно на владимирском заводе «Электроприбор» после нашего выступления в цехах нам подарили сразу три таких зажигалки. Заводские девушки записали в «Бортовом журнале»: «От имени цеха № 5 дарим путешественникам изделие своего завода ПТ 3-4». Оказывается, эта драгоценная для курильщика вещь выпускается во Владимире и отсюда транспортируется на автозавод. А ведь целесообразнее было бы электрооборудование для автомашин выпускать в самом Горьком...

Изделия Владимира, Киржача, Мстеры, Гусь-Хрустального... Мы пользуемся многими нужными, красивыми вещами, порой не подозревая, что изготовлены они на Владимирщине. «Хороший у нас трудовой народ». Эти слова о гусевских хрустальщиках принад-

лежат Максиму Горькому. Они звучат как присказка. А сказка, настоящая сказка — впереди. Завтра (рабочие Гусь-Хрустального отмечают двухсотлетний юбилей своего завода.

7 мая

Сегодня ночью с нами случилось происшествие.

В Москве мы договорились, что при всех обстоятельствах один из нас должен спать в машине. Для этого знатоки-автотуристы специально переконструировали переднее сиденье, которое отодвигалось вперед, затем спинка отваливалась, и получалось великолепное ложе. Оставалось сунуть под голову подушечку с буквами М — В (Москва — Владивосток) и уснуть крепким сном.

На ночь включалась сигнализация. Под бампером находился тайный выключатель. Стоило его нажать, как «система» приходила в действие. Теперь уже никто не сможет бесшумно забраться в машину. Если вы злоумышленник и вам удалось открыть дверцы, моментально заговорит непрерывный гудок, который ошеломит вас и повергнет в бегство.

Итак, один спал в машине (на этот раз Ломакин), а двое — на втором этаже гостиницы «Клязьма», из окна которой можно было увидеть нашу «М-72».

Утомленные вчерашним выступлением и хлопотами на заводе «Электроприбор», посещением школы и поисками горючего, мы дружно уснули. И вдруг...

Я вскочил как ужаленный. Я отчетливо слышал безостановочный жалобный баритон своей машины. Я закричал через форточку: «Ломакин! Ломакин!» Никто не отзывался. Тихомиров стал заряжать мелкокалиберную винтовку, а я схватил карабин, и мы босиком помчались по коридорам гостиницы — выручать Ломакина.

В нашем воображении рисовались страшные картины. «Система» сигнализации сработала. Это значит: Дверь взломана, Ломакин, очевидно, оглушен или убит, киноаппараты, чемоданы и магнитофон похищены... Все пропало! Пропало — черт с ним. Только бы Ломакин остался в живых.

Под рев гудка мы побежали к автомашине, и наше волнение усилилось: в окне мы увидели Ломакина, он лежал пластом. Убит! Но дверцы машины закрыты. Видимо, бандиты захлопнули их. Мы так растерялись, что не могли сразу сообразить, что произошло.

И вдруг Ломакин зашевелился. Слава богу! Он скинул ногу с блестящего сигнального кружка на руле, приподнялся и, как ни в чем не бывало, спросил:

— Что случилось?

Он и не подозревал, что несколько минут ногой сигналил нам и всей гостинице. В окнах уже торчали сонные любопытные физиономии. Все ругали ни в чем не повинного Ломакина. Мы стали думать, как сделать, чтобы это не повторилось.

— Машина крепко загружена, надо на ночь выносить вещи.

— Вообще много лишнего. Например, надувные матрацы.

— Лишние? Сегодня не нужны — завтра пригодятся.

— Не в этом дело... слишком много у нас механизации...

И Ломакин предложил вообще ликвидировать гудок. Он ссылался на то, что вся Москва недавно перешла на бесшумное автомобильное движение. А поскольку мы москвичи, наша задача нести новинки столичной жизни в гущу масс.

— Хорошо, — сказал я. — Днем гудком можно не пользоваться и пропагандировать этот крик, вернее гудок моды, но на ночь систему сигнализации все же надо включать.

— Пожалуйста. Только я за свои ноги не отвечаю.

Уже во Владимире выбыл из строя магнитофон конструкции Володи Худякова. На заводе «Электроприбор» мы отдали свой злосчастный звукозаписывающий агрегат владимирскому конструктору Марату. Он сконструировал какой-то новый беспроводный телефон и при нас говорил своему другу, который находился на другом конце города:

— Алло! Магнитофончик — дрянь. Но исправить можно...

10 мая

Во владимирских газетах опубликовали наши материалы, и теперь мы могли двинуться дальше.

Едем в Горький. По дороге останавливаемся в селе Неверково и ночуем у Андрея Матвеевича Черногоброва.

— В колхозе у нас шесть доярок, седьмая доярка — я.

Эту фразу Андрей Матвеевич произнес с юмором. Так обычно говорит человек, который хочет подчеркнуть, что, несмотря на видимую комичность создавшегося положения, он вполне доволен. Видели бы вы, с каким усердием Андрей Матвеевич доит закрепленных за ним коров Чернавку, Красульку, Невянку!..

Как-то само собой получилось, что скотник-пастух стал колхозным дояром. В конце прошлого года закрепили за Чернобровом восемнадцать нетелей. За ними он и ухаживал несколько месяцев: поил, кормил, чистил их, в стойле убирал, все делал. И так привязался, что, когда Чернавка отелилась, сказал председателю:

— Закрепляй за мной, и я доить буду.

И стал Андрей Матвеевич Чернобров колхозным дояром.

— Работу он любит, даже от своей коровы жену гонит, сам доить хочет... — говорят деревенские.

Трудную жизнь прошел колхозник Чернобров. Его родители еще в 1919 году вступили в коммуну. В двенадцать лет юный коммунары уже ходил на сенокос. Ему было трудней, чем другим: в малолетстве он потерял глаз. Когда началась Отечественная война, Андрей Матвеевич твердо решил: поеду на фронт, стану артиллеристом. Но врачи не соглашались. Чернобров в те дни прошел десятки кабинетов и комиссий. Он Добивался права воевать так же упорно, как Маресьев — права летать.

И Чернобров стал артиллеристом.

Начал с Курской дуги и закончил войну в Берлине. Летом сорок пятого года он вернулся в Неверково и стал одним из лучших животноводов Камешков-

ского района, Владимирской области. Совсем недавно родился у него сын, Колька.

— Наследник. Потомственный животновод. Инженером будет. А как же? Электродойка! Верно, Коль?..

Будущему животноводу колхоз преподнес приданое: комплект для новорожденного.

11 мая

Впечатлений много и выбрать главное — трудно, тем не менее постараюсь рассказать о самом значительном.

Город Ковров раскинулся в живописном месте на реке Клязьме. Здесь родился первый советский экскаватор. Это было в апреле 1931 года. В то время в цехах ковровских железнодорожных мастерских ремонтировались землеройные машины иностранных марок. После XVI съезда партии, который поставил задачу «решительного высвобождения промышленности и народного хозяйства от иностранной зависимости», ковровцы приступили к строительству отечественного экскаватора. Он успешно прошел испытания и стал появляться на стройках страны. И на Волго-Доне, и на строительстве Сталинградской ГЭС мы привыкли наряду с шагающими «Уральцами» видеть скромных и трудолюбивых «Ковровцев». От «Ковровца» № 1 до дизель-электрического экскаватора «Э-509», детища шестой пятилетки, завод прошел славный путь нелегких творческих исканий. За последнее время на заводе создан экскаватор на пневмоколесном ходу, экскаватор-кран для монтажных работ, экскаватор для работ в заболоченных местах.

Любопытна история «Ковровца» № 1, на котором двадцать три года проработал экскаваторщик А. Николаев. Еще в 1933 году он работал на стройке Беломорканала. Николаев получил одну из самых первых машин ковровского завода, с которой долгие годы не расставался. За четверть века «Ковровец», управляемый Николаевым, вынул и перенес более трех миллионов кубометров земли. Сложить бы всю эту землю в пирамиду, так она бы в три раза превысила любое

высотное здание в Москве. «Ковровец» Николаева работал и на севере, близ Мурманска, и на юге, на Балхашстрое, и в карьерах Казанской железной дороги.

После XX съезда КПСС завод получил задание выпустить за пять лет значительно больше экскаваторов и запасных частей, чем это было в четвертой и пятой пятилетках, вместе взятых. Эту задачу ковровчане решили выполнить, не увеличивая числа рабочих, своими силами — за счет использования внутренних резервов и дальнейшего технического прогресса. Так, например, токарь Дмитрий Мартынов применил минерально-керамические резцы. Обладая большой стойкостью, эти резцы позволили повысить скорость резания в шесть раз.

Множество экскаваторов Коюровакого завода ныне направляется в страны народной демократии, в Индию, в Финляндию. Продукция старейшего экскаваторного завода нашей страны завоевывает уважение и популярность далеко за пределами такого скромного городка, как Ковров.

Мы видели первый серийный дизель-электрический экскаватор. Дизель-электрический привод позволил резко сократить количество деталей, что и уменьшило вес машины. Далеко позади остался «Ковровец» № 1, громоздкий и тяжелый, весящий семьдесят пять тонн. По мысли конструкторов того времени, металл должен был обеспечить прочность и долговечность экскаватора. Дизель-электрический экскаватор «Э-509» производит впечатление внушительное, и в то же время он какой-то ажурный, изящный. Эта машина с дизель-электрической силовой установкой и более экономичным двигателем — коллективное творчество инженеров и рядовых рабочих завода...

12 мая

Здравствуй, Горьковская область.

Вчера в селе Старкове мы присутствовали на сам бурном собрании, которое мне когда-либо приходилось видеть.

Председатель комиссии по распределению земельных участков Василий Лаврович Саблин глядел поверх очков на жителей села Старкова и стучал карандашом по столу президиума, освещенного двумя керосиновыми лампами:

— Давайте, товарищи, к порядку... Слово предоставляю бригадиру Баринову. Выкладывай, Дмитрий Прохорович.

— Я считаю, что у Клавдии Бариновой отрезали приусадебный участок неправильно...

— Сестру защищаешь?

— Дайте сказать! Говорю, неправильно отрезали, потому как она работает на производстве, у нее пацан бегаёт, и трудоспособных в семье больше нету.

— А кем она на производстве? Уборщицей? А почему бы ей в колхоз не перейти, ведь живет с нами, — говорил председатель колхоза Николай Григорьевич Ванкович.

С Клавдией Бариновой решили так: будешь членом колхоза — на первое время окажем тебе денежную помощь, дадим продукты и тридцать соток приусадебного участка; не станешь работать в колхозе — участок отрезается полностью.

— Словом, так, — заключил Саблин, — отрежем по угол, ни грамма!

С той поры, как Совет Министров СССР предоставил право колхозникам самим определять размеры приусадебных участков, а также решать и другие вопросы внутриколхозной жизни в интересах быстрейшего подъема общественного хозяйства колхозов и улучшения материального благосостояния колхозников, прошло ровно тридцать дней. Собрание, о котором идет речь, тщательно подготавливалось, учитывалась решительно каждая мелочь и особенности всех восьмидесяти двух дворов Старкова.

Дело в том, что до последнего времени многие жители этого села пользовались всеми льготами, предоставленными колхознику, но по существу в жизни колхоза никакого участия не принимали.

У Андрея Васильевича Уханова приусадебный участок равен восьми соткам. А он не колхозник.

Началась киносъемка. Посмотрите на плащ Виноградова.

Река Клязьма.
Левитановские места.

Владимир. Золотые ворота.

Энергопередача «Куйбышев — Москва».

Деревня Отарково. И смех и грех...

— Рабочий класс всё
может, ясно?

«М-72» и
автотурист-
ские ухищрения:
вверху —
холодиль-
ник, внизу —
багаж-
ник.

«Прошу послать на сибирскую стройку».
...И можно не плыть по морям-океанам,
Но быть открывателем новых земель...

Пастух Леданов.

Волга. Дизель-электроход
«Родина».

Переправа Свияжск
Зеленый Дол. 2 июня
1956 года. Сначала
так...

...ПОТОМ
так...

...и в
результате...

Казань. Финансово-экономический институт.

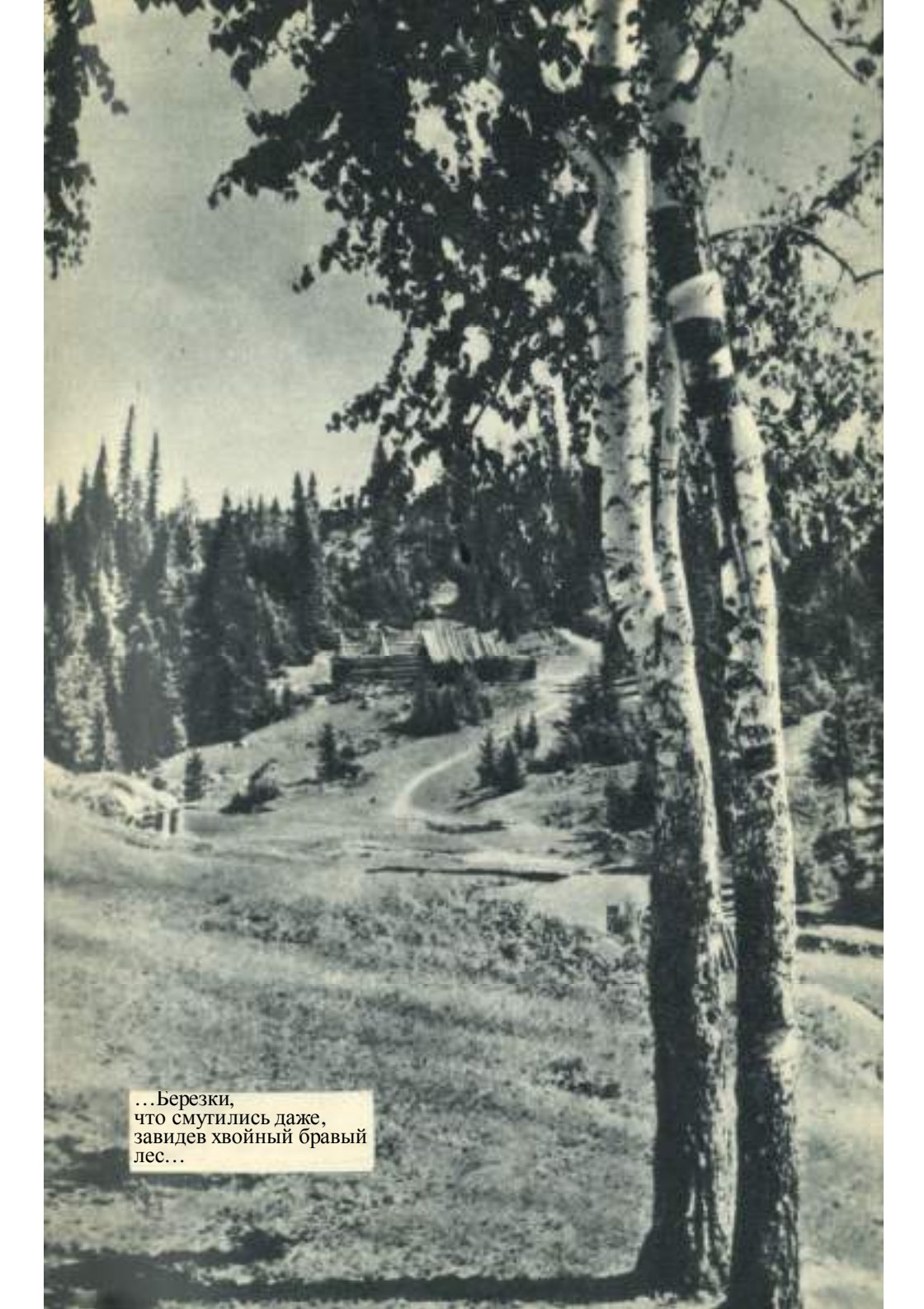
Кама.

В Удмуртии
нашли газ!

Старая Юмья. Ира
и Надя.

...Березки,
что смутились даже,
завидев хвойный бравый
лес...

Воткинск. Здесь прошло детство П. И. Чайковского.

Ижевск. Кинотеатр «Колосс» на улице Горького.

Кунгур. Сталагмиты ледяной пещеры.

А дальше, в дымке-невидимке.
Казалось, плыл гористый край,
И вот, отмеченный на снимке.
Возник поселок Билимбай.

Туристы

Урал. На переезде.

Свердловск. До Сибири рукой подать!

Еще до войны покинул Старково и многие годы жил где-то. Он нанимался на временные работы то на склад, то бухгалтером в воинскую часть, то плотничал, и не было ему никакого дела до колхозной жизни. Но вот он вернулся в Старково, и его корова теперь паслась в колхозном стаде, на колхозных угодьях. Иногда Андрей Васильевич нанимался убирать колхозное сено за проценты и украдкой покашивал для себя. Был у него и приусадебный участок, дававший ему доход.

— Хватит, Андрей Васильевич! Будешь работать в колхозе — пользуйся участком, — объяснял председатель, — а собираешься и дальше верхушки сшибать на стороне — на участок не рассчитывай.

Уханов пообещал работать. Рядом с ним сидел другой неколхозник, Василий Львович Казаков, который, однако, за прошлый год выработал 800 трудодней. Этот вольный казак работал на постройке свинарника по договору и порой принимал участие на зимней вывозке сена с лугов. За это он получал значительно больше, чем колхозники, которым начислялись за такой же труд только трудодни. Такое неравенство расшатывало дисциплину. Иные, глядя на Казакова и ему подобных, искали всяческие лазейки, чтобы уйти из артели.

Даже уважаемый председатель комиссии по распределению приусадебных участков Саблин в прошлом году также уходил на побочные работы, как говорят, «гнал за длинным рублем», и только партийная организация вернула его в колхоз.

Что же говорить о других?

Но вернемся к Казакову. Вот он стоит в углу, дюжий, горластый мужчина, и то и дело снимает кепку: он, очевидно, полагает, что бросать реплики в кепке неудобно.

— Я подал заявление в колхоз, принимайте, но прошу дать мне приусадебный участок для постройки дома там, где жил Червяков...

Червяков давно выехал отсюда. Он продал дом. Дом куда-то увезли. Остался отличный участок с вишневыми деревьями. На этот участок претендует и дру-

гой неколхозник — Александр Степанович Сурнин. Его жена, Клавдия Сурнина, встрепенулась и замала руками:

— Этот участок за нами... Мы раньше заявление подавали...

Поднялся шум. Одни были за Казакова, так как он выработал трудодней больше, а другие за Сурнина, потому что он первый подал заявление. Председатель предложил голосовать. Победил Сурнин.

Казаков снова снял кепку и на этот раз яростно кинул ее на пол:

— Словом, так, Николай Григорьевич: заявление я забираю и вступать в колхоз не буду. Раз не дали участок — все...

— Но позволь, Казаков, бери любой другой, — в сердцах говорил председатель. — Ведь не я решаю, собрание...

— Был бы я поближе к вам домом, так иначе бы все пошло...

Этот намек Казакова, сделанный в присутствии председателя райисполкома Фирсовой и инструктора райкома партии Патоличева, заметно задел председателя колхоза Ванковича, который счел нужным выступить с разъяснением.

— У меня здесь нет ни сватьев, ни братьев. — Ванкович старался говорить спокойно. — Для меня все одинаковы, а вы, товарищ Казаков, должны понять, мы вам выделяем для постройки дома лес со скидкой на пятьдесят процентов, колхозный транспорт. И это вас не устраивает?

— Если бы я не выступал с критикой на председателя, был бы и я хороший! — выкрикнул Казаков и надел кепку.

— Пожалуйста, критикуйте, это очень хорошо, — соглашался Ванкович, не ожидавший такой прыти от Казакова, особенно в присутствии товарищей из райцентра Володары.

— Попрошу не отвлекаться, — напомнил Саблин. — Продолжаем. Сколько земли у Чубаровой Марии Петровны? Двадцать шесть соток. Комиссия решила оставить ей десять.

— Неправильно это, — заступился кто-то. — Ее муж до самой смерти работал в колхозе. И потом, хотя она имеет инвалидность второй группы, берет в свой дом рабочих, которых нанимает колхоз. Ей же за это трудодни сами вы начисляли.

— Одна я знаю, как натерпелась с этими мужиками, — жаловалась Чубарова. — Керосин свой жгла, колхоз ни капли не давал, а еще портки им стирала, да видели бы вы, какие грязнущие...

Собрание дружно разразилось хохотом — и постановило оставить за Чубаровой полностью все двадцать шесть соток.

Перешли к престарелым. Всю жизнь Иван Прохорович Уханов проработал в колхозе. Ему около восьмидесяти лет. Высокий, негорбящийся старик с прямоугольной бородой, похожей на лопату, зачерпнувшую снег, Уханов вскочил со скамейки с удивительной для его возраста резвостью, когда услышал, что его участок в тридцать соток собираются урезать.

Уханов вынул из кармана удостоверение на медаль «За доблестный труд» и в развернутом виде понес документ через весь зал в президиум.

— Неужели я не заработал? Оставьте мне участок полностью. Дайте мне умереть на том огороде, а там забирайте...

— Успокойтесь, Иван Прохорович, — негромко сказала Фирсова. — Такой большой участок у вас, как же вы будете его обрабатывать?

— Пусть я не в силах, но я найму людей, мне они и обработают.

В зале загудели. Как-то странно прозвучало слово «найму», и если бы оказал его не старик Уханов, а кто-то другой, строго бы осудили такого человека.

Ивану Прохоровичу пришлось разяснять с тем терпеливым спокойствием, которое, видимо, появляется у инструктора райкома партии Патоличева, когда он решает спорные вопросы. В самом деле, как быть? С одной стороны, старик Уханов действительно заслужил право на участок в тридцать соток. Но он одинок и по старости уже не в состоянии его обрабатывать.

Он решил «нанимать». А зачем? Разве ему недостаточно иметь половину?

— Послушайте, Иван Прохорович, — предлагал Патоличев, — не лучше ли сделать так? Колхоз вам даст пенсию — десять трудодней в месяц, по восемь рублей на трудодень да продуктами. К тому же вы получаете пенсию за погибшего сына. Будет у вас небольшой огород. Разве недостаточно? Зачем вам прибегать к сверхприбыли, пользуясь наемной силой?

Уханов с тяжким вздохом свернул удостоверение. Он молча пошел на свое место в заднем ряду, где всегда сидят на подобных собраниях старики, и, с невыясненным чувством одновременной обиды и удовлетворения, вынул платок и приложил его к вспотевшему лицу. Пенсия — это, конечно, большое дело. Но если говорить откровенно, то Иван Прохорович согласился бы отказаться от колхозной пенсии, только бы пользоваться своим приусадебным участком полностью.

Всем престарелым решили оставить по десять соток. Уханову, как исключение, выделили пятнадцать.

— Вы уж всего не записывайте, — доверительно говорила Фирсова, когда дело касалось чего-либо особо сложного. — У нас тут сегодня разговор по душам...

Я сказал, что разговор очень хороший и все, что происходит в этот вечер, видимо, типично и для других колхозов. Фирсова согласилась. Она загибала пальцы, перечисляя села, в которых уже прошли такие же собрания.

— Например, в одном из колхозов района доярки и другие животноводы получают сейчас до восьмисот рублей в месяц. Как же тут не вступать в колхоз? Но некоторые еще по инерции считают, что на отшибе им будет лучше.

Собрание затягивалось, всем хотелось высказаться, и только Мария Чубарова, одна из лучших огородниц, уже в который раз нетерпеливо вскакивала, выкрикивая одну и ту же резонную реплику:

— Да что ж это такое в конце концов! Завтра

в шесть часов вставать надо... Кончайте собрание! Все ясно.

Здесь были люди различного общественного положения. Шестьдесят девять человек, подавляющее большинство, были кем угодно, только не колхозниками. Плотники по найму, бухгалтеры и официантки столовых, разнорабочие и просто люди без определенных занятий. Почти все они так или иначе были связаны с колхозным производством. Но эта связь была непостоянной. Хочет человек — выходит на работу, получает трудовни, а не хочет — ищет место повыгоднее.

С тех пор, как, помимо продуктов, колхозников стали авансировать деньгами, заинтересованность рядового члена артели заметно повысилась. Бригадиру Баринову больше не приходится ходить под окнами и стучать: «Марья, Дарья, выходи на работу». Теперь к восьми часам люди сами приходят в звенья — полеводческие, овощеводческие, на конный двор и на ферму. Не потому ли на собрании Ванкович заявил:

— В этом году с предприятий рабочих приглашать не будем. Сами справимся. Верно я говорю, товарищи?

Весь зал с ним согласился.

13 мая

Мы едем по Владимирке,
Торопимся туда,
Где возникают в дымке
Прошедшие года.

Штыками, баррикадами,
Призывами: «Вперед!»,
Рабочими загаданный
Восходит Пятый Год.

Владимирка кандальная,
Куда ведешь людей?
Ты дальняя-предальняя,
И вся ты из цепей.

Скажи, не ты ли вымокла
В ручьях кровавых слез,
Владимирка, Владимирка
Заплаканных берез.

«Не унывать, товарищи!
Исполним до конца».
Огнем неостывающим
Охвачены сердца.

Живое это, строгое,
Плывущее из тьмы,
Возникло над дорогою,
Которой едем мы...

14 мая

Под проливным дождем въезжаем в город Горький.

Красивый мост через Оку. Вечер. Где-то рядом, слева — Волга. Мы ее не видим, но слышим: пыхтят буксиры, гудят пароходы. И расплывающиеся огоньки отмечают волжский берег, который теряется за дождевой пеленой.

По кругой дороге, прорубленной в горе, поднимаемся к центру. С непривычки трудно разобраться, на каком берегу раскинулся город. Но давно известно, что все «мужские» волжские города — Саратов, Ярославль, Ульяновск, Сталинград, Горький — находятся на правом берегу Волги, а «женские» города — Самара (Куйбышев), Кострома, Кинешма, Астрахань, Казань — на левом.

Конечно, эта примета древняя, и с ней могут не согласиться жители самого молодого города — Волжского, который несколько лет назад возник на левом берегу реки, недалеко от строящейся плотины Сталинградской ГЭС...

Тысячи огней растворялись в мокром асфальте. В гостинице мест не было. И мы решили совершить прогулку по улицам города. Мы долго колесили по мокрым асфальтированным магистралям.

Алексей Максимович Горький писал: «...по колено в грязи утопали здесь... Да и что говорить! Еще в 1928 году ничего похожего на нынешнее благоустройство не было».

Недавно, во время реконструкции города, в некоторых местах находили по двенадцать слоев деревянных мостовых. И неудивительно! Ведь по этим мостовым перевозили торговые грузы чуть ли не всей России; мостовые тонули в грязи и настилались одна на другую. Знаменитые нижегородские ярмарки — вот чем главным образом славился древнейший русский город в прошлом столетии.

Этот грязный купеческий город за годы советской власти стал не только одним из самых красивых и благоустроенных волжских городов, но и увеличил свою территорию более чем в десять раз. Ныне город Горький по количеству населения и промышленному значению уступает лишь двум городам Российской Федерации — Москве и Ленинграду.

Самые крупные заводы города — автомобильный и «Красное Сормово» — выпускают знаменитые в стране грузовые и легковые автомашины, усовершенствованные паровозы, пароходы и теплоходы, речные ледоколы и самоходные баржи. Кузницей нашего транспорта смело можно назвать этот волжский город.

15 мая

Около древнего кремля высится памятник великому гражданину земли русской — купцу Кузьме Минину. Поднимаешься с Волги по огромной лестнице в пятьсот ступенек на вершину берега — и стоит перед тобой монумент крылатому волгарю Валерию Чкалову. Кулибин и Лобачевский, Добролюбов, Свердлов и Горький подолгу жили в этом городе.

Но горьковчане гордятся не только этими известными всему миру именами. В прошлом веке в Шотландии проводилась международная фотовыставка. Демонстрировалось несколько тысяч фотографий. Конкурс был закрытый, снимки шли под девизами. Премированы были две работы. Когда вскрыли конверты, выяснилось, что автор двух лучших снимков — нижегородский фотограф Андрей Осипович Карелин.

Мы знаем об Алексее Максимовиче Горьком очень много, и все это дорого нам. Но одной истории из его жизни я не знал. Эту историю рассказал мне руководитель литературного кружка автозаводцев, театральный критик Барсуков. В 1907 году к Алексею Максимовичу пришел учитель нижегородской деревни Александровна Григорий Николаевич Степанов. Горький узнал о том, что учитель просил «нижегородское земство о небольшой ссуде на постройку здания» сельской школы, однако земство ему отказало. Горький спросил Степанова: «Сколько вам надобно?» — и дал около двух тысяч рублей.

Потом он предложил назвать школу именем Шаляпина. Проходит время, Горький присылает Степанову еще тысячу рублей и поясняет: «На постройку школы имени Федора». Когда Шаляпин узнал об этом, он тоже дал деньги. Так в деревне Александровне благодаря усилиям простого учителя Степанова появилась Шаляпинская школа. Горький, как никто, умел откликаться на все, что касалось детей, их образования. Горький любил и умел помогать таким людям, как Степанов, бескорыстным, скромным энтузиастам народного просвещения. В тот период в Нижнем Новгороде было несколько гимназий, реальное и коммерческое училище, духовная семинария. И ни одного высшего учебного заведения.

Недавно Шаляпинская школа в деревне Александровна отмечала свое пятидесятилетие. Но самый лучший памятник создателям этой школы — гениальному писателю, великому певцу и простому учителю — 141 школа, 29 школ рабочей молодежи, 38 ре-

месленно-железнодорожных училищ, 24 техникума, 10 высших учебных заведений, 48 библиотек, 18 домов и дворцов пионеров... Все это есть в Горьком.

17 мая

Горьковский автомобильный завод.

Собственно, это город. Обойти все корпуса за день просто невозможно. Мы идем по асфальтированным улицам, наблюдая внешнюю жизнь завода. Снуют маленькие автомобили с крохотными кузовами, на прицепе — тележки с деталями. Вот проехали уложенные на специальных стендах передние буфера легковых машин — бамперы. А вот рабочие поливают деревья — это зеленый цех. Пробежал грузовик с велосипедами: оказывается, завод выпускает и двухколесные машины. Промчалась шикарная «Волга» и невольно заставила нас поглядеть на нее с завистью.

На территории завода действует своя государственная автоинспекция, и бывает, шофера оштрафуют, если нет-нет, да и согрешит он в чем-нибудь.

Мы живем в автозаводской гостинице «Волга». Третий день встаем по гудку и вместе с рабочими автозавода идем к проходной.

На Горьковском автомобильном заводе несколько проходных. Запомнились Комсомольская и Центральная. Каждая из них имеет так называемые ручки, по которым людской поток, словно вода через плотину, вливается на территорию завода. Здесь наша «М-72» проходит всесторонний осмотр и проверку мотора на стенде.

Мы уже «отпереживали» историю с магнитофоном.

Но нас ожидал новый удар. Нам показалось, что автомашина плохо тянет. В ОТК посмотрели и сказали, что восемьдесят километров в час для «М-72» — это нормальная скорость. Казалось бы, можно успокоиться. Но мы обратились к старому своему знакомому, директору завода Сазанову, и он распорядился направить автомашину в КЭО — конструкторско-экспериментальный отдел. Тут вынули мотор, разобрали

его и поставили диагноз: в первом цилиндре имеется задира, из-за чего машина потеряла мощность. Расход горючего и масла повышенный.

Словом, нашей «М-72» предписали лечебные процедуры.

В конструкторско-экспериментальном отделе наши автотуристские ухищрения были подвергнуты придирчивому анализу, кое за что нас поругали (не понравился холодильник, установленный на бампере, что, по мнению заводских инженеров, мешает охлаждению мотора), зато идея и решение самодельного багажника получила одобрение. Тут мы и посоветовали заводу заняться этой безделицей, в которой так нуждаются путешествующие автомобилисты.

К сожалению, наши советы у автозаводцев не вызвали энтузиазма, хотя среди них немало таких людей, которые на личных машинах отправляются путешествовать во время отпуска. Но эти люди как автотуристы не организованы. И никто здесь не думает над тем, как лучше оборудовать автомашину для путешествия.

В КЭО мы обратили внимание на замечательное приспособление для облива ветровых стекол. Не останавливаясь, вы нажимаете педаль, включаете «дворников» — и летящие струйки воды как бы умывают стекла. Мы тут же решили «вооружиться» этим волшебным приспособлением.

18 мая

Настанет день, когда можно будет зайти в магазин и без всякой очереди купить любую автомашину. И вот тогда бывшие «мученики» московской очереди за «Победой» расскажут молодым автомобилистам, с каким нетерпением ожидали они выхода в свет автомашины «Волга». Вспомнят, как в свое время распевали песенку:

Что-то «Волга»
Слишком долго...

И быть может, кого-нибудь заинтересуют некоторые подробности рождения этой красавицы.

В конце марта 1956 года были опубликованы социалистические обязательства автозаводцев. В шестом параграфе этого документа сообщалось: «Обеспечить досрочно (против графика) выполнение работ по подготовке производства автомобиля «Волга», в том числе закончить конструирование всех штампов на детали каркаса кузова и всей оснастки для заготовительных цехов». В переводе на более популярный язык все это означало, что для серийного выпуска «Волги» необходимы новые специальные станки, а их-то в полном, необходимом объеме пока не было.

Мне пришлось беседовать с ведущим конструктором по «Волге» — Александром Невзоровым. Он стоял у чертежной доски в КЭО, что-то старательно вычерчивал на ватмане, и над ним висел граненый, застекленный потолок, типичное «небо» конструкторских отделов на больших заводах.

Принципиально «Волга» была уже готова. Но для серийного выпуска надо было отрегулировать компоновку некоторых узлов и деталей.

Конструкторы добивались, чтобы штампы для «Волги» были высокопроизводительными и безопасными в эксплуатации. Вот огромный пресс, развивающий давление до тысячи тонн. На матрицу укладывается стальной лист. Ползуны пресса тяжело опускаются и снова идут вверх. От матрицы отделилась деталь, похожая на ванну неправильной формы. «Механические руки» выносят заготовку на транспортер. Ванна попадает на обрезной штамп. Транспортер передает заготовку на третий, потом на четвертый пресс, который и придает заготовке красиво обтекаемую форму крыши «Волги». А вот линия штамповки наружных и внутренних панелей дверей: пять-шесть штампов должны изготавливать двери «Волги» почти без участия рабочих. Это первая в СССР автоматическая линия штамповки кузовных деталей.

На автозаводе в КЭО мы видели модели новых автомашин. Одни из них завод будет осваивать сам, другие будут выпускаться, например, на Ярославском

автозаводе, третьи спроектированы, но в серийный выпуск не пойдут. А вот модели перспективные, уточняющиеся. И, наконец, уникальные гоночные машины.

Рассматриваем полутонный грузовой автомобиль «ГАЗ-56». Машина имеет четырехцилиндровый двигатель с верхним расположением клапанов. Это новинка. Такое расположение клапанов дает большую экономичность. Кроме того, здесь применены гидравлические тормоза с герметической изоляцией, не пропускающей ни грязь, ни воду.

С интересом рассматриваем малолитражную машину с багажником под капотом и мотором, расположенным там, где мы привыкли видеть багажник. Говорят, что это инвалидная малолитражка; другие смотрят «шире» и называют машину двухместной «Белкой» — для всех. Однако завод портативную «Белку» выпускать не собирается. Министерство автомобильной промышленности решило, что заводу хватит работы и без «Белки». А жаль, такая машина просто необходима.

А вот поистине волшебная машина — «ГАЗ-47». Если бы она летала, то можно было бы сказать о ней: «на земле, в небесах и на море». Это плавающая машина. И ходит она не только через реки, но и по болотам, по горам. Не зря ведь «ГАЗ-47» отправлен в Антарктиду, и, говорят, в поселке Мирный этот вездеход успешно соперничает с альпинистами.

На дворе КЭО мы обратили внимание на невиданный автомобиль-лодку. Нам сказали, что это глиссер конструкции инженера Смолина, что в недавнем прошлом глиссер курсировал по Волге, а сейчас «законсервирован».

В КЭО в отделе спортивных автомобилей я беседовал с Алексеем Андреевичем Смолиным. Он сказал, что на глиссере устанавливается авиационный мотор с пропеллером, позволяющий машине развивать на воде большие скорости. Сейчас досаафовцы Горького ремонтируют глиссер. Хорошо совершить на нем путешествие по дорогам и рекам своей области!

Смолин показал нам гоночный спортивный автомобиль № 4 с реактивным двигателем. Колеса — ка-

тушки. Турбореактивный двигатель способен развить весьма большие скорости, но у нас нет таких дорог, где бы эта машина могла показать себя. На взлетной дорожке местного аэродрома спортивный «ГАЗ-4» показал скорость двести пятьдесят километров в час.

19 мая

Мы встретились с тобой, Александр Антонов, в библиотеке завода. Ты сидел в гимнастерке с белоснежным подворотничком, очень серьезный и застенчивый, сидел, окруженный книгами и газетами, и на лице твоём была написана та особая торжественная сосредоточенность, какая бывает у людей перед каким-либо значительным свершением в жизни. Ты сказал:

— Вы знаете, у меня такое чувство, словно я перехожу какой-то рубеж, за которым начинается новая жизнь, еще более содержательная и яркая.

И хотя тебе присуще говорить медлительно и негромко, эту фразу ты произнес неожиданно быстро, почти скороговоркой, словно боялся упустить возникшую мысль, рожденную нахлынувшим светлым чувством. И твое горьковское разговорное «о» отчетливо слышалось в каждом слове...

Ты рассказал мне, как трудно было тебе в первые дни после, возвращения из армии работать у парового молота. Отвык, потерял сноровку за три года, с непривычки даже мозоли выступили на руках. Можно было сослаться на то, что утерян опыт, вот и получается «как-нибудь». Но ты на это уже не мог пойти, ты приехал на завод после долгой разлуки с ним, приехал с рекомендациями в партию от майора Финчука, лейтенанта Фураева и младшего лейтенанта Чехова.

— Когда я вернулся из армии, я понял, что мне Далеко не только до своего рекорда тысяча девятьсот пятьдесят второго года, но даже нормы я не могу выполнить... И тогда пришли ко мне на помощь коммунисты цеха...

С особой теплотой ты говорил о мастере участка паровых молотов Николае Михайловиче Молеве. Это он тебя ободрил и практическими советами помогал избавиться от ошибок. Коммунист Молев не жалел времени и усилий, чтобы изо дня в день демобилизованный воин подымал свое мастерство, увеличивал производительность, догонял своих опытных товарищей по цеху.

Ты ушел, Александр Антонов, и оставил мне на прощание страничку своей автобиографии. В ней написал ты о том, как учился в школе ФЗО № 14 при Сормовском заводе, а когда окончил учебу, был направлен на автозавод. Здесь около трех лет ты работал в кузнечном цехе. Ты стал кузнецом на паровом молоте и так полюбил свое дело, что, когда пришел твой срок идти в армию, дал себе слово вернуться после службы в свой цех и снова стать именно к этому своему паровому молоту № 62.

Первые впечатления от твоей работы многое мне разъяснили. Я стал понимать, почему ты так любишь свое дело. Я понял, что нельзя не любить эту поистине поэтическую работу: в клещах ты держишь раскаленную заготовку и, проделав с ней ряд ловких движений, последним ударом молота отсекаешь уже готовую деталь, которая огромной искрой летит в металлический ящик. Как быстро, как умело и споро перекладывал ты заготовку в «ручьях» парового молота, в этих формах, штампующих крышку шатуна! При норме 2600 деталей за смену, в эти дни ты уже выдавал по 4300—4500 штук. И когда ты заметил меня, лицо твое озарилось улыбкой. Ты был не похож на того Антонова, с которым я разговаривал утром в библиотеке. Ты был уверенным и быстрым. Ты был не похож на того Антонова внешне, но я знал, что твое душевное состояние, твои думы о партии и о своей жизни остаются по-прежнему на той счастливой высоте, которая приходит к человеку, когда он готовится стать коммунистом.

Пусть будет он тревожен или тяжек,
Твой день, твой труд, разбег твоей мечты, —

У партии ни скидок, ни поблажек,
Нет, никогда просить не будешь ты.
Ты хочешь так!
Тебе отныне нужен
Лишь этот путь и лишь такой удел,
Всем существом ты понял, что разбужен
Для новых чувств,
Для небывалых дел...

Я видел, как ты отказался взять у своего подручного Владимира Кауркина поданную тебе заготовку. Ты ничего ему не сказал, только махнул рукой, и Кауркин тебя понял. С виноватым видом он снова стал нагревать заготовку, а ты в эти несколько секунд, воспользовавшись передышкой, подозвал меня и про кричал на ухо:

— Недогрел немного... сейчас исправит дело...

Я хотел тебя спросить, откуда ты знаешь, что он недогрел, но в это время Кауркин подал заготовку. Николай Михайлович Молев объяснил мне, что ты это определил по цвету. Поскольку Кауркин молодой, еще не очень опытный подручный, он не всегда дает нужную заготовку. Что касается Антонова, пояснил мне Молев, то он не возьмет заготовку с молочно-белыми пятнами, то есть с перегревом, не возьмет и недогретую...

Теперь я смотрел на тебя еще внимательнее, и твои прищуренные глаза поясняли причину твоей сосредоточенности.

И вот наступил большой день твоей жизни.

В цеховом комитете собрались лучшие рабочие цеха. Собрались коммунисты, которым ты должен был рассказать о своей жизни и работе. Рядом с парторгом ЦК Горевым сидел парторг цеха Зайцев. Был здесь и твой первый наставник Николай Михайлович Молев, и подручный Володя Кауркин, и добрый друг Вениамин Макаров — кузнец цеха, и многие другие Рабочие.

Когда назвали твою фамилию, когда ты встал и тебя посмотрели все присутствующие в комитете, ты чему-то совсем уже не волновался. Потом ты

мне объяснил, что таков уж у тебя характер: волнуешься «перед» и «после», а в момент испытания всегда спокоен. Это спокойствие было обретено безусловной уверенностью, что коммунисты завода, знавшие тебя еще до армии и приглядевшиеся к тебе в последние два месяца после демобилизации, верят тебе, Александр Антонов, верят нашей рабочей молодежи, которая не мыслит себе жизни без партии.

Ты шел домой. Шел к своей жене, к дочурке Аннушке, нес им подарки, чтобы с дорогими тебе людьми отпраздновать это событие. Я провожал тебя глазами и думал о твоей судьбе.

Ты шел домой... Ну, разве это мало —
Обрадовать любимую свою?
Дай ей понять, что личным делом стала
Твоя работа в заводском краю,
Что дни труда, спрессованные вместе,
Усилия всех участков заводских,
Масштабы их — ведь это дело чести
Всей партии, всех помыслов твоих.
И все осуществляемое в целом,
Надежды и задачи этих дней
Становятся твоим партийным делом,
Чертами биографии твоей.

20 мая

Наша «М-72» все еще проходит курс лечения в КЭО.

Эта машина начинает мне напоминать ту самую тетюшку, о которой говорят: чем усерднее она лечится, тем больше болезней у нее обнаруживается.

Ничего не поделаешь. Приходится ждать. Тихомиров разговаривает по телефону с женой, и она обещает прилететь к нему на свидание. В это время мы с Ломакиным отправляемся в город, заходим в редакцию газеты «Горьковская правда» и получаем задание.

Заведующий сельхозотделом Нечетов говорит нам:

Послезавтра состоится областное совещание животноводов. Вы не смогли бы срочно съездить в колхоз «Искра»? Там работает один из лучших пастухов области, Леданов...

Срочно — это нас устраивает. Мы быстро поужинали и, несмотря на поздний час, попутной машиной отправились в колхоз.

Неустойчивые сумерки провожали из города полуторку, в которой ехали к пастуху Леданову внештатные, моментальные корреспонденты «Горьковской правды». Вскоре улица Свердлова влилась в в бывшую Большую Московскую дорогу. Это та самая дорога, по которой нижегородские ямщики, жившие вне города — в Ямской слободе, поддерживали регулярную связь со следующей ямской станцией — деревней Алешково, где как раз и находился колхоз «Искра».

Мы ехали над Окой. Справа, на противоположном берегу, мерцая сотнями огней, оставался Горький. Только ночью с высоты летящего самолета приходилось мне любоваться подобной картиной: золотые россыпи огней были похожи на льющееся при обмолоте зерно. Чувство восхищения не покидало нас до самого Богородска.

Мы помнили наставления Нечетова. С правой руки должна быть нужная нам деревня. Шоссе Москва — Горький приучило нас к фанерным табличкам, на которых значились названия придорожных деревень. Мы стали вглядываться в темноту, отыскивая дощечку со словом «Алешково». Но по пути попадались только фанерные щиты, беседующие с водителями автомашин.

Наконец мы приехали.

В деревне встретили запоздалого велосипедиста. Это был Женя Зотин, сын местного агронома, десятиклассник. Он взялся провести нас к Леданову. В доме Жданова огни были погашены, и, заметив нашу нерешительность, Женя сказал:

Может, к Дымову зайдете, — он указал на освещенные окна соседнего дома. — Тут у нас на Иваовской улице живет, так сказать, цвет колхоза: пред-

седатель, лучшие доярки, агроном и вот этот Дымов, наш зоотехник.

Увлеченный работой, Дымов даже не повернулся, когда я вошел в комнату. Первое, что я увидел, — это силуэт Дымова на обоях: крупный покатый лоб, слетевшие на кончик носа очки, длинный, чуть кверху закрученный ус и ежастый, видимо давно не бритый, подбородок.

Но вот Дымов встал из-за стола, и я протянул руку пожилому сутуловатому человеку в авиационном кителе.

Много позже Дымов оказал о себе: «Я ровесник века». Ему было пятьдесят шесть лет, из которых тридцать четыре года он отдал животноводству.

— Дело это такое: если не любить, человек долго не проработает. Одним словом, животноводство — это мой «конек».

Я попросил разрешения посмотреть на то, что писал Дымов. Это была очередная заметка в районную газету «Ленинская победа». В прошлом году, как активного селькора, редакция премировала Дымова четырьмя томами Мичурина.

— Посмотрите на районную доску показателей, — оживленно говорил Дымов. — Там сейчас пишут не про сев, не о зерновых, а о надоях молока, о получении мяса...

И Дымов всем своим видом давал понять, что он в колхозе поставлен на самый важный участок и выше этого ничего нет на свете.

— Свинооткорм? Это дело новое. Можно сказать, для нашей области из всех новых дел самое новое. Еще в прошлом году мы вели свиноводство дедовскими методами: получали девятьсот — тысячу поросят и продавали их в двух-трехнедельном возрасте на рынке. Теперь — стоп. На рынок не возим. Продаем своим колхозникам по одной голове на семью, а основное количество поросят ставим на откорм в специально выстроенном помещении. Примерно два месяца держим под матерью, два месяца докармливаем, вернее — выращиваем, и с четырехмесячного возраста ставим на откорм. Держим в колхозе еще

три месяца и с весом семьдесят — восемьдесят килограммов сдаем государству. Но это первая половина вопроса, а самое интересное — второе...

Тут Дымов не выдерживает. Он вскакивает из-за стола и покручивает заостренные кончики своих рыжеватых от махорки усов.

— ...второе — добиться, чтобы мясо стало дешевым. Мы решили в корне изменить сложившиеся веками картофельные рационы для свиней. Ведь было какое мнение? Если нет картофеля, то свиноводством заниматься нельзя. Мы опровергли это. Колхоз купил «ДКУ» — кормоизмельчитель, на котором готовим сенную муку и сенозерновые комбикормы. Пропускаем через «ДКУ» клевер — вот и мука, пропускаем одновременно рожь, кукурузу и клевер — пожалуйста, вот вам и сенозерновая смесь, великолепный заменитель картофеля. Более того, три килограмма этой смеси заменяют пять-шесть килограммов картофеля. Здорово, правда? И при таком кормлении получаем привес поросят от четырехсот до пятисот граммов в сутки, чего один картофель никогда не давал.

Дымов считал необходимым остановиться решительно на всех проблемах колхозного животноводства и торопился сказать самое главное.

— В самом деле, почему коров красногорбатовской породы принято считать мелкими и малопродуктивными? — Дымов возмущается. — До сих пор в сельскохозяйственных техникумах так и учат, а на самом деле в колхозе «Искра» стадо имеет средний живой вес четыреста тридцать четыре килограмма, а отдельные животные достигают шестисот килограммов, например Рябинка. А взять продуктивность: Радуга — пять тысяч семьсот пятнадцать, Гречка — шесть тысяч шестьсот, а Блондинка дала семь тысяч тридцать четыре килограмма молока!

Утром солнце просочилось в большую комнату дымовского дома. На полу косо отпечатались низенькие окна, затененные росточками яблони и осочки, помидорной рассады и герани. Дымова уже не было. Его жена сказала, что Сергей Андреевич перекусил и отправился на птицеферму, где в «колониальных

домиках» выращивается 2200 цыплят. На столе лежала незаконченная записка.

«Все эти факты, — писал Дымов, — убедительно доказывают, что не скот мелковат, а порой бывает мелковата наша работа и слаба кормовая база...»

21 мая

Федор Леданов, коренастый человек в резиновых сапогах и стеганке, улыбается с той непосредственной приветливостью, которая свойственна только хорошим, чистосердечным людям.

Эта улыбка сопровождает слова Леданова, когда он рассказывает о своем красногорбатовском колхозном стаде, о повадках вверенных ему коров, о секретах пастбы...

Улыбка Леданова — скромная, когда он говорит о себе, ласковая, если рассказывает, как хорошо гнать на пастбище коров в два часа ночи по холодку, и еще его улыбка бывает снисходительной, когда вы зададите ему слишком примитивный вопрос, на который и отвечать-то не хочется.

— Почему же, Федор Васильевич, скотина сейчас в весе убавила?

— Почему... Известное дело. Трава какая? Овечка да козушка зацепит, они под самый корень берут, а корова с языка хватат. Прихватит — так будет сыта, а нет — так зубами щелкат...

Так и говорит он: «хватат», «щелкат». И есть что-то обаятельное в этом своеобразном говоре. Словно пропущенная буква подчеркивает какую-то недосказанность в речи пастуха: он многое знает, но не все вам сразу выскажет, при себе оставит.

Уроженец Дальне-Константиновского района, Федор Леданов приехал в колхоз «Искра» девять лет назад как раз из тех мест, откуда ежегодно во все концы Горьковской области расходятся пастухи-сезонники по селам — наниматься по договору на работу.

Кому не известно в области, что в таких деревнях, как Кожлейка, Мигалиха, Муравыха, из поколения в поколение передается профессия пастуха.

Не простое это дело, и справиться с ним может только тот, кто сумеет полюбить и животных, и пастбище, разбитое на клетки, и, наконец, просто усвоит секреты продуманной пастбы. Надой молока за четыре года увеличился с 2515 килограммов от каждой коровы до 3470 килограммов! Но не думайте, что все это происходит само по себе. Один он, Леданов, знает, как иной раз обхаживаешь каждую корову, потому что у каждой свой характер и то, что идет на пользу одной, иногда может повредить другой корове.

— Всяко бывает... иной раз друг дружку ковырнуть норуют, — рассказывает Леданов, — а все По нашей вине! Во дворе фермы прогон такой узкий, что коровы бьются, и давят друг друга. Я уж председателю говорил... Через посевы на пастбище тоже тесный проход, вот и получилось дело...

Федор Леданов сокрушенно вздыхает. Знали бы вы, как он переживал, когда корова в стаде скинула теленка. Леданов чуть не плакал. Кто его знает, как это вышло! Может быть, в узких проходах стельную корову придавили, а может и подпасок ударил... Как бы там ни было, а виноват пастух. Ничего не поделаешь...

С той поры, как это случилось, помрачнел Леданов. И, как назло, второй случай приключился: в стаде отелилась корова, а Леданова как раз не было на месте. Теленочка он нашел в лесу, выходил, а все же неудобно получилось перед колхозниками, непорядок...

Да, видно, не бывает так, чтобы человек все время испытывал радость. Много радости у Леданова: и медаль «За трудовое отличие» получил, и премировали его радиоприемником «Родина», и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке побывал, да не просто экскурсантом, а как участник, вот вам доказательство — свидетельство № 184776 от 18 июля прошлого года и большая серебряная медаль... Словом, оценили труд пастуха — и трудовни, и деньги, и почет, а все это сразу потемнеет, как только грянет беда...

Как видите, жизнь пастуха не такая уж тихая и

гладкая. Свои волнения, страсти и споры вспыхивают и на ферме и на пастбище, и бывает, не уступаешь самому зоотехнику Дымову, потому что, хотя он и ученый человек, а все же пастух, по мнению Леданова, «тоньше понимает».

— Хороший человек Дымов, — вспомнил Леданов один случай. — Но в Придачу гнать стадо?.. Нет, Сергей Андреевич, не выйдет... Останусь в Широком долу...

Придача — это перелесок. Там трава получше, но нет воды. А в Широком долу, хотя трава и примята и загрязнена, — неподалеку вода. Леданов считает, что в такое жаркое время лишать коров воды никак нельзя — сразу в весе скинут.

Леданов не был равнодушен к тому, как и где пасется скот. Когда я напомнил Дымову об этом, колхозный зоотехник с чувством гордости за «свой кадр» сказал:

— Был конфликт, и, знаете, Леданов оказался прав, а я ошибался. Действительно, еще несколько дней следовало продержаться в Широком долу, так и порешили.

И Дымов отметил, что, несмотря на свою неграмотность, Леданов порой лучше специалиста способен разобраться в некоторых вопросах, которые связаны с его профессией.

Надо ли говорить, что успехи в животноводстве, помимо прочих условий и обстоятельств, достигнуты колхозом благодаря мастерству и усердию колхозного пастуха Федора Васильевича Леданова? Он неторопливо шагает позади своих питомцев, и его прищуренные от солнца глаза видят, знают и понимают многое. Он гонит стадо на пятый загон.

— Отдохнула, — сказал Леданов, и я понял, что это он говорит о земле. К земле он относился, как к чему-то живому...

24 мая

Позавчера радио сообщило:

«Партия и правительство обращаются ко всем комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской мо-

лодежи с призывом выделить из своей среды в 1956—1957 годах 400—500 тысяч юношей и девушек, которые взялись бы за сооружение в восточных районах новых заводов, гидроэлектростанций, угольных шахт, рудников и других предприятий, а также железных дорог. Партия и правительство надеются, что комсомольцы и молодежь, изъявившие желание работать на новостройках, поедут туда не как гости или сезонники, а как подлинные хозяева, решившие в корне преобразовать эти богатейшие края».

Мы снова пошли на автозавод. В заводском комитете комсомола на столе уже лежало несколько заявлений.

— Надо нам тоже скорее ехать в Сибирь, — вздохнул Ломакин.

Да, мы засиделись в Горьком. Но что же делать, если в КЭО все еще чинится и оборудуется наша «М-72».

Интересно, кто же первый из молодых горьковчан решил поехать на далекую сибирскую стройку?

Первых было трое.

Трудно сказать, когда завязалась крепкая дружба «трех сестер», как называют этих девушек в отделе главного энергетика. Валентина Потачева — монометрист отдела электрики, Лысова и Петровская — обе Альбины — подали заявление в комитет ВЛКСМ завода с просьбой послать их на строительство нового завода в Красноярском крае.

Мы встретились с девушками как раз в тот день, когда у них созрело твердое решение: ехать. Они даже заявления написали одинаковые. Только подписи разные.

«В Москву! В Москву!» — твердили чеховские сестры.

«В Сибирь, на новостройку пятилетки!» — говорят наши «три сестры» — Валя Потачева и комсомолки Лысова и Петровская. Валя еще не вступила в члены ВЛКСМ, но говорит:

Сейчас оформляться некогда, буду комсомолкой в Сибири.

Я вспомнил, что решил вступить в комсомол на фронте.

Мы спросили девушек, когда они собираются выезжать. Они сказали: наверное, в июле. Завод готовится проводить их, как родных. Личные планы? Да, у них есть друзья, с которыми они будут переписываться.

Словом, все впереди!

И еще в этот день мы побывали в велосипедном цехе.

Члены комсомольско-молодежной бригады Галины Панец только что подали заявление с просьбой послать их на одну из строек Сибири. Мы пришли в цех во время обеденного перерыва и застали девушек за беседой. Все они сборщицы велосипедных звонков, работают вчетвером и выполняют такую же норму, как и бригада в шесть-семь человек.

Галина Панец и Галина Лоскутова уже подали заявления и твердо решили ехать. Что касается Раи Калашиной и Лиды Горюновой, то они сейчас заканчивают десятилетку в школе рабочей молодежи и намерены, по словам Лидии, догнать подруг уже в Сибири, как только получат аттестат зрелости.

— Так что вы нас ждете, — говорит Рая.

— Обязательно будем ждать! — обещает Галина Лоскутова. Она в прошлом году закончила десять классов, пошла работать на завод и сейчас с большим интересом и радостным волнением уезжает на заманчивую сибирскую стройку.

Подруги расстаются. Но их сердца продолжают дружить. Их встреча в Сибири, как говорится, не за горами.

25 мая

Когда собираешься в далекий путь, в Сибирь или на Дальний Восток, все твои радости, сомнения и заботы разделяют не только друзья и родные. Всякий заводской или другой коллектив считает своим долгом проводить тебя как можно сердечнее, и бывает, директора не скупятся, выделяя необходимые суммы

на различные подарки и сувениры, от которых уезжающие никогда не отказываются.

И если каждая семья, проводившая своего сына или брата на далекую сибирскую стройку, начинает думать о том, как теперь жить без этого неутомного, родного, заботливого или эгоистичного человека, то завод тем более обеспокоен случившимся: Борис Новиков, Валя Меркулова, Николай Князев, Вера Шебалина, Валентин Гаврилин и Анна Юрина покидают родное гнездо колесного цеха и намерены улететь в Красноярский край, где и собираются «преодолевать любые трудности во славу родины», как это написано в каждом заявлении.

В связи с этим начальник участка сборки грузовых колес Дорогин, заместитель начальника технического сектора Ванштейн, бригадир раскатчиков Пермяков и начальник участка легковых колес Лебедев во время обеденного перерыва заводят тот самый разговор, слушая который можно сказать, что люди «ломают себе голову».

— Таким образом, — продолжает Лебедев, — с моего участка уходят пока четыре человека, а замена? Замены уже нет.

«Пока» и «уже» Лебедев подчеркивает. Дорогин говорит:

— Хорошо, Аня Юрина уезжает. Что она у вас делает?

— На заклепках, — отвечает Лебедев.

— А не ликвидировать ли заклепки?

— Да, да, совершенно верно, — поддерживает Ванштейн. — Если диск с ободом будем сваривать путем точечной сварки, вместо девяти человек с этой операцией справятся четверо.

— Но где же сварочные аппараты?

Крыть нечем. Аппаратов пока нет. А точечная сварка — это вещь. Электрод как бы прижигает диск и обод. Такие колеса выглядят гораздо лучше, чем заклепанные и, главное, точечная сварка значительно убыстряет работу. Надо делать аппараты!

Кто другой, а уж Дорогин по вопросам сварки имеет свои соображения. Если хотите, он выдвинет

сейчас самое реальное предложение, которое сделает отъезд Николая Князева для участка сборки грузовых колес совершенно безболезненным.

Дорогину не нужно подробно разяснять суть работы Князева. И так все ясно. И стыдно. До сих пор рабочий ломиком, вручную отбивает с колес нагар, оставшийся после сварки. Этот нагар, «град» можно ликвидировать с помощью специального приспособления, которое и предлагает Дорогин внедрить в производство. Технический совет одобрил приспособление и принял решение механизировать обивку «града», однако...

— Словом, будем форсировать, — обещает Ванштейн.

Так Николай Князев, не подозревая этого, своим отъездом двинул дело вперед. А надо было и ему и всем покидающим родной завод подумать, чем себя заменить. Именно не кем, а чем. И если каждый комсомолец поразмыслит, станет рационализатором, какую огромную государственную пользу принесет это творческое расставание молодых рабочих со своим заводом!

— Ты что вздыхаешь? — неожиданно сказал Лебедев, глядя на молчаливого, несколько угрюмого Пермякова.

Бригадир раскатчиков стоял поодаль, у окна, преисполненный скрытой тревоги. В свое время его бригада решила выполнить повышенное задание первого года шестой пятилетки без увеличения числа рабочих. Для дополнительной раскатки дисков колес нужно было набирать в цех еще двенадцать человек. Посоветовавшись, раскатчики решили повысить производительность, устранить потери рабочего времени, обойтись своими силами. У них появился свой цеховой лозунг: «С меньшим числом рабочих выдавать больше продукции!» Автозаводцы горячо поддержали этот патристический почин, и коллегия Министерства автомобильной промышленности одобрила опыт бригады. С тех пор немало усилий было потрачено на то, чтобы выполнять месячные планы, чтобы повысить выпуск колесных дисков на 60—70 штук в смену.

А теперь? В цеховой комитет комсомола поступают все новые и новые заявления. В Красноярский край! Лучшие рабочие! Вчера их было шестеро, сегодня двенадцать, а завтра?..

— Я глубоко убежден, — говорил Пермяков, — что без ущерба для производства можно продолжать работу своими силами, но для этого что нужно? Сами знаете — быстрее внедрить все наши организационно-технические предложения...

— Новый почин? — улыбнулся Малыгин. — Так сказать, двойной.

— А что? — не возражал Пермяков. — Колесники всегда впереди.

— Да-а, Пермяков, — раздумчиво заметил Лебедев, — с твоей хваткой да энергией да на твоих колесах далеко уехать можно...

— Поезжайте и вы, кто вам мешает? У вас, Алексей Викторович, легковые. Так сказать, вам и колеса в руки. Обгоняйте!

А в это время Валя Меркулова штамповала диски легковых колес. Борис Новиков передавал на электро-сварку обод грузового колеса, а Николай Князев отвлекал от работы Веру Шебалкину и говорил:

— Если бы этот диск был поменьше, я бы взял его с собой на память о нашем заводе, о тебе и вообще...

— Чудак ты, Коля, — улыбалась Вера своему сибирскому счастью. — Я ведь тоже туда еду...

27 мая

Вот снова, как было в тридцатых когда-то,
В райкомах путевки дает комсомол
Опять на восток уезжают ребята —
Безусая гвардия фабрик и сел.

Мы любим друзьям говорить: «Уезжаю»,
При этом обычно нас хвалят всегда;
По омской земле, по сибирскому краю
Бегут, и бегут, и бегут поезда.

Мы любим за десять минут до отхода
Присесть, помолчать и услышать: «Пора»,
Напутствия любим особого рода,
Как, скажем, «Ни пуху тебе, ни пера!»

Мы любим добротню собратья в дорогу
И, как это в прошлом писалось уже,
С эпохой хотим не иначе как в ногу
Шагать на ведущем ее рубеже.

Нам это по нраву, мы любим такое:
Нагрязнеть, прийти в нежилые места,
Когда с боевой всенародной мечтою
Сливается личная наша мечта.

Да здравствует это хорошее время,
Да здравствует точный вокзальный звонок,
Когда на подножку вагона, как в стремя,
Вскочили и вот уж летим на восток!

Летим и летим...
А прикроем глаза лишь,
И видится сразу нетронутый край,
Та самая многоземельная залежь:
Хоть меряй — не меряй, считай — не считай.

Мы любим в вагоне улечься на полке
И с нежною грустью друзей вспоминать,
И думать о дальнем сибирском поселке,
Где, может быть, счастливы будем опять.

Тот край станет самым родным и желанным.
Приблизится наша заветная цель...
Что ж, можно не плыть по морям-океанам,
Но стать открывателем новых земель.

28 мая

Волга провожает нас яблоневыми садами, цветущими ветками, как бы осыпанными белой пахучей метелью.

Дорога Горький — Казань довольно оживленная. Встречные машины и пешеходы. В прошлом, говорят, были на дороге высоченные, екатерининских времен, березы. О них пели: «Отходили ноженьки вдоль большой дороженьки, отглядели глазоньки на белые березоньки».

Город Лысково до революции считался селом. Входил в Макарьевский уезд. Вообще это уже не первый город, который в прошлом называли селом. Подобно городу Горькому, который в десять раз увеличил свою территорию, малые населенные пункты тоже разрастались, превращались из сел в города. Так было с селом Богородском. А вот теперь — мы в Лысково. Лесопильные заводы и паровые мельницы делают этот городок промышленным. Что касается старого пивоваренного завода, то он реконструирован и дает значительно больше продукции, чем это было прежде. Лысковское пиво пахучее, прохладное, хорошо утоляет жажду.

Напротив Лысково, над запойменной Волгой, раскинулся Макарьев. Когда-то он имел всероссийскую известность. Этот торговый филиал Нижнего Новгорода выдвигал на своих ярмарках не только отечественных, но и зарубежных купцов. В одной из неоконченных глав «Евгения Онегина» Пушкин отправляет своего героя в Нижний Новгород: и вскоре

...пред ним Макарьев суетно хлопочет.
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец.
Поддельны вина — европеец.
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей...

Из Лыскова видны были главы бывшего Макарьевского монастыря, который ныне объявлен государственным архитектурным памятником.

Переезжаем через речушку Сундовик. Такие небольшие волжские притоки порой не имеют названий, и тогда их именуют «воложками». Прощаемся с городом Лысково и по дороге на Васильсурск решаем

заехать в село Красный Оселок.

Село мое Красный Оселок
Стоит на высокой горе.
Явились сюда новоселы
Еще при Великом Петре.

Садов насадили. Весною
От них, как от снега, бело,
И что б ни случилось со мною —
Я помню родное село.

Я читаю на память эти стихи своим спутникам. Стихи написал мой товарищ, поэт Федор Сухов. Он родился в этом селе, и я думаю о том, как много талантливых людей вышло из таких вот приволжских сел, как Красный Оселок. По-разному у людей складывались судьбы. Здесь, на Волге, мне недавно рассказали об одной мало кому известной жизни.

...Сейчас в Горьком имеется планетарий. А в прошлом веке, когда мало кто знал о существовании телескопа, в селе Богородском возник астрономический кружок, и руководил им не учитель, не врач или ученый меценат, а бывший крепостной графа Шереметьева — крестьянин Константин Иванович Каплин-Тезиков. Еще ребенком он слагал стихи. С детства служил в доме графа Шереметьева, тайком забирался в барскую библиотеку и самоучкой изучил сначала русский, а затем французский и английский языки.

Каплин-Тезиков переписывается со знаменитым французом Фламарионом. Нижегородский крестьянин накапливает Деньги, и Фламарион помогает ему приобрести в Париже зеркальный телескоп. Всю жизнь Каплин-Тезиков посвящает астрономии, пишет книги «Краткий курс астрономии», «Обзор геологической истории земли», занимается математикой.

Я вспоминаю об этом именно сегодня, когда мы останавливаемся в горьковском селе Красный Оселок. Мы свернули с трассы, чтобы передать поклон родителям Федора Сухова. Он жил в простой крестьянской семье и, подобно Каплину-Тезикову, с детства любил стихи. Сухову не нужно было тайком пробираться в барскую библиотеку. Он учился в средней школе у себя на родине, воевал в Отечественную войну, по-

Виктор Урин. 179 дней в автомобиле. Москва-Владивосток. 1958 г.

том поступил в Литературный институт имени своего

знаменитого земляка. Институт имени Горького он окончил с отличием, и сейчас у молодого поэта «По-спевают ягоды» второй книги стихов.

29 мая

Я снова перелистываю выписки из книги «По градам и весям», изданной до революции. Автор описывает свое автомобильное путешествие и, в частности, замечает: «Ну и дороги в Нижегородской губернии! Это что-то невероятное! Перегон до Васильсурска был сплошным мучением. Изрытая ухабами и колеями грунтовая дорога извивается, как змея... На многих спусках и подъемах она шоссирована. Но, боже мой, что это за шоссе! Лучше бы его вовсе не было».

Мы не могли пожаловаться на дорогу, но был случай, когда битумные покрытия, расплавленные солнцем, заставили нас съехать на проселок. Около деревни Чегуны мы встретили дорожников ДО-712 первой дистанции, третьего обхода. Ремонтер Капитолина Михайловна Старостина шла вдоль шоссе с метлой, стараясь замести песком битумную жижу. Но ведь шоссе не комната! Мы видели, как встречный грузовик наматывал на свои шины пласты битума. Надо ли хватит этой резины?

30 мая

В Сталинграде Волга куда величавей и полноводней, чем здесь, у Чебоксар.

В районе населенного пункта с характерным чувашским названием Тури-Касы мы сворачиваем с магистральной. Мы хотим повидать места, где в эту пятилетку должна подняться могучая Чебоксарская ГЭС.

К волжскому берегу подъехать не удастся. Высокий, заросший деревьями и кустарниками, он пока и не подозревает о плотине, которая скоро упрется в его плечо.

Смотришь вдаль, на чебоксарское левобережье, и Думаешь: вот-вот появится еще одно Волжское море, рожденное гидроэлектростанцией. Это море разольет-

ся на триста пятьдесят километров — почти до самой плотины Горьковской ГЭС у Городца, по Оке до Дзержинска, по Ветлуге выше села Воскресенского и по Суре до Шумерли. Несколько уступающее Рыбинскому водохранилищу, Чебоксарское море будет одним из крупнейших на Волге.

После строительства Чебоксарского и Саратовского гидроузла от верховьев Волги до Сталинграда возникнет целое ожерелье гигантских водохранилищ. Остается взять карту и карандашом исправить географию этого края.

Чебоксарская ГЭС мощностью около 800 тысяч киловатт будет меньше Куйбышевской, Сталинградской и Саратовской, но значительно больше всех четырех верхневолжских гидроэлектростанций, взятых вместе. Годовая выработка Чебоксарской гидроэлектростанции будет равняться 4 миллиардам киловатт-часов. Эта громадная цифра зазвучит еще убедительнее, если сослаться на некоторые подсчеты: только один киловатт-час позволяет вспахать две с половиной сотки земли, или изготовить 10 метров ситца, или выпечь 88 килограммов хлеба...

Два миллиона тонн высококачественного угля сэкономит для страны Чебоксарская ГЭС, и, следовательно, ряд областей Среднего Поволжья не станет уже завозить огромное количество угля и топлива, что в свою очередь разгрузит железную дорогу.

И самое главное — электроэнергия двинет вперед все отрасли народного хозяйства и Чувашии, и Марийской АССР, и ряда районов Горьковской области. Не секрет, что темпы развития нашего народного хозяйства все еще сковываются недостатком энергетических ресурсов.

А в Чувашии, например, несмотря на ее скромную территорию, имеются значительные запасы горючих сланцев, фосфоритов, известняков, строительных и кварцевых песков. А леса? Какие лесные массивы раскинулись и в Заволжье и в Присурье!

Эти богатства плюс дешевая электроэнергия — поистине золотое дно Чувашского края! Вы получите тут в большом количестве этиловый спирт, сахар, бел-

ковые Дрожжи, «сухой лед», кормовые продукты, и все это даст гидролизная промышленность на базе заволжских лесов и отходов деревообрабатывающих предприятий. Гидролиз древесины — новая отрасль советской индустрии, отрасль, которой принадлежит большое будущее.

Почему в Чувашии так много и радостно говорят о строительстве гидроэлектростанции? Да потому, что ее энергия даст республике развитие различных отраслей промышленности и, наконец, электрифицированные железнодорожные магистрали Москва — Казань и Казань — Чебоксары. Перевоз грузов увеличится более чем в два раза.

А речной транспорт? Чебоксарское море в корне изменит судоходство в этих районах: выпрямится путь из Чебоксар в Горький, суда и баржи смогут подыматься по Большому Цивилю выше города Цивильска, по Малому Цивилю до Чурачик, по Сундырю и Выле до райцентров Большого Сундыря и Советского.

Да и Сура превратится в солидную водную магистраль, по которой смогут курсировать крупные волжские пароходы от Васильсурска до Шумерли. Ядринск и Шумерли станут настоящими портовыми городами, Чебоксары получат новый механизированный порт, где грузы будут переваливаться с Волги на железную дорогу и обратно в значительно большем количестве, чем это было в последние годы.

Мы стоим над Волгой в районе Чебоксар, и хотя пока здесь пустынно и, кроме первых изыскателей, вряд ли заметишь какие-нибудь признаки будущей стройки, — нам видится могучая плотина Чебоксарской ГЭС, которая станет мощным источником экономического расцвета ряда республик. Я вспоминаю сталинградскую деревню Рынок, вспоминаю, как мы приезжали туда из Сталинграда, когда еще ничего не было. А сейчас? Маленький Рынок стал площадкой большой стройки. Подобно нашей славной Сталинградской ГЭС скоро-скоро расправит плечи ее родная сестра, энергетическая труженица Большой Волги — Чебоксарская гидроэлектростанция.

Переправа Свияжск — Зеленый Дол. — Татарская нефть. — Момодыш. — Ижевск. — Воткинск. — Кунгурская пещера. — Библиотека в Быково. — Самоцветы или драгоценные камни? — Уральские встречи. — Талицкие хоры. — Заблудились. — По дороге в Тюмень. — Тобольск. — Здесь утонул Ермак. — Вагай. — Ишим.

2 июня

Мы застряли на станции Свияжск, в сорока километрах от Казани, и второй день никак не можем выбраться отсюда: нет переправы. Хотели сделать крюк, но потом узнали: мост через Свиягу разрушен. После того как разлилась Волга, переправа не налажена. А по железной дороге от Свияжска до левобережного Зеленого Дола рукой подать — всего семь километров.

Трудно себе представить более неудобную «посадочную площадку», чем эта: платформы нет, будет не скоро, шоферы нервничают, «загорают». Но вот подошел состав, и с бортов двухосных платформ кладется настил на землю почти с метровой высоты. Хорошо тем машинам, которые не имеют высокой загрузки. Они как-то проскакивали на платформы. А у Фасаха Шайхугдинова в машине два крупных дизеля марки «I-Дб», которые он везет из города Ликино после капитального ремонта к себе в Кзыл-Юл-

дусский район. Там и находится Камский леспромхоз. Дизеля высокие, громоздкие.

В тот момент, когда Шайхутдинов пытался взобраться на железнодорожную платформу, а дизелист Иванов, размахивая руками, кричал: «Лево руля, говорю же тебе, лево руля!» — машина Шайхутдинова, я без того сильно накрененная вправо, продавила настил и с грохотом перевернулась. Водитель согнутой рукой уцепился за баранку и отделался синяками. «ЗИС-5» лежал на правом борту, и левые колеса по инерции вертелись в воздухе.

Шайхутдинов, словно из люка, вылез из кабины. Он увидел сбежавшихся сюда шоферов и чуть не плачущего Иванова, который прикладывал отломавшийся кусок металла к кронштейну вентилятора, словно его можно было приклеить.

Короткий осмотр не принес ничего утешительного: оба мотора были изувечены. Погнулись лопасти вентиляторов, и выбыл из строя гибкий валик тахометра. Еще хуже обстояло дело с дизель-мотором: лопнул кронштейн и треснула вся верхняя крышка.

Рядом стоял автокран, принадлежавший нефтяникам. Он грузил на платформы только свои автомашины. Когда произошла авария и Шайхутдинов с Ивановым обратились к крановщикам, те потребовали заплатить, и пострадавшие отдали им последние деньги.

И вот сейчас, после того как авария ликвидирована, акт составлен и подписи собраны, мы сидим с Николаем Алексеевичем Ивановым в шоферской кабине «ЗИСа». Я помогаю ему вынуть остатки разбитого стекла из дверной и смотровой рамки. Шайхутдинов чинит погнутую подножку. «Стыдно домой ехать, — говорит он, — называется, отремонтировали».

— Одно мне непонятно, — говорит Иванов, — почему у нас иной раз так получается: большие дела совершаем, а мелочи не учитываем. Через эти мелочи и заваливаем основное...

Нельзя было не согласиться с Ивановым, мы своими глазами видели, как коржились платформы, ломались борты автомашин, как гребили технику, и все

потому, что на станции Свияжск не было нужных пологих настилов и отсутствовала типовая погрузочная площадка.

И вот восемь платформ, на которых уместилось одиннадцать автомашин, второй день никак не преодолеют семь километров. Вдруг выясняется, что какая-то платформа неисправна. У другой борт неправильно закрыт. У третьей — основание продавлено... И мы целый день маневрируем. Нас разлучают с одной платформой, знакомят с другой, предлагают присмотреться к третьей. Автомашины Сваромонтажного треста, треста Татарбурнефть, строительно-монтажного управления № 10 и наша «М-72» крепко застряли на правом берегу Волги, и неожиданно мы очутились в глухом тупике, «до выяснения», как сообщил весовщик станции Свияжск Иван Сергеевич Зиновьев. Он попытался направить нам настроение:

— У нас что-о!.. Это еще хорошо. Вот в Зеленый Дол прибудете, там хлебнете...

После этого заявления мы, разумеется, должны были остаться довольными той погрузкой, какую нам преподнес Свияжск.

— Я вам другое скажу, — доверительно сообщил заместитель начальника станции Кутурмин. — Давайте брать глубже, а выводы делайте сами. Я шестнадцать лет был начальником станции в Зеленом Долу. Не один раз ставил вопрос перед управлением о строительстве грузовой платформы. Думаете, добились? А ведь денег не так уж много ушло бы...

У Кутурмина все эти неприятности вызывают желание вообще прекратить переправу автомашин по железной дороге.

— Пусть как хотят. Раз так... мы не обязаны. А то, как осень или весна, начинаются поломки, акты и скандалы... Хватит с меня, это последний рейс!

Может быть, весь этот рассказ кому-нибудь покажется незначительным; не стоящим внимания на фоне больших и красивых дел, которые в это же время совершают люди нашей страны. Но давно известно, что маленькие неприятности всегда крепко мешают большим свершениям.

Ради большого и главного имеет смысл иногда строить погрузочные платформы там, где разливаются реки и двухмесячная весна должна переправлять срочные грузы.

3 июня

В Казани мы прощаемся с Волгой.

Волга. Я бывал в Ярославле, Костроме, в Горьком, Саратове. Я жил в Сталинграде. Там Волга была так близко, что с балкона можно было читать названия теплоходов. А по ночам, когда спадала знаменитая сталинградская жара и, затихая, засыпал охваченный ночной прохладой город, в открытые балконные двери долетал с Волги спокойный, отчетливый голос: «Граждане пассажиры, через пять минут отправляется теплоход «Аркадий Гайдар», следующий рейсом Сталинград — Камышин». Волга была рядом каждый день, как сады и скверы на улицах, как соседние дома, как знакомые и друзья, которых встречаешь ежедневно. Я привык к Волге.

Но каждый раз, переплывая ее — на пароме, на катере или в лодке, — каждый раз заново волнуешься. Вот и сейчас: ударилась в борт парома темная волна — и захлестнуло сердце чем-то горячим.

...В Казани мы долго стоим у здания университета и стараемся представить себе, как в студенческом мундире вот у этих колонн проходил юноша, великий сын Волги, предсказавший ей новую завидную судьбу...

Мы прощаемся с первой из шести великих русских рек, через которые нам еще предстоит переправиться.

4 июня

Если меня спросят, с кем чаще всего мы встречаемся на дорогах и паромных переправах Татарии, — я назову людей, работа которых так или иначе связана с нефтью.

Особенно это чувствуется, когда приезжаешь в городок Момодыш и в тесной чайной прислушиваешься

к разговорам шоферов. Одни уже переправились, иные собираются переплыть многорукавную реку Вятку. И в чайной, расположенной недалеко от парома, можно встретить нефтяников Татарской республики, Кировской области, Удмуртии и Башкирии.

Нефтяники — народ особый. Для них административные границы — чистая условность. Для них весь Камский бассейн — единое нефтяное царство, в котором река Белая соревнуется с рекой Вяткой. Можно сказать, что реки текут над невидимым морем нефти. Так сказать, подземный черноморский нефтяной бассейн...

В Татарии нефтяные месторождения обнаружены на площади в несколько тысяч квадратных километров. В таком случае, по-моему, не Татарию следует назвать Вторым Баку, как это у нас принято, а Баку — Второй Татарией.

В ожидании парома наблюдаем, как райцентр Момодыш купается. Зрелище захватывающее, волнующее, агитирующее. Все время у берега звучит буква «щ». Потому что плещутся. Купается народ впервые, и это значит, что лето наступило. Мы тоже купаемся. Наши бледные городские спины ужалены солнцем.

С нами купается Муланыр Гилязович Гилязов — водитель автомашины «ЗИС». Он едет из Кировской области в Сучинское, где ему предписано взять трубы и доставить их в Елабугу. Всем надо в Елабугу. Там главная контора нефтегазоразведки. Мы с Гилязовым плывем к середине реки. Иногда он ложится на спину, отдыхает, и я демонстрирую свои познания в области нефтяной промышленности:

— Я вижу, вы действуете по методу искусственного поддержания пластового давления.

Гилязов смеется. Пускай это сказано ни к селу, ни к городу, но мне приятно, что Гилязов все понял. Мы выходим на берег.

— Я плыву на спине и в самом деле экономлю силы. А метод, о котором вы сказали, — говорит Гилязов, — экономит миллиарды рублей. В чем дело? Когда нефтяные месторождения разрабатываются обыч-

ным путем, скважины бурятся на расстоянии ста — ста пятидесяти метров одна от другой. Стоимость каждой скважины почти один миллион рублей. Методы поддержания пластового давления позволяют, условно говоря, вытянуть из скважины максимум нефти и при этом не разбуривать дополнительные точки. Ясно?

В прошлом году ввели в эксплуатацию такие месторождения, как Миннебаевское, Бавлинское, Абдрахмановское, Павловское. Прежде пришлось бы пробурить 32 500 скважин. Новые методы проходки позволили обойтись 1300 скважинами.

Экономия — тридцать миллиардов рублей!

Тонна нефти, добываемая в этих краях, в четыре раза дешевле южной нефти.

В Татарии немало значительных предприятий, широко развита машиностроительная, судоремонтная, кинопленочная, меховая промышленность, но рядом с ними объединение «Татнефть» выглядит гигантом.

Сначала кажется, что Вятка небольшая река. Сразу хватаешь глазами противоположный берег. Но вот катерок забирает паром, на котором, кроме нашей, стоят еще две автомашины с прицепами (разумеется, газоразведки), и вскоре вы начинаете понимать, что такое Вятка. Эта многорукавная, лабиринтная река напомнила мне волшебного пушкинского кота. То она ведет вас направо и песнь заводит, то налево — сказки говорит. Этот симпатичный кот мурлычет волнами, а вместо усов все время торчат над водой тальники, растущие на островках, мимо которых движется паром. То и дело скользим куда-то наискосок, поворачиваем как бы в обратную сторону, уже по другой, голубой дорожке, и опять движемся наискосок. Широкая, водообильная двухкилометровая Вятка в июне соперничает с самой Камой...

Вятка иссечена изумрудно-зелеными или серебристо-голубыми гребешками. Такой Вятка бывает, когда ей хочется вам понравиться. Но по утрам, в безветрие, Эта река похожа на девушку, которая только-только

проснулась и, сонная, босиком, остановилась на минуту, раздумывая, какой наряд ей сегодня надеть. Вечером Вятка торопится на свидание. Она молчалива, немного грустна, ее темно-синее платье таинственно колышется, она неторопливо подходит к берегу и целует его своими красными от заката губами.

Целует и быстро отбегает.

А потом, когда уже совсем поздно, в темноте трудно различить линию воды и берега. И в этой тишине, в этом смуглом безветрии, река уже не отбегает, а спокойно лежит рядом с бережком, над которым раскинулся уснувший городок — районный центр Момодыш.

5 июня

Переправились через Вятку и сразу попали в Бессонику. Там колхоз, название которого сразу дает вам понять, что люди, живущие здесь, не лишены поэтической фантазии. Колхоз называется «Красный прибой».

Дорога — камень, белый булыжник. Временами в селах встречаются татарские сельские мечети: деревянные срубы с высокими конусными башнями, увенчанными шпилями. Эти шпили тоже деревянные. Вообще дерево преобладает. Крыши покрыты корой липы. Заборы, окружающие село, и столбы ворот перед въездом прочно всажены в землю. Это для того, чтобы не уходила скотина. У ворот, как правило, дежурят ребятишки. Они дожидаются, когда вы подъедете поближе. Вы должны лично увидеть и оценить, как ловко и гостеприимно они открывают перед вами шатко сбитые жерди ворот.

В селе Мунайка нам говорят:

— А еще нефть недавно нашли в Бондюге...

Смотрим на карту. Райцентр Бондюжский — это впереди. Мы еще туда поедem. Или не поедem? На Урал можно ехать через Уфу. Есть еще и другая северная дорога. Оба варианта не годятся. Нам нужен Ижевск.

В Москве нам говорили: «До Казани вы еще до-

едете, а дальше трудно придется — застрянете». Должен сказать, что мы почти не «застревали». Из Казани мы выехали по страшно пыльной, но вполне сносной дороге. Мы заметили: чем ближе к городам, тем дороги, как правило, становятся хуже. Всюду их ремонтируют, и приходится ехать по обочинам.

Казань — Момодыш. Едем со скоростью шестьдесят километров в час. Но каменная булыжная тряска не предвещает ничего хорошего. Осмотрев шины («Да... Так до Владивостока не доедешь...»), принимаем решение снизить скорость. Ехать надо тактичнее.

Случалось и так, что совсем не было дороги. Это когда мы переправились через Вятку, петляли в пойме и, наконец, задрав головы, остановились перед огромным бугром. Он весь был нещадно исполосован шинами. Резкая рубцовка говорит сама за себя. Это следы отчаянной отваги тех шоферов, которые, подобно Сизифу, пытались втащить свои грузы наверх и снова скатывались к «исходному положению».

Нам хорошо. У нас вездеход «М-72». Это значит, мы легко преодолеваем малопроездные дороги и можем подыматься в гору под углом 32 градуса.

6 июня

Райцентр Бондюжский остается справа, и через некоторое время мы пересекаем поле, на юге принадлежащее Татарской республике, а на северо-востоке Удмуртии.

Нам следовало бы двинуться на Агрыз. Но мы решили пробираться к Ижевску проселочными дорогами, побывать в отдаленных селах. Неожиданно узнаем, что в этих краях проселок куда лучше основной Дороги, отмеченной на карте двумя магистральными полосками.

Иногда нам удавалось делать открытия. Например, на карте совершенно не обозначена дорога из Удмуртского Тоймобаша до Сырьеза. Желая быстрее доехать, мы на свой страх и риск направились через

желто-сиреневую пустоту, обозначавшую на карте территории двух удмуртских районов — Алнашского и Пычегского. Оказалось, что проселок тут превосходный, и мы только подивились картографам, скрывающим это.

Путешествие по Удмуртии началось от деревни Старая Юмья, рассеченной живописной речушкой Тойма. В речушке четко отражена прибрежная куполообразная зелень. Две удмуртские девушки — Ира Вершинина и Надя Новикова, вскинув на плечи вилы, шли через мостик домой. Они целый день работали в поле. Они неторопливо шли нам навстречу, но, когда мы захотели их сфотографировать, они почему-то заторопились и вдруг пустились от нас наутек.

И все-таки в этот вечер нам удалось заглянуть в глаза Удмуртии. Эти глаза внимательно смотрели на лектора Муканова, который в Русском Ятсане читал лекцию «О культуре поведения».

Через несколько километров, в Байтерякове, в этих глазах искрился волейбольный задор. Потом приехал киномеханик Юра Щербаков со своим неразлучным «Александром Матросовым», и вместе они собрали в клубе несколько сот жадных глаз, которые умеют ценить волнующие кинокадры военной героики.

В двенадцатом часу ночи глаза смежились.

Удмуртские села спали, и только в отдельных избах тускло светились приглушенные керосиновые лампы, потому что ночью электростанции выключают ток.

Рано утром глаза Удмуртии чуть прищурены. То ли это от неожиданно вспыхнувших лучей восходящего солнца, а может быть, это прищур раздумья перед тем, как браться за дело.

Мы едем дальше и с радостью отмечаем, что в полях народу больше, чем в селах. Возят на пары навоз, обхаживают кукурузные участки.

Всюду тракторы, бегущие автомашины, вереницы подвод.

Проезжаем удмуртское Кизеково, шестьдесят два двора колхоза имени Ленина. Строят земляную запруду, делают мельницу.

Проезжаем реки, которые текут по невысокой хол-

мистой равнине и впадают непременно в Каму или Вятку.

На реках республики — три сотни небольших колхозных электростанций.

В селе Новый Сыръез в строящейся Больше-Кибинской МТС, в деревне Оркино и в Новой Монье на окраинах белеют новые срубы.

Республика пахнет свежевыструганными бревнами.

Кузнец Мартын Крылов рядом со своим старым покосившимся домом строит новый. Ему помогает старший брат и зять, и эти дружно работающие люди как бы вписаны в созидательный пейзаж сегодняшней Удмуртии, глаза которой в полдень светятся рабочими огоньками.

И еще в этих глазах можно увидеть детскую радость, например, после благополучных экзаменов по географии. Четыре удмуртские школьницы — Настя Петрова, Зоя Иванова, Лида Корнилова и Настя Тимофеева, ученицы седьмого класса Нижне-Юринской средней школы, — идут через поле домой, в Новую Монью. Они в пестрых длинных сарафанах, в руках у них тетради и учебники, а в косах цветы июня. Они не убегают от нас, как те девушки в Старой Юмье. Эти школьницы расспрашивают нас о Москве, и мы с уважением смотрим в открытые, любознательные, красивые глаза завтрашней Удмуртии.

Старая Юмья и Новая Монья.

По Удмуртии мы ехали проселочными дорогами вплоть до райцентра Новая Пурга. Местность все чаще преподносит круглые подъемы, чувствуется Предуралье, но сами проселки такие накатистые, гладкие, что ехать по ним — одно удовольствие. Поэтому мы Решаем почаще сворачивать с центральных магистралей, на которых порой не разовьешь такую скорость, как на полевой дороге.

7 июня

Все-таки мы торопимся. Нам хочется скорее приехать в Сибирь. Иной раз следовало бы подольше задержаться в таком-то районе, но мысль о том, что

комсомольские эшелоны уже двинулись на сибирские стройки, заставляет нас опешить. Неужели на нашу долю не останется ни одного эшелона?.. Тут невольно спешешь и не успеваешь записывать. События и встречи остаются позади. Их перегнало время. Но они, эти встречи, не забыты...

Например, мы слишком далеко уже отъехали от памятной ночевки в райцентре Алнаши. В тот день судьба нас привела к Михаилу Верещагину — редактору районной газеты «Алнашский колхозник». Мы вогнали автомашину в тесный дворик и впервые за многие дни пошли ночевать в дом.

Почему-то не спалось. Мы вышли с Верещагиным на крыльцо, закурили, и постепенно завязалась у нас та самая беседа, какую извечно затевают газетчики, если им надо «излить душу». Верещагин говорил о том, как хочется ему сделать районную газету боевой, проблемной, «чтобы прямо-таки жгла, чтоб рукам жарко было».

Удмурт по национальности, Верещагин был в свое время учителем, потом инструктором райкома партии, а вот сейчас редактирует газету. И в этот глубоко поздний час мы говорим не вообще о жизни, не о звездах, а о работе, о том, что в колхозе имени Калинина плохо с кукурузой, что в Елкибаеве отстает животноводство, а газета еще не стала настоящим организатором...

Мне было интересно слушать Верещагина, и он, чувствуя это, все более увлекался, откровенничал и жаловался на то, что в районной газете, к сожалению, совсем нет квалифицированных журналистов.

— Надо бы создать у нас такие условия, — продолжал Верещагин, — чтобы опытные журналисты из Ижевска приехали сюда делать газету, а в Ижевск пусть приезжают литераторы-москвичи, поднимают культуру местной печати...

Я с ним согласился.

— А если вы согласны, то почему бы и вам не остаться у нас, не поработать в газете?

Я сказал, что люблю писать для газеты и в этой

поездке, например, работаю над очерками и стихами о людях того края, по которому мы путешествуем.

Верещагин заметил, что уже третий час ночи, а мы все еще не спим. Мы входим в дом, садимся на кухне друг против друга, и он правит какую-то статью, а я смотрю на него и хочу написать стихи...

Вот ведь как получается. Неправда, что люди в домашних условиях забывают работу и вообще, мол, не характерно для человека говорить о служебных делах в нерабочее время, да еще ночью. Это вредно для его здоровья, надо работать днем, и тем не менее этот человек с беспокойной душой хочет, чтобы статья, которую он правит, «жгла руки».

В комнате спят на полу проезжие путешественники, а в кухне за кухонным столиком рождается под пером Верещагина горячая статья, которая будет подписана... именем колхозного агронома.

8 июня

Как ехать нам — не знаем толком,
И, всю дорогу чуть пыля,
Нас к Ижевску ведет проселком
Гостеприимная земля.

От Алнаши до Новой Моньи
Шла радость от села к селу,
Вручая топоры в ладони
И помогая гнать пилу.

Она была на юных лицах
Тех, кто седьмой кончали класс,
Она в косынку нарядиться
Хотела, не заметив нас.

Во все глаза открыто глянув,
Вела нас радость за собой
В державу пестрых сарафанов,
В свой домотканый разнойой.

Она в строительном пейзаже
Больше-Кибинской МТС,
В березках, что смутились даже,
Завидев бравый хвойный лес.

Она вам сообщает что-то,
Чего вам сразу не постичь,
Она дощатые ворота
Расписывает под кирпич.

И, фотоаппаратом целясь,
Мы проезжали те края,
Где эта радость, эта прелесть
Во всем удмуртская, своя.

9 июня

Чем ближе к Ижевску, тем хуже дорога. На окраине города она уже совершенно невыносима.

Город как бы обнимает своими домами огромное озеро, которое местные жители называют прудом. По сути, это и есть пруд, и, быть может, самый крупный в Союзе. Река разлилась перед Ижевском и сделала его почти приморским городом.

Мы остановились в республиканском автомотоклубе. Напротив здания клуба возвышаются корпуса Ижевского мотоциклетного завода. Мы находимся в городе металлургов и машиностроителей, на родине первого советского мотоцикла, в центре лесопильной и лесохимической промышленности республики.

Но больше всего нас интересовал Ижевский оружейный завод, наверно, тот самый завод, который в 1770 году был захвачен Пугачевым. До революции этот завод считался единственным крупным предприятием города, и нет ничего удивительного в том, что некоторые величали город Ижевск околорусской Тулой.

Наша машина остановилась около заводоуправления.

Мы поехали за город, на полигон ДОСААФ пристреливать свой карабин и пятизарядные ТОЗы. Там

как раз тренировались перворазрядники областной стрелковой команды.

Все они были в стеганках и в специальных рукавицах на левой руке. Глубокий вдох и выдох. Стрелок замирает, несколько секунд не дышит, прицеливается...

Две женщины. Раньше в каждой команде обязательно должны были быть женщины. Таковы были условия состязаний. Теперь присутствие женщины в стрелковой команде необязательно. Эти две — отличные стрелки, вот их и оставили. Они поедут в Свердловск на соревнования. Но сейчас, к сожалению, девушек не привлекают к этому виду спорта. Раз обязательно, зачем тренировать? Правильно ли это?!

10 июня

Ломакин сказал, что он превосходно выспался на бильярде Ижевского автотоклуба, и с рассветом мы уже катили по отличной гравийной магистрали в город Воткинск.

Главная Сибирская дорога проходит где-то севернее. Мы ее игнорируем. Мы торопимся и на свой страх и риск прочерчиваем на карте ровную линию от Ижевска до Свердловска.

Дорога идет среди лесов и полей. Врывается какой-то особенно мягкий, пахучий ветерок. Вынесешь за окно руку, и она погружается в бархатный, ласковый воздух.

Внешне город Воткинск напоминает Ижевск. Словоно они родные братья. Это впечатление создает огромный городской пруд (длина — двенадцать километров), на восточной стороне которого возвышаются пятиэтажные дома рабочих машиностроительного завода. Улица Мира. Строится Дворец культуры.

Там, где асфальтируется надпрудная улица, мы встречаем заместителя председателя горисполкома Алексея Ивановича Вицына. Он рассказывает, как Удалось вложить в благоустройство города не триста тысяч, выделенных Воткинску, а три миллиона рублей.

— Очень просто, — простодушно улыбнулся Ви-

цын. — Мы сказали предприятиям: хотите стадион, Хотите дышать зеленью, хотите асфальт и хорошие тротуары — давайте денежки...

Где взять рабочую силу? Уличные комитеты организовали добровольные бригады из населения. Когда народ увидел — пошло дело, хорошеет Воткинск, — многие, стоявшие в стороне, сами приходили в бригады, брались за лопаты, озеленяли свои улицы.

Мне вспомнился Сталинград. Черкасовское движение. И подумалось: переделать надо поговорку. Не дурной, а хороший пример тоже заразителен.

В городе Воткинске родился Петр Ильич Чайковский.

Его отец был здесь управляющим завода и начальником горного округа: по тем временам — большая должность.

Подъезжаем к Дому-музею, рассматриваем у калитки бюст Чайковского, сделанный местным скульптором Тутыниным, и слышим мелодию «Осени». Здесь детская музыкальная школа.

Директор музея и музыкальной школы Алексей Кириллович Гурьев водит нас по комнатам. Он рассказывает о жизни великого композитора. При этом неожиданно говорит о судьбе особенно одаренных учеников школы, жалуется на горсовет и снова возвращается к Чайковскому. Почти дословно записываю его рассказ:

— Петр Ильич в этом доме жил восемь лет. Вот этот рояль, стулья, столы и буфет принадлежали отцу композитора. Вот здесь был кабинет отца. Мы эти комнаты отремонтировали, хотя горисполком и не всегда идет нам навстречу. А наверху у нас классы. Между прочим, там была детская. Но где именно — трудно сказать, потому что все перестроили, перепланировали. Еще недавно в этих классах у нас занималось всего тридцать человек. А сейчас в музыкальной школе обучается сто пятьдесят. К концу пятилетки надеемся довести число учащихся до трехсот человек... Что вы сказали? Это портрет Веры Давыдовой, Чай-

ковский был влюблен в нее в юности. Так вот, я и говорю вам, что наша музыкальная школа расширяется, в городе масса одаренных детей. А за счет чего расширять? Горисполком не идет навстречу... А это Антонина Милокова. В тысяча восемьсот семьдесят седьмом году Чайковский с ней венчался. Но брак был неудачный, месяца через три они расстались. Посудите сами, у нас сейчас восемь классов — фортепьяно, скрипка, баян, виолончель, домра, а к осени собираемся открывать класс духовых инструментов. Казалось бы, надо освободить помещение в пристройке, а они захватили комнату и ни в какую...

Я спросил, кто это «они».

— В том-то и дело, что милиция! При этом доме имеется небольшой, но весьма уютный парк. Сейчас закончим осмотр комнат и пойдем туда. В этом парке по вечерам танцуют. Но вы себе не представляете под какую музыку! И бывает, у нас в парке напьются и хулиганят. И милиция нарушителей тащит сюда, к нам, в дом Чайковского, чтобы разобратся. Для этого им нужна комната. Может быть, в этой комнате Петр Ильич слушал народные песни, которые ему напевала бабка, а они тут что устраивают? И вообще, я говорил горисполкому, что здесь не место для танцплощадки. Пускай переносят в другое место. И главное — занимают помещение. У нас одиннадцать педагогов, ждем еще двух из Ижевска, мне нужно хотя бы на первое время обеспечить их жилплощадью. Потому что на горисполком я не надеюсь.

Тут Гурьев сделал паузу и совершенно неожиданно произнес:

— Мы спокойно работать не можем, потому что секретарь горисполкома товарищ Богимов пишет такие резолюции: «Комната, временно принадлежащая музею, временно передается саду». И это в то время, когда наши учащиеся, как, например, Виктор Столов, успешно заканчивают нашу школу и их принимают на первый курс Московского музыкального училища. Я считаю, что вы должны все это записать и помочь нам. И еще большой вопрос: педагоги с высшим образованием к нам не едут. Зарплата маленькая. Это

тоже проблема. А ведь культуру преподаваний надо повышать, может быть, из этих стен выйдет второй Чайковский. Кстати, вот на этом маленьком рояле он играл свои первые этюды...

12 июня

До города Кунгура ехали мы по старинной лесной дороге, обозначенной на карте тоненькой ниточкой. Хорошая дорога. Густые, непроходимые заросли почти накрывали своими ветвями одноколесную просеку, такую, что разехаться двум машинам невозможно. Более ста километров проехали мы через этот лес. Здесь мы пеняли, откуда взялась поговорка «Ободрать, как липку». Молоденькие липки действительно были безжалостно ободраны, а в деревьях на крышах сушилась белая липовая кора. Местные жители сдают эту кору — лыко — специальным агентам, а те отправляют на производство. Лыко идет на мочало, на веревки.

В городе Кунгуре по Сылвенскому мосту проехали на Березовский тракт и в старой роще, раскинувшейся на Ледяной горе, свернули к селу Филипповскому. Около него как раз и находится Кунгурская пещера. Сюда, к пещерам, подъезжал народ: кто с поезда, а кто и на машинах.

В пещеру уже не пускали, спать нам не хотелось, и мы пошли на станцию ужинать. Надо было перейти реку Сылва. По ней недавно сплавляли лес. Но сейчас река высохла, и остались на Сылве торчать бревна, нагроможденные друг на друга. Настоящие бревенчатые торосы. Ничего не стоило сорваться и поломать ногу.

На станции в ларьке продавались глиняные изделия местных мастеров. Кунгурские фигурки своеобразны. Грубоватость лепки и лубочная раскраска придают этим глиняным созданиям какую-то сказочность. Тут же в ларьке продаются изделия из камня, завезенные сюда с Урала.

Вернувшись в стационар, мы заплатили по семь рублей за койку и впервые оставили нашу машину без

Присмотря. Были пущены в ход рулевой замок и багажный и, разумеется, сигнальная система.

Утром выяснилось, что похищать машину никто не собирается. Но она была густо облеплена прибывшими экскурсантами. Их глаза совершали путешествия по кабинам автомашины, где беспорядочно громоздились наши вещи. Кто-то сказал:

— У вас почти как в гроте Данте...

И вот мы вместе с другими стоим у входа в пещеру. Экскурсовод говорит, что мы должны идти строгой цепочкой и не отставать, так как под землей настоящий лабиринт, можно заблудиться. Гроты, ниши, подземные озера... Нам «категорически запрещается» сорить, обламывать ледяные образования и вообще брать «на память» какие-нибудь подземные ценности. Тут экскурсовод увидел на животе у Ломакина фотоаппарат, сказал, что фотографировать под землей можно только «с ведома дирекции». Пока Ломакин бегал насчет этого «ведома», экскурсовод пересчитал группу и предложил по возможности «утеплиться». Это нас удивило: вокруг тепло и зелено, солнце такое ясное и доброе, в траве мелькают ярко-желтые мохнатые шапочки сугубо летних цветов — одуванчиков, и вдруг вам говорят: «Будет холодно, как зимой!»

Прибежал Ломакин, стал последним в нашей цепочке. Мы зажгли свечи, и сразу невольно вспомнились семь добрых гномов из сказки о Белоснежке: вот так же, мерцая свечами, уходили они в подземные дали, чтоб их разведать.

И если бы не этот трезвый, глубоко научный голос, звучавший где-то впереди, можно было бы и вправду поверить, что мы идем в сказочную страну. Из глубины пещеры веяло холодом и свежестью. Казалось, мы стояли у погреба. Погреб доверху набили голубыми глыбинами чистого льда. Пещера дышала нам в лицо зимней прохладой.

Мы шли по длинному коридору — туннелю. Это единственное сооружение пещеры, сделанное рукой человека. Старый вход был до того низок, что приходилось ползком добираться до первого грота. Кунгурская пещера — результат карстовых явлений, то есть

разрушения горных пород подземными водами. Долгие годы трудились упорные невидимые реки, пробивая себе дорогу в толщах гипса, доломита, известняка. А иногда одна-единственная, но многовековая капля долбила камень. Образовалось целое кольцо подземных залов-гrotов, узких и широких коридоров и около тридцати озер...

Но вот кто-то впереди ахнул. Первый из подземных гrotов! «Бриллиантовый»! Размеры небольшие, что-то вроде школьного класса. Но — дело не в размерах! Мы попали в настоящее царство снежной королевы.

Представьте себе звездной формы снежинки, вроде тех, которые часто падают на землю в новогоднюю ночь. Сотни тысяч таких громадных снежинок свисают с ледяных стен. А сколько тут еще разных ледяных кристаллов — треугольных палочек, каких-то листиков, ракушек, шестигранников! Не могу удержаться — протягиваю руку, хочу взять одну звездочку, но я еще не дотронулся, а она уже рассыпалась снежной сухой пылью.

Второй гrot — «Полярный»; Подходишь к нему длинным темным коридором — вдали возникает арка входа, обрамленная наплывами льда и букетами инея. Кто-то шутит: «Сейчас дадут ложки и мы будем есть необыкновенное мороженое».

Затем — гrot Данте. Он весь завален огромными каменными глыбами. Когда-то камни обрушились со сводов гrotа и причудливо нагромодились. Невольно глядишь вверх: а не сорвется ли на тебя такая же глыба? Спрашиваем:

— Почему такое название — гrot Данте?

Экскурсовод объясняет: ледяной холод, мертвая тишина, дикие каменные развалины — все это напоминает картины ада из «Божественной комедии». То ли от холода, то ли еще отчего, но по спине бегут мурашки, а тут еще наш проводник просит всех погасить свечи, а сам со своей горячей свечой уходит в глубь свода и прячется за какой-то камень. Мгновенно в темноте возникает профиль черного каменного чудовища с огненным глазом.

Грот «Крестовый». Здесь много ледяных столбов — сталагмитов. Они сооружены водяными каплями, падающими с потолка — капля по капле. Намерзая друг на друга, эти капли образуют столбы до трех метров высотой.

В некоторых столбах образовались ледяные чаши: летом, при повышении температуры, капли не намерзают одна на другую, а пробивают углубление в сталагмите. Вот и стоит такой ледяной столбик, увенчанный «чашей» с хрустальной ледяной водой. Как ваза.

Есть в «Крестовом» и сталактиты — стремительные сосульки, свисающие с потолка. Сталактиты и сталагмиты порой смыкаются и образуют огромные ледяные колонны. А сросшиеся колонны создают иногда целые ледяные стены.

Резным каменным кружевом убрала вода своды гротов! Экскурсовод говорит, что капля воды за полгода пробивает слой гипса толщиной в десять сантиметров! Вот уж поистине — «вода камень точит»...

Запомнился грот «Эфирный». Сначала мы не могли понять, почему этот грот — величественный, темный и хмурый — все-таки какой-то веселый? И только когда мне за шиворот плюхнулась большая ледяная капля, я прислушался и понял: этот грот не молчит, как все; он озвучен плеском сотен падающих капель! В суровом подземелье запахло милыми апрельскими капелями.

Самый большой грот пещеры — грот Дружбы народов: он назван так потому, что в 1937 году сюда приезжала экскурсия участников 17-го Международного геологического конгресса. Здесь находится Большое подземное озеро, оно действительно большое — семьсот пятьдесят квадратных метров, а глубина, говорят, достигает трех метров. Вода до того прозрачна, что кажется, ее вовсе и нет. Стоишь и видишь перед собой чистое сухое дно. Ломакин неосторожно шагнул и, конечно, попал в воду!

— Сюда бы нашу надувную лодочку!

Далее начинается Заозерная или Глубинная часть пещеры. Но она посещается только научными работ-

никами, которые ведут там свои наблюдения. Говорят, что эта часть Кунгурской пещеры не менее красива и интересна, чем та, по гротам которой мы только что совершили увлекательное пугешествие.

13 июня

Только что миновали черно-белый полосатый столб, на котором прибита надпись «Свердловская область», и очутились в первой уральской деревне Быкове. Первое впечатление всегда самое острое. Не знаю, характерна ли эта деревня для Урала. Но мне хочется эту встречу записать подробнее.

Почти в каждом селе есть библиотечки, где можно найти сельскохозяйственную и художественную литературу, полистать журналы, почитать газету. Но такой образцовой библиотеки, как в селе Быкове, нигде в сельской местности нам до сих пор не приходилось видеть.

На главной и единственной улице стоит добротная изба с резным крылечком. Вывеска сообщает вам, что здесь находится Быковская сельская библиотека. Заходим. Чисто. Уютно. На окнах распустились желтые бутоны лесной розы. Фиолетовая полевая герань, нежно-алые цветы шиповника и белые, в мелкую точечку шапочки «кошачьей лапки» создают праздничное настроение. Отсюда не хочется уходить! Знакомимся с Алевтиной Леонидовной Дорофеевой, невысокой женщиной лет сорока пяти. Она застенчиво поправляет бумажную вязаную кофту и белую косынку, усеянную такими же крапинками, как и «кошачья лапка». Вот уже третий год она работает здесь библиотекарем.

Пока она отпускает книги пришедшим сюда колхозникам, мы рассматриваем диаграммы и агитплакаты. На красном полотнище скромно и аккуратно написано:

«Ачинский район в 1956 году».

И мы узнаем, что посевные площади района расширены до 25 тысяч гектаров, что с каждого гектара

решено получить по 12,6 центнера хлеба, что задача района заготовить 39 630 тонн силоса и получить на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий по 14,6 центнера мяса... Я записываю все эти показатели, но, когда дохожу до фразы «колхозы района засеют кукурузой 2 410 гектаров», Алевтина Леонидовна меня останавливает:

— Вы знаете, эта «кукурузная» цифра устарела! В действительности мы уже значительно больше засеяли.

И эта осведомленность, это «мы», сказанное по-хозяйски спокойно и решительно, и, наконец, названная ею цифра («Получим 173 центнера с гектара») — все раскрывало облик Алевтины Леонидовны, которая обязанности библиотекаря представляет гораздо шире, чем это понимается в городе.

За три года работы она не только увеличила число книг с трех тысяч до четырех тысяч томов, не только сделала традиционными громкие читки и беседы в колхозных станах, не только собственноручно писала плакаты и делала фотомонтажи, но и провела несколько читательских конференций, например по таким книгам, как «Семья Рубанюк» и «Сильные духом». Она не только была пропагандистом и агитатором, но и выходила работать в поле — на самые трудные и решающие участки, в самые горячие, страдные Дни.

— У нас читают сейчас почти все колхозники. Посмотрите формуляры, предлагает Алевтина Леонидовна. — Сестры Людмила и Галина Чайниковы, полевод Михаил Степанович Дорофеев, пастух Анисья Станюкова, старик Абрам Стафеевич Некрасов...

— Библиотека у вас просто выдающаяся!

— Но вы не были в Бокряже, у Анастасии Новосельцевой, — скромно заметила Алевтина Леонидовна. — То, что вам понравилось у нас, делается во всех библиотеках района...

...Двадцать три года она работала в деревне Горбуново учительницей. Потом стало трудно. Проверять тетрадки — для этого нужно хорошее зрение, а у нее глаза стали слабеть: долгие годы просиживала она ночами у керосиновой лампы...

По дороге в Свердловск я то и дело вспоминал маленькую библиотеку с лесными букетами на подоконниках и ее замечательную хозяйку — Алевтину Леонидовну Дорофееву.

14 июня

Молча едем по широкой гравийной дороге, всматриваемся в даль в надежде увидеть наконец хотя бы какие-нибудь горы.

— Урал должен быть таким, — фантазирует Ломакин: — стоишь у подножия и любишь хребтами... А тут?..

Пока ничего подобного нет. Даже дорога, как на зло, не идет в гору. Приходит странное желание: хочется включить передние ведущие колеса и демюльтипликатор, чтобы героически карабкаться на Уральские горы. Но вместо этих усилий, вместо того чтобы выйти из машины и толкать ее своим плечом на неприступную вершину, мы напряженно смотрим вперед и нетерпеливо думаем: когда же наконец начнутся горы?

В награду за наше долготерпение Урал начинает постепенно приподымать нас и неожиданно приглашает полюбоваться рабочим поселком, заводами, над которыми парят горизонтальные темно-серые дымы.

Это старинный заводской поселок Билимбай. Мы долго топчемся в проходной завода, изготавливающего минеральный войлок. Наконец оформлены пропуска, и наша машина въезжает... прямо на громадные железные весы. Что такое? Оказывается, каждый грузовик, въезжающий и выезжающий с завода, взвешивается: так выясняется, сколько продукции загружено.

— Хотите, мы вас взвесим?

Мы, конечно, хотим, и тут обнаруживается, что «М-72» вместе со всем своим скарбом весит более трех тонн.

Тихомиров приходит в ужас:

— Надо разгружать машину!

Ломакин поддерживает:

Долой все лишние автотуристические причинда-
лы!

Мне очень грустно расставаться с нашими замеча-
тельными приспособлениями, но приходится подчи-
ниться большинству, и я обещаю в Свердловске поду-
мать...

Нам рассказывают о производстве войлока. Среди
грохота и огненных всполохов мы идем в шлако-ватный цех.
Разговаривать невозможно. Даже когда на
ухо кричишь, ничего не слышно.

Можно только наблюдать за человеком в «огнен-
проницаемой» одежде. На нем брезентовая шапка с
большими козырьками на лбу и на затылке, — такие
шапки носят северные рыбаки. На глазах трехгранные
защитные очки. В брезентовых рукавицах он держит
длинный ломик и, когда это нужно, шурует в печи.
Пламя в ней бушует с дьявольской силой!

Одна за другой подходят вагонетки с коксом. Этот
кокс сжигается в печи при температуре около 1000
градусов. И все-таки удивительно, что шлак, по су-
ти — камень, при такой температуре превращается в
жидкую струю!

Под действием пара шлаковая струя распыляется
и вытягивается в очень тонкие нити, связанные битумом.
В другом цехе эти нити прессуются. Это и есть
минеральный войлок.

Готовый войлок грузят на машины, которые взве-
шиваются у проходной, и уходят на товарную стан-
цию.

И уже не в первый раз мы узнаем, что эшелон пой-
дет в Сибирь, на большую стройку, туда, где подра-
стают новые города и поселки и где очень нужен этот
волшебный камень Урала — тагильский шлак, превра-
щенный в войлок.

Так мы познакомились с одним из важных мине-
ралов этого богатейшего края, в котором насчитывает-
ся более двенадцати тысяч месторождений самых раз-
личных полезных ископаемых.

15 июня

Поселок Первомайка — бывшая деревня Гротово. Когда-то здесь погиб отряд пугачевца Белобородова.

Под проливным дождем въезжаем мы в Первомайку и, разумеется, останавливаемся возле закусочной. Там уже набилось человек сорок. Все в штормовых костюмах, мятые капюшоны откинугы за плечи, и под ногами громоздятся тощие рюкзаки. Безусловно, это какая-то команда. Люди весело горланят и хохочут по всякому поводу.

Стоило нам представиться, как сразу раздалось несколько голосов:

— Сюда парторга! Михаил Григорьевич! Где парторг?

Парторга не было. Он пошел договариваться с председателем колхоза, чтобы тот разрешил группе инструкторов-общественников Кауровской туристской базы расположиться на ночлег в помещении местного клуба. Когда мы пришли в клуб, парторг Анисимов отозвал меня в сторону и конфиденциально сообщил, что надо нам, пешим и мототуристам, поприветствовать друг друга и «обменяться самодеятельностью».

Анисимов выстроил свою команду, и сорок глоток прокричало нам «ура». В ответ три глотки сделали то же самое, и самодеятельность началась исполнением торжественного гимна, в котором, кажется, были такие слова:

Мы, уральские туристы,
Люди сказочной мечты,
Этим скалам каменистым
Говорим: «Иду на ты!»

Они потребовали, чтобы мы тоже что-нибудь спели, и после того как мы «хором» исполнили: «Я верил, что поеду, я знал — настанет срок: мы поведем «Победу» Москва — Владивосток!» — началось самое интересное. Многие парни и девушки из этой группы туристов уже не первый год путешествуют по Уралу, и если послушать их рассказы, можно представить себе, как замечателен этот огромный, богатейший край,

край цветных и легких металлов, железа и топлива, этот волшебный каменный хребет, который, как говорят в народе, опустил свой хвост в Каспийское море и пьет воду из Северного Ледовитого океана.

От них мы узнали, что недалеко от деревни Махнево на затвердевших песчаниках нашли отпечатки скелетов древних рыб и целую колонию кораллов, которые были похожи на пустые пчелиные соты. Вслед за рассказчиком мы последовали в город Асбест, туда, где гигантские террасы образуют знаменитый асбестовый карьер. Асбест — волокнистый камень — называют горным льном, белой куделькой.

Туристы любят пещеры на реке Серга, где можно любоваться известковыми сосульками — сталагмитами; любят они где-нибудь на окраине Нижнего Тагила раскинуть привал и назвать его малахитовым, или мраморным, или медным. Покинув малахитовый привал, хорошо направиться, например, к руднику Полуночный, куда вас ведет уже другой рассказчик, вспоминающий при этом черные породы, насыщенные марганцем, и деревянное резное кружево уральских умельцев, украсивших этим чудом свои дома.

Кто-то вспомнил город Березовский, недалеко от которого обнаружены золотоносные породы, вспомнил свои встречи с уральскими золотоискателями. Потом говорили о бокситах, дающих крылатый металл алюминий, говорили об Ильменском заповеднике, где можно почти на поверхности земли собрать около ста пятидесяти минералов...

Эти девушки и парни никогда не окажут «драгоценные камни». Они говорят — «самоцветы». Потому что для них все эти радужные кристаллы топазов, зеркальный пирит и граненый золотистый берилл, матово-черный марион и горный хрусталь, темно-синий сапфир и зеленоватые изумруды — не драгоценности в том смысле, как это понимается в буржуазном обществе, а чудесные камни радости, камни, которые сами цветут и в талантливых руках уральских камнерезов становятся произведениями искусства.

За окнами все еще шел дождь. Но он не мог испортить нам настроение. Он не погасил огонек друж-

бы, вспыхнувший между уральскими туристами и автопутешественниками из Москвы. Мы обменялись адресами и, пожелав своим новым знакомым спокойной ночи, двинулись дальше на восток, к Свердловску...

16 июня

Всю ночь рыжие фары нашей автомашины плескались в черных лужах дороги. Круглые лужи шипели под шинами, как масляные сковородки, на которые кинули желтки.

— Хорошо бы съесть яичницу, — вздохнул Тихомиров.

Мы явно проголодались. Мы погрызли «железные» кунгурские пряники и стали готовиться к ночлегу. Тихомиров оставался за рулем, а мы с Ломакиным устроились так: он спал на заднем сиденье, согнувшись в три погибели, я — в своем «кабинете». Я научился спать сидя, положив под голову маленькую подушечку с вышитыми буквами «М — В».

Вероятно, к утру мы добрались бы до Свердловска, но Тихомиров обратил внимание на какой-то памятник, обнесенный цепью, и остановился. Мы осветили постамент фарами и стали его рассматривать. На грани, обращенной в ту сторону, откуда мы приехали, было написано «ЕВРОПА». Ломакин зашел с другой стороны постамент, посветил карманным фонариком и голосом Архимеда закричал: «АЗИЯ»!

Остаток ночи мы провели у костра где-то между Европой и Азией. Когда приходилось идти за хворостом, один другому кричал: «Алло, Ломакин, ты где?» — «Я в Европе, а что?» — «Да, ничего, — отзывался Тихомиров из Азии. — Иди сюда, здесь много сухих веток». И Ломакин с охотой покидал Европу, делал несколько шагов и через минуточку уже был в Азии у Тихомирова.

Когда-то в старину этот путь называли «дорогой слез». Люди шли по этапу на каторгу, мимо хвойных лесов, и говорят, за Первоуральском каторжанам устраивали привал. Здесь они прощались с Россией.

Они брали горсть родимой российской земли, завязывали ее в тряпицы и с этой минуты шагали уже по иной земле, в чужие и лютые сибирские края.

Здесь и поставили этот громадный каменный обелиск, обнесли его оградой, посадили вокруг цветы. И зарубежные гости, приезжая на Урал, непременно хотят собственными глазами увидеть это символическое место, где Европа встречается с Азией.

Лет триста назад границей двух частей света считался Дон, позднее — Уральский хребет. Но где именно та самая точка, которая могла бы законно именоваться пограничной?

...Ермак Тимофеевич плыл по реке Чусовой, затем вдоль западного склона Уральских гор поднялся вверх по Серебрянке. Не тут ли истинная пограничная точка? Потом Ермак волоком перетащил свои струги к реке Баранча, к восточному склону Урала. По Баранче он опустился вниз к реке Тагил, потом по притоку Тагила Туре дошел до Тобола, и через некоторое время он уже, «объятый думой», сидел на «диком берегу Иртыша...» Прошли века. Потом географы окончательно установили новую границу между Европой и Азией, а когда в конце прошлого века строилась горнозаводская железная дорога, на гребне Урала, в том месте, где Ермак перетягивал свои струги, возникла станция Евразия. Сейчас вблизи этой станции можно увидеть железную вышку с двумя табличками: «Европа — Азия».

Не знаю, может быть, на Урале имеется еще такое место, где вы сможете собирать хворост для костра сразу в двух частях света...

17 июня

До Свердловска дорога очень хорошая, широкая и гладкая, во все чаще начинает петлять, обходя хотя и не большие, но уже заметные предгорья. В центральной части Уральской седловины мы не встречали тех живописных отрогов, которыми славится Каменный пояс на юге и на севере.

Вид города Первоуральска, огромные многоэтажные корпуса заводов, сразу дают нам почувствовать мы приехали на Урал.

Он был хребтами опоясан,
Он самоцветами играл,
Змеистой речкой встретил нас он,
Рабочий, каменный Урал.

Урал... Когда слышишь это слово, невольно вспоминаются сказы Бажова — и о каменном цветке, и о серебряном копытце, вспоминается Хозяйка Медной горы, малахитовая шкатулка, дремучие леса и быстрые, порожистые реки.

Вое это знакомо и дорого каждому. Современный Урал — одна из наиболее крупных баз тяжелой индустрии, мощный район горнодобывающей и обрабатывающей промышленности страны.

Перспективы этого края безграничны, как и его богатства. Строятся новые железные дороги, электрифицируются старые. И я уверен — через десяток лет скоростные атомовозы свяжут Урало-Кузнецкий комбинат с крупнейшим в стране недавно открытым Печорским угольным бассейном, с заполярным Уралом.

Да, Урал — это необъятная кладовая народных богатств, это мускулистые горные хребты, похожие на руки людей, которым принадлежат все эти сокровища.

18 июня

Из Свердловска, через города Богданович и Камышлов, мы ехали в Тюмень. Сосны, березы и осины как бы эскортировали дорогу. Доцветали нежные кисти раскидистых рябин.

В поселке Троицком нам показали листовку, в которой сообщалось, что сегодня в двенадцать часов дня на Ургинском пруду состоится Пятый Талицкий районный праздник песни.

«Выступают хоровые и танцевальные коллективы клубов, колхозов, предприятий и учебных заведений района. Танцы, игры, аттракционы, русская борьба, массовики-затейники...»

Мы свернули с тракта и по длинному деревянному мосту въехали в Талицу. Казалось, мост тянулся вплоть до райсовета, потому что улицы были вымощены деревом.

Мы хотели позавтракать, но районная чайная тоже торопилась на Ургинокский пруд. Со всех концов района спешили в Талицу колхозные грузовики. Разумеется, наша машина не представляла исключения.

Мы остановились около лип неподалеку от ургинской воды. Тут уже купалось человек двести, а грузовики и подводы все подъезжали и подъезжали. Среди березовой рощи то тут, то там возникали походные закусочные, пивные, ларьки, лесные рестораны. Колхозы приезжали с котлами, затеявая солидные пиры.

Участники самодеятельности, хористы и танцоры были в таких пестрых нарядах, что казалось, они, эти наряды, повторяли краски всех пятидесяти пяти видов самоцветов Урала.

Яркие, в обтяжку, кофты и длинные, с оборками, юбки. Платочки и шарфики. У парней атласные косоворотки, подпоясанные кручеными шелковыми поясами с кисточками. Сапоги хромовые, высокие. Никакой «гармошки». Кажется, эти сапоги сделаны специально для того, чтобы притопывать, рассыпать Дробь и отзываться звонким плеском, когда по ним хлещут ладонями.

Грузовые машины раскидывали борта, становились рядом, образуя импровизированные сцены.

И вот праздник начался. Сводный хор исполнил кантату «Цвети, наша родина» и «Песню о Кузнецове», на слова местного поэта. Герой Советского Союза разведчик Кузнецов — уроженец Талицы. Он погиб во время Отечественной войны, и его бюст установлен в райцентровском парке имени Кузнецова.

Потом каждый хор выступал со своей программой. Выступления проходили одновременно в разных

местах. На опушке леса можно было послушать начало песни «Заимела чечетка, заимела залетка ровно семь дочерей» в исполнении хора колхоза имени Жданова, а затем проделать шагов двести в глубь леса и услышать вторую половину этой же песни («Заимела залетка, заимела чечетка ровно семь зятевей») в исполнении певцов другого колхоза.

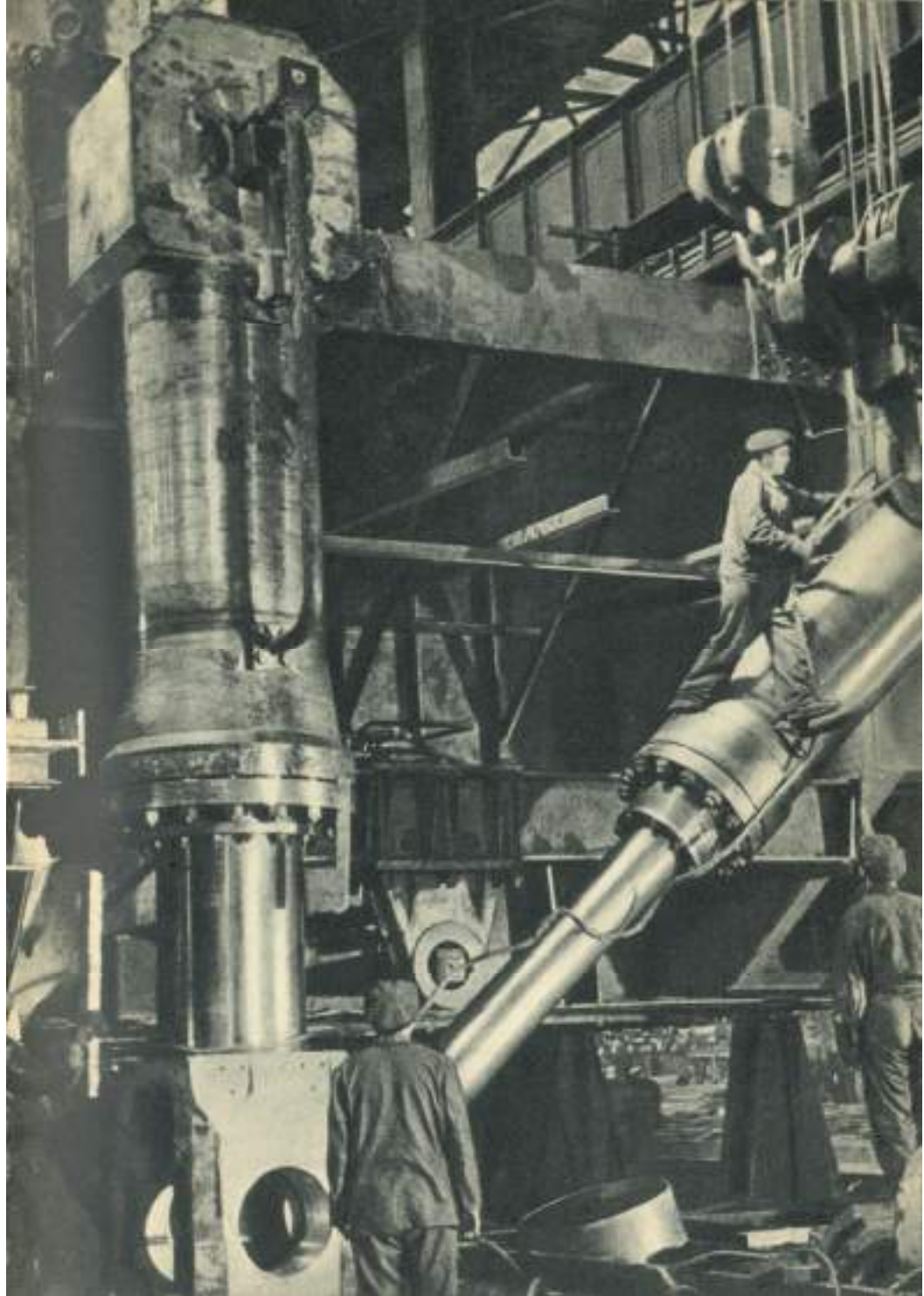
В одном конце слышалось: «Сеяли девки лен...», в другом — «Где ж ты, парень чернобровый, ходишь?..»

И в это же время в центре неровного круга, обвязавшись полотенцами, боролись районные богатыри, а рядом, на бережку, танцевали босиком под гармошку весьма почтенные колхозницы. Потом, весело вскрикивая, они играли в «кошки-мышки», резвясь на лугу, как малые дети.

Руководительница одного из хоров — заведующая клубом в деревне Ретино — комсомолка Зоя Куликова была чем-то опечалена. Среди общего веселья ее настроение было слишком заметным. Она не сразу поведала мне причину своего огорчения. Но когда к нам подошла пожилая, красивая женщина — доярка Лидия Ивановна Стрельникова, — Зоя торопливо стала рассказывать... Они готовили к празднику свою песню. Вы понимаете? Свою. Когда эту песню прослушал художественный руководитель праздника, он оказал, что лучше ее не исполнять. Почему? Лидия Ивановна сейчас исполнит эту песню. Интересно, что окажется товарищ из Москвы?

Лидия Ивановна тихонько запела. Голос у нее был высокий, немного резкий. Если бы она запела чуть-чуть громче, может быть, было бы неприятно ее слушать. Но она пела тихо, с какой-то пронзительной нежностью и тревогой:

— Уж ты конь, ты мой конь,
Где сыночек-то мой?
— А сыночек-то твой,
Он женат на второй,
Как женила его пуля меткая,
Уж как сваха его сабля острая,
А невестка его мать сыра земля...

Уралмаш

«Обжитое» болото. По дороге в Заводоуспенку

Комары. Каждый спасается по-своему...

Дымокур.

Противокомарная сетка

Что за песни в Талице!
Кто в них не влюблен...
Ласково печалются:
Ой, дид-лада-лен...

Тюмень — ворота Сибири

Тобольск — «красна горница».

Колхозник Беляков рассказывает о гибели Ермака.

Иргышата.

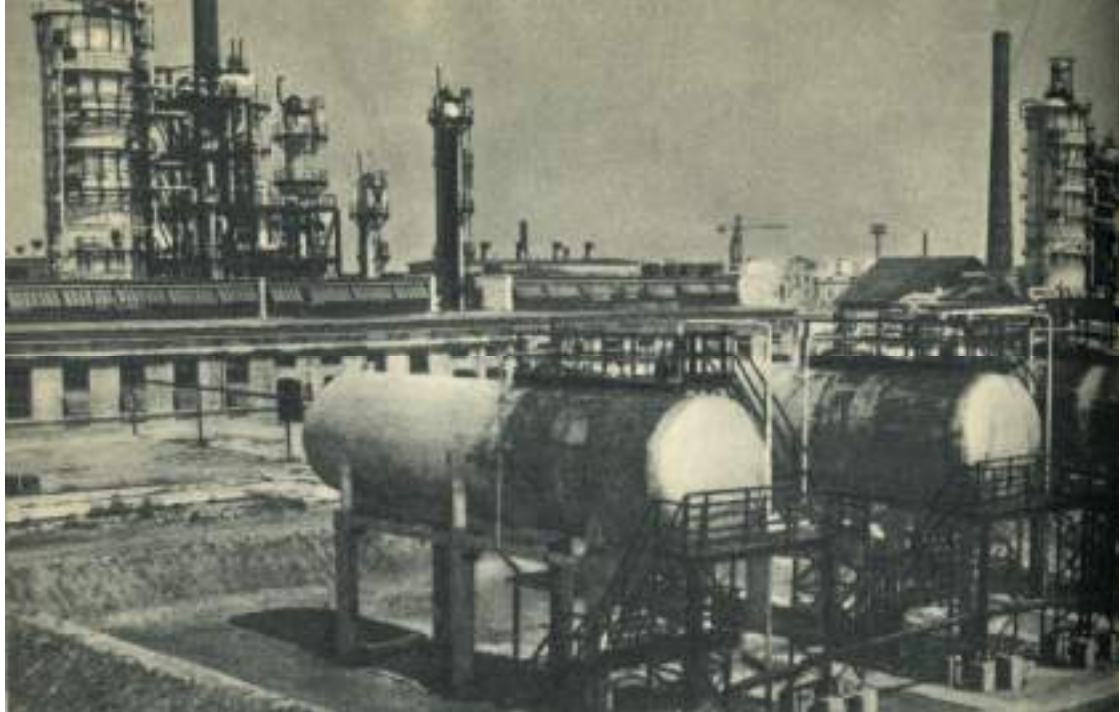
«Казах живет — дерево
не растет...»

— И можете считать,
что я здесь остаюсь
навсегда.

...Когда, изумляя и радуя всех,
Работает сеноуборочный цех.

Митинг. 6 июля 1956 года.

Здравствуй, Омский нефтеперегонный!

Новоселы из Башкирии.

Юра и Люда.

Трубы нефтепровода ложатся под рекою Омь.

По дороге в Барабинск.

...И улыбался правый глаз,
А левый подмигнул...

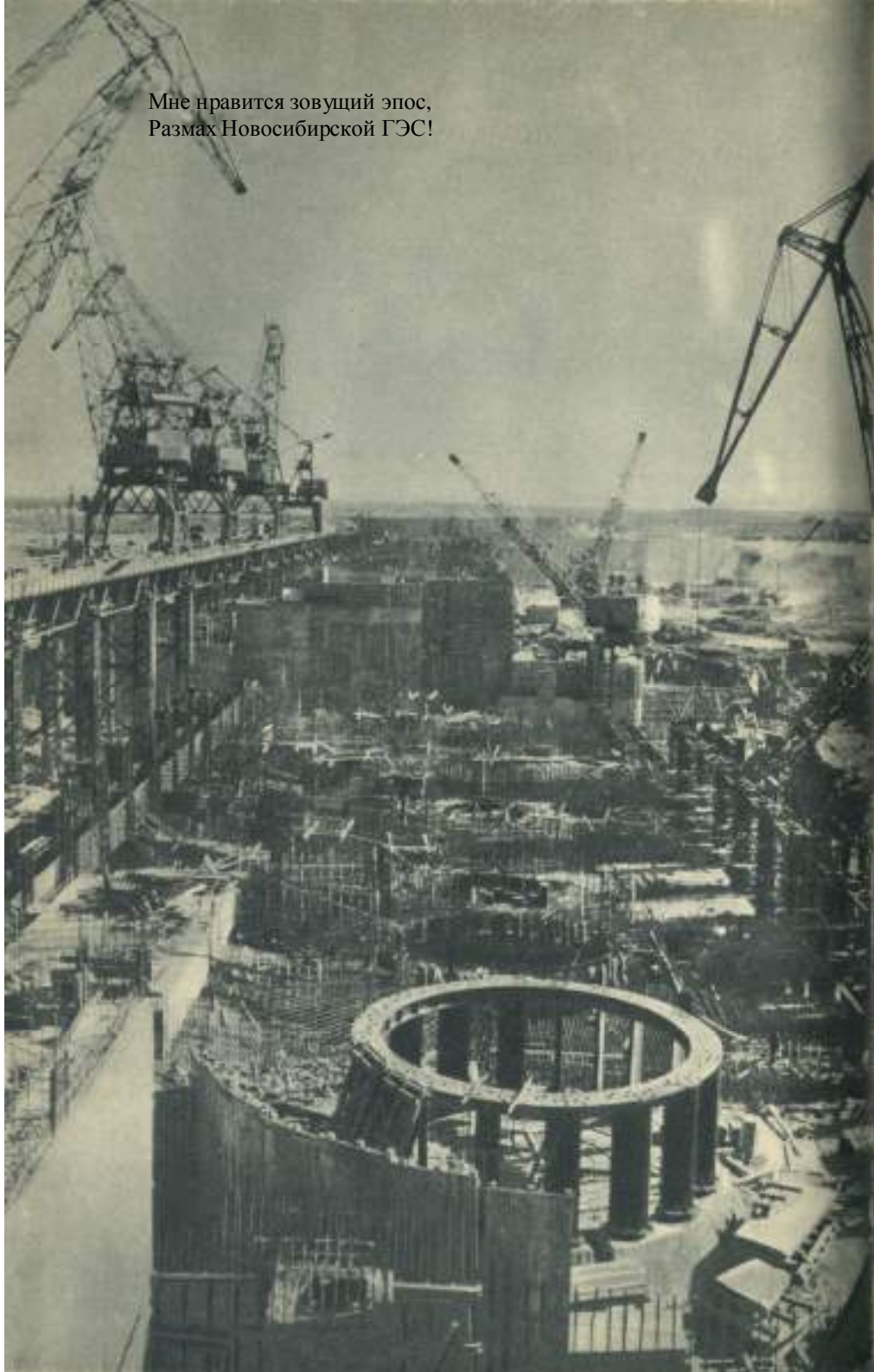

Омск. Футбол.

Новосибирск.

Мне нравится зовущий эпос,
Размах Новосибирской ГЭС!

Как только Лидия Ивановна смолкла, Зоя многозначительно сказала: «Это она сама сочинила». Они смотрели на меня выжидающе. Ну, так как же: можно исполнять или нельзя? Я сказал, что песня мне нравится. Я не сказал им, что где-то ее читал или слышал. Может быть, слышал ее от покойного профессора Шамбинаго, знатока русской древности. А может быть, Лидия Ивановна переработала малоизвестную песню, которую слышала от стариков...

— А раз можно, — обрадовалась Зоя, — так идемте вместе с нами к художественному руководителю, пусть разрешает...

Мы пошли искать художественного руководителя

Праздник был в разгаре.

На всю жизнь запомнятся мне народные песни, уральские частушки и пляски талицкой самодеятельности.

И эти пестрые самоцветные одежды. И эти люди, сочиняющие веселые и грустные песни...

19 июня

Путешествие требовало жертв.

Вместо того чтобы нормальным образом по Сибирскому тракту продолжать путь в Тюмень, из Талицы мы двинулись над рекой Пышмой на юго-восток, в сторону от Тюмени..

Этот неожиданный маневр был продиктован двумя причинами.

Во-первых, нужно было собрать материал о первых сибирских селах, а если двигаться по прямой, то не успеешь оглянуться, как сразу из Свердловской области попадешь в Тюмень.

Во-вторых, очень уж хотелось мне побывать в Заводоуспенске и выполнить поручение московской журналистки Ларисы Федоровой.

Ты понимаешь, у Лели, моей сестры, родился сын, Сашка. Первый племянник, понимаешь? Я тебя умоляю: завези ботиночки и конфеты «Тузик»...

Машина наша была так запружена, что даже ма-

ленький посторонний сверток брать не хотелось. Но Лариса, заметив мой ледяной взгляд, дернула шпагат на свертке и взмахнула перед нами крохотными красными ботиночками — чудесным подарком далекому трехнедельному племяннику. Ну, как можно было отказать?

И вот мы едем «за семь верст киселя хлебать» — к новорожденному Сашке, которому абсолютно не нужны пока ни ботиночки, ни «Тузик».

Таким образом, возник мощный юго-восточный крюк, на котором и повисла наша поездка. Она повисла почти в буквальном смысле этого слова, так как мы ринулись в Заводоуспенск напрямик, доверившись проселочной дороге, обозначенной на нашей карте в виде тоненькой ниточки.

Итак, на крюке нашего маршрута появилась еще и ниточка. Эта предательская ниточка начала раскачивать нашу машину то в одну, то в другую сторону до тех пор, пока мы окончательно не заблудились в нелюдимом лесу и не забрели в какое-то обжитое болото. Обжитым его можно было назвать потому, что кто-то здесь выложил бревна, похожие на широкие деревянные рельсы.

Иногда торфяная жижа заливала эти бревна или блестела в расщелинах. Накрапывал комариный дождь. Мы слишком поздно вставили в стекла противокмарные сетки. Машина неожиданно попала в настоящий тропический комариный ливень. Казалось, со всего леса, со всех лесов мира сюда слетались комары, чтобы с шумом стучать по стенкам и капоту нашей машины, превращая бежевый цвет в серый. Комары густо залепили ветровое стекло. Казалось, мы разворошили огромный ядовитый комариный муравейник и нам отсюда живыми не уйти.

Комары нещадно кусали нас. Они умудрялись запускать свои жала сквозь противокмарные зеленые сетки, которые мы накинули на свои лица.

Словом, жалили они, проклятые, так, что вся наша могучая противокмарная техника окончательно теряла авторитет.

Вдруг болото оборвалось. Мы попали на хорошую, сухую дорогу, идущую через настоящий сосновый бор. Вокруг сразу посветлело, запахло липкой смолой и свежей хвоей, — словом, веселее стало на душе.

Огромные, в пол-обхвата, сосны казались худенькими — до того они были высоки. Розоватая блестящая кора поблескивала от солнца — прямо как на картинах Шишкина.

А что это за странные насечки одинаковой формы? Почти на каждой сосне два наклонных ряда глубоких желобков, один — слева направо, другой справа налево. Эти желобки соединяются и образуют на стволе «высечку», напоминающую хвостовое оперение стрелы какого-нибудь героя Фенимора Купера. У окончания насечки к сосне был приделан маленький металлический конус. Мы заметили идущего по лесу человека с ведрами в руках. Он подошел к одной «татуированной» сосне, снял железную чашечку и, опрокинув, выскреб густую желто-белую сосновую смолу.

Ломакин спросил:

— Зачем тебе столько смолы?

Оказалось, Андрей Большаков собирает смолу не для себя. Он работает в химлесхозе съемщиком: с утра выходит он «на съем» драгоценной сосновой смолы — «живицы». Как только выглянет солнце, янтарные сосновые капли чаще и гуще капают в жестяной конус — только успевай опорожнять! А насечки на соснах делают «вздымщики». Еще до восхода солнца проходят они по лесу и острыми скребками, которые называются «хаки», «вздымают» душистую сосновую кору. В глубине леса вырыты землянки, там стоят бочки, полные смолы — живицы. Потом эту смолу-живицу отправляют за пятьдесят километров в Тюмень, на скипидарные и смолокурные заводы. Сосна, капля по капле отдающая живицу, отдает свою жизнь. Она высыхает и идет под топор: Заводоуспенск поставляет шпалы...

Заводоуспенск прежде назывался Успенкой.

До революции была здесь писчебумажная фабрика английской фирмы Ятес. Был и водочный завод. Хлебная барда стекала прямо в реку, на берегах кото-

рой бродил пьяный скот. Речка до сих пор называется Бардянкой... Сейчас Заводоуспенск бурно растет. Только за один 1956 год выстроено семьдесят новых домов — один к одному, все пятистенные, городского типа. Новая теплостанция такая высокая, что церковь по сравнению с нею кажется игрушечной.

Жаль, что густые леса вокруг Успенки порядком повырублены на топливо для фабрики... А ведь давно можно было перейти на дешевое торфяное топливо, сохранив лесную красоту. В этих местах очень много торфа — запас, говорят, столетний.

Самое красивое место в поселке — озеро, которое по старинке зовется просто прудом. Но это не пруд. Две реки впадают в него — обе лесные, чистые и глубокие. Посреди реки Айбы — два острова. Там густо и дружно растут березы, а под ними зреет костяника — ягода сочная, кисловатая и щедрая на урожай. Здесь же на острове охотничья избушка — для любителей подследить уток.

А сколько здесь рыбы! У каждого рыбака свой «бат», долбленная сосна, — сооружение верткое и легкое в ходу. Утром вся гладь озера покрывается этой доморощенной флотилией. Только поблескивают мелькающие на крючке окуни-красноперки!

От Успенки до Тюмени пятьдесят километров — по Червишевскому тракту... Утром, чуть рассвело, мы собрались в дорогу, пожелали Сашке расти большим и здоровым и выехали в Тюмень.

21 июня

В тот момент, когда вы подъезжаете к деревне Костылево, вас охватывает особое чувство, хочется остановиться, выйти из машины и молча посмотреть вдаль.

Во-первых, через несколько минут вы очутитесь в первой сибирской деревне, и хочется, чтобы она была какой-то другой, не похожей на уральские, и боишься, что никакой разницы не обнаружится...

Во-вторых, вы сознаете, что на подступах к дерев-

не Костылево вы уже находитесь в пределах той самой области, на территории которой могут свободно разместиться две Франции.

Порой достаточно исследовать частицу, чтобы понять общее. Но те населенные пункты, которые нам предстоит проехать по дороге в Тюмень, не дадут представления обо всей области, в которой господствует пушной промысел, найден природный газ и сплавляют десятки тысяч кубометров древесины...

Первая сибирская деревня Костылево своим внешним видом как бы говорила нам: «Посмотрите на мои дома, они долго были заколочены, но сейчас люди возвращаются».

Эти дома — с пробитыми черепами-крышами, слепые, полурастащенные, перебинтованные стерильными белоснежными досками — были похожи на раненых.

По деревне ехал бородатый всадник. Любопытно было узнать его фамилию — Ермаков. Бородатый всадник не без гордости сообщил, что в старину сельских богатырей величали Ермаками.

— Ране была деревня, как сито, — народ вытекал, а теперь вроде кочки моховой: впитывает... Вон они, молодые...

Молодые подходят и принимают участие в разговоре. Это тоже колхозники «Великого Октября»: комсомолец Саша Черкасов и Володя Ушаков — «внесоюзная молодежь».

Ермаков едет в урочище Подъямники. Колхоз готовится к сенокосу, и старику надо поглядеть, как там она, трава, не готова ли? Ребята говорят нам, что при заготовке сена в южных районах области стоимость тонны доходит до семисот рублей. Скорей бы, что ли, разворачивали широкую заготовку кормов в Обь-Иртышской пойме. Тогда тонна сена вместе с подвозом обходилась бы не более ста пятидесяти рублей...

А пока приходится нам корчевать колки, — говорит комсомолец.

— Колхоз большой, кормов не хватает для скотины, добавляет «внесоюзная молодежь», — вот и корчем.

— Колки — это степные перелески. Там на участке у них имеется колесный трактор ХТЗ; бригада молодежная — почти все вернулись в колхоз из города в этом или в прошлом году. Было у них тут такое же собрание, как и в деревне Старково Горьковской области, и, наверно, так же кипели страсти и так же люди принимали решение — работать в колхозе.

Деревня Мичурино — это тоже колхоз «Великий Октябрь».

В речушке плещется детвора, несколько подвод везут на скотный двор «зеленку» (рожь), и доярка Лиза Костылева рассказывает нам, что ночью колхозное стадо пасется на воле, а днем берегут коров в тени, под навесами, потому и подвозят сюда корма...

Тут же за скотным двором, в овражке, две девушки в беленьких цветастых платьицах, в туфлях со «школьным» каблуком и пестрых воздушных шарфиках... грузят на носилки навоз. Это восьмиклассницы червишевской средней школы Алевтина Ушакова и Руфина Кондратьева. Чуть ли не впервые в жизни они держат в руках вилы. Над овражком стоит колесный трактор с прицепной тележкой. На тракторе в небрежной выжидающей позе восседает Михаил Черкасов.

— Нарядились... Это вам не книжки читать.

Девушки слышат его слова и весело кричат из овражка:

— А мы и книжки читать будем и трудодни зарабатываем.

— С такими темпами вы ничего не заработаете...

— Лучше бы взял вилы и помог нам.

— Мне за погрузку не платят!

— А ты договорись, чтоб платили, и давай грузи!..

Кажется, колхоз «Великий Октябрь» бесконечен.

Что ни деревня — бригада. Мы проехали две бригады, третья осталась в стороне, сейчас мы находимся в бригаде № 4 — в Друганово. С руководством колхоза встретиться не удастся, все начальство в разъезде, и мы направляемся в библиотеку.

Собственно, библиотека в деревне Друганово — это только угол в помещении местного клуба. Зато в этом углу у окна стоит шкаф с книгами и два стола, застеленных газетами.

Обычно в обеденный перерыв сюда заходят читатели, и неперенное солнце дежурит у этого очага культуры. Вот и сейчас оно вбежало в сельскую библиотеку и натянуло на вихрастую голову молодого прицепщика свою лучистую шапку. Это Александр Друганов. У него грязная спецовка и чистые руки.

Заведующая клубом и библиотекой Валя Летынцева, потряхивая косичками, знакомит нас с другим «заядлым читателем». Это тоже Друганов, только Саша. «Чтобы их не перепутать, мы одного называем Сашей, другого Александром».

Александр сказал: «Можете записать, что мы друзья». И Саша подтвердил: «Да, мы друзья с детства и на всю жизнь».

Мы не сразу поняли, почему они это подчеркивают. Потом Валя Летынцева объяснила, что Саша Друганов — выпускник Тюменского машиностроительного техникума, человек ученый. А его друг Александр — простой колхозник. И вот не далее как вчера кое-кто затеял нехороший разговор. Дескать, Саше неинтересно с Александром, и вообще их пути разойдутся, Саша уедет, мол, в город...

— Никуда я не уеду. Я буду работать в МТС.

— Да, он останется в МТС, — Александр ревниво посмотрел на Сашу. — У него даже дипломная работа подходящая...

Не дожидаясь расспросов о дипломной работе, молодой прицепщик сказал:

— Называется «Разработка прогрессивной технологии капитального ремонта долбежного станка». И, главное, МТС недалеко отсюда, вместе будем ходить на рыбалку. Правда, Саша?..

И в библиотеку, — добавил ученый Саша, с чем Александр охотно согласился.

22 июня

Червишево — довольно большое село.

В Червишевской МТС новые люди. Это «тридцатички», как называют товарищей, пришедших в село по призыву партии на руководящую работу с производства, из городов.

Вот две краткие биографии.

Виктор Иванович Шевченко в 1950 году окончил машиностроительный институт в Бежице. Работал в Ленинграде и в Тюмени на заводе «Механик». После сентябрьского Пленума ЦК КПСС был направлен в Ялуторовский район, а затем выдвинут на пост директора Червишевской МТС. Совсем недавно эта машинно-тракторная станция получила за хорошо проведенный сев переходящее знамя районного комитета партии и райисполкома.

Владимир Иванович Князев — свердловчанин. Он работал в конструкторском бюро треста «Уралэнергомонтаж». Здесь, в Червишево, он уже третий год возглавляет машинно-тракторную мастерскую. Как и Шевченко, Князев коммунист.

Мы разговорились с ними около нового, строящегося цеха МТМ. Речь шла о реконструкции усадьбы, мастерской и нефтебазы. Все им казалось устаревшим: и ремонтная база, и силовая станция. В руках у них были новые типовые проекты, по которым что-то уже достраивалось, а иное намечалось построить завтра. Оба они, Шевченко и Князев, были в темных в полоску безрукавках, и эта их одежда показалась мне самой уместной именно на строительстве. Не надо было закатывать рукава, чтобы приниматься за дело. Шевченко сказал:

— Понимаете, состояние «закатанных рукавов»?

Эти городские руки инженера и конструктора мечтали поднять машинно-тракторное хозяйство в Червишеве на самый высокий организационно-технический и производственный уровень. Главная задача, считал Шевченко, не сезонно использовать механизаторов, а круглый год. Прежде добиться этого было почти невозможно. Не позволяла куцая ремонтная база. Сев и

уборка — дело сезонное. Это ясно. И все же наконец добились, чтобы червишевский механизатор работал круглогодично, а отпуск получал в назначенный срок. Часть трактористов, недисциплинированных, уволили. Лучше меньше, да лучше. Главное — борьба за качественные кадры. Что получилось? Людей стало меньше, а работа пошла лучше. Настоящий механизатор, если нужно, должен уметь работать и на тракторе и на комбайне. Вот какие подбираются люди. И вы не увидите, чтобы кто-нибудь болтался без дела. В несезонное время — ремонт, облицовка траншей для сило-са, механизация трудоемких процессов в животноводстве — словом, червишевский механизатор из сезонника превращается в кадрового постоянного рабочего.

Итак, по дороге в областной центр мы посетили несколько сибирских сел и одну машинно-тракторную станцию. Сначала мы разочаровались. Никакой сибирской экзотики! Никакой дремучести! Все, что происходило в Европейской части страны, совершалось и тут. И я понял, что наше разочарование можно было назвать радостным.

24 июня

Когда знакомишься с Тюменской областью, создается впечатление, что это богатырь, который долго спал и сейчас начинает просыпаться.

Просыпается богатырь постепенно. Где-то на западе области, в низовьях Печоры, спит еще руда, где-то над Обью залегают нетронутый уголь, но уже получен березовский газ, и в тресте «Тюменьнефтегеофизика» торжественно произносятся:

— В недалеком будущем...

Речь идет о новых месторождениях газа.

Вообще в устах ученых, партийных работников и хозяйственников, которые занимаются проблемами Обь-Иртышского бассейна, природными ресурсами и сельскохозяйственными вопросами области, то и дело звучат одни и те же морфологические обороты с неизменным участием частицы «бы»: «Если бы мы ос-

воили...», «На этой базе можно было бы...», «Это да-
ло бы нам...»

В северных районах области — перестоявшиеся ле-
са. Какие ценности гибнут! Область способна заготов-
ливать в двадцать раз больше леса, чем это делается
сейчас. Если бы расширить сеть леспромхозов. Обский
север смог бы полностью обеспечить Печорский уго-
льный бассейн древесиной. И тогда печорским уголь-
щикам не приходилось бы ввозить сюда лес из цен-
тральных районов страны...

В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах
найлены железные и марганцевые руды, бурый уголь
и цветные металлы. Если бы на западе Тюменской об-
ласти энергичнее вели детальную геологическую съем-
ку, быстрее выявляли промышленные перспективы,
это позволило бы здесь начать строительство крупных
металлургических предприятий...

В поймах Оби и Иртыша (представьте себе залив-
ной лужок длиной в тысячу семьсот и шириной в со-
рок километров) — прекрасные кормовые травы. Эти
травяные богатства используются всего на десять про-
центов. Если бы создать здесь коневодческие и мо-
лочно-мясные совхозы, они смогли бы в заливных лу-
гах прокормить по крайней мере семьсот тысяч голов
крупного рогатого скота!..

В тюменских лесах, среди «зеленого золота», ты-
сячи охотников добывают «мягкое золото». Если бы
охотничье дело из промысла превратить в хозяйства,
да создать опытные машинно-промысловые станции,
да осваивать песцовые охотничьи угодья в малозасе-
ленных районах Крайнего Севера, если бы акклима-
тизировать северную пушнину в южных районах об-
ласти, и во всех колхозах развивать клеточное зверо-
водство, — вот тогда бы по добыче пушного зверя
область занимала не одно из первых, а безусловно
первое место в стране!

Обь-Иртышский бассейн по запасам нельмы, осет-
ра, сиговых — самый богатый из всех водоемов Сибири.
В Оби вылавливают рыбы в десять раз больше, чем в
Енисее. Если бы Министерство рыбной промышлен-
ности СССР выполнило правительственные сроки —

была бы разрешена проблема рационального размещения на территории области трех рыбоводных заводов.

В верховьях Оби строится Новосибирская ГЭС. Мы еще туда поедem. Мы еще с ней встретимся. Но вот что заинтересовывает не меньше, чем зримая панорама эстакады и порталных кранов: если на Оби только в пределах Тюменской области построить ряд гидроэлектростанций (а это будет, непременно когда-нибудь будет!), можно ежегодно получать пятьдесят миллиардов киловатт-часов, то есть почти столько электроэнергии, сколько дают все электростанции Франции...

В Тюмень приезжают ученые из Москвы и Томска, из Ленинграда и Свердловска. Западно-Сибирский и Уральский филиалы Академии наук СССР обсуждают проблемы освоения природных богатств области. И 2 июня «Тюменская правда» пишет: «Настало время перебазировать из Ленинграда в Салехард институт полярного земледелия...» Закончилась бы эпоха эпизодических наездов... Да... если бы, если бы...

Огромные пространства. Неисчерпаемые богатства. И очень мало людей. В этом смысле Тюменская область ничем не отличается от своих восточных соседей. Характерная сибирская проблема.

25 июня

Мы живем в Тюмени. И в то время, как молодежь страны приносит свои заявления в райкомы с просьбой послать на сибирские стройки и уже идут комсомольские эшелоны в Забайкалье и на Дальний Восток, молодые тюменцы рассматривают карту своей области. Для них совершить путь из Тюмени к полуострову Ямалу — не менее далекое путешествие, я бы сказал, более далекое, чем то, которое предстоит молодежи Башкирии, направляющейся в Омск.

Тюмень разъясняет молодежи: миллионы кубометров строительной древесины; нефть и уголь; освоение поименных лугов на Оби и Иртыше; строительство га-

зопроводов и гидроэлектростанций — все это ждет тебя, молодой патриот области!

Тюмень по-хорошему «заболела» севером.

А железной дороги пока нет. Не на вокзале, как во многих городах страны, а на аэродроме звучит оркестр, пестреют цветы и слышатся добрые напутствия.

Здесь, в Тюменской области, еще нет больших громких строек, о которых бы говорила вся страна. Но чувствуется: они, эти стройки, не за горами.

Видимо, освоение великих богатств Тюменской области в тех масштабах, какие имеют место на Востоке, пока отложено на завтра. Видимо, в первую очередь закладываются гидростанции, строятся железные дороги и крупные заводы — в глубине Сибири, чтобы, так сказать, экономически уравновесить чаши промышленных весов советской Европы и Азии.

Между этими воображаемыми чашами и находится Тюменская область.

26 июня

Из Тюмени по отличной дороге мы направились в Тобольск...

«...Мало в России местностей столь картинных, и будь он придвинут на 400 верст ближе... он был бы одним из богатейших и красивейших... городов империи...» — так в 1862 году писал о Тобольске Ипполит Завалишин.

Тюмень — мать сибирских городов, ворота Сибири.

И если Тюмень — «ворота Сибири», то Тобольск — это уже сибирская красная горница! Что ж, этот древнейший город действительно красен своими уголками. Здесь на каждом шагу вы сталкиваетесь с величественной, красочной стариной. То она уводит вас в далекие героические времена ермаковской эпопеи, то напоминает о декабристах, то неожиданно звучит «Соловьем» Алябьева или возвращает вам воспоминания детства сказкой Ершова «Конек-Горбунок». Тобольск — город-музей, город знаменитостей.

Дома в Тобольске бревенчатые, крытые железом, очень похожие друг на друга. То и дело встречаются

мемориальные доски с фамилиями дорогих нам людей. Здесь жили Радищев, Кюхельбекер, Достоевский, Менделеев...

Тобольск — двухярусный город: на пологом берегу Иртыша расположился первый ярус, а на огромной высоте, там, где за белокаменной кремлевской стеной возвышается Софийский собор, — второй ярус. Два взвоза — Никольский и Прямской. Прямской строили пленные шведы в 1716 году. Стены этого взвоза облицованы камнем, и, когда стоишь наверху и смотришь вниз, — кажется, что находишься над камерой шлюза.

Никольский взвоз, как бы растолкавший песчаную гору, подымается туда, где стоит мраморный обелиск-колонна — памятник Ермаку; обелиск украшен массивной, но изящной резьбой и увенчан мраморным лавровым венком. Слева — кремль. Тут мы встретили курсантов в матросских тельняшках и бескозырках. Это были юнги — будущие радисты рыболовецкого флота.

Мы решили побывать в том месте на Иртыше, где, по преданию, утонул Ермак. Из Тобольска ехали к Вагаю по хорошей дороге над Иртышом. В Старом Погосте колхозник-старожил Лука Петрович Беляков, седобородый богатырь в меховой шапке, согласился показать нам Ермакову Заводь и рассказал трогательную легенду о гибели Ермака.

— Ходил Ермак отбивать у кучумцев караван с пушниной. Устали они, Ермаковы-то казаки. Уснули на острове, посреди Иртыша. И сторожевых не поставили. Один Ермак не спит — с мечом, в шлеме, в кольчуге. Задумался он, а кучумцы своих подослали. Подоплыли они тише утки-чирка, обрубили плоты, а сами давай теснить Ермакову дружину. Бросился Ермак в воду, а кольчуга-то на нем была семи пудов. Не доплыл он из-за этой кольчуги — утонул.

Красавец Иртыш тут спокойный, на той стороне полоса песчаного невысокого обрыва, поросшего кустарником, а здесь на левобережье нет ничего, кроме задумчивой древней повести, которую мы слышим от Белякова.

Беляков утверждал, что именно здесь был остров,

но его смыло. Исчезнувший исторический остров — тоже характерная для Иртыша картина: русло этой реки все время меняется, отходит вправо, подтачивая высокий берег, который огромными глыбами рушится в воду. Левобережье, по которому мы сейчас едем, иссечено многочисленными рукавами — следы бывшего Иртыша. Эти маленькие речушки здесь называют Иртышатами. Иртышата, словно многочисленная детвора, беспорядочно вертятся около старика Иртыша.

В Тобольском музее есть картина, рисующая гибель Ермака. Он изображен в кольчуге, с обнаженным мечом, — отбивается от нападающих на него врагов. Битва идет на фоне фантастически-мрачных огромных гор, освещенных молниями. Если согласиться, что Ермак погиб именно на острове около деревушки Старый Погост, то ко всему, что мы видели на картине, можно уже отнести, как к плодам необузданной фантазии художника: никаких гор — ни на том берегу, ни на этом — в районе Старого Погоста вы не найдете.

28 июня

Мы хотели продолжать свой путь к Омску над Иртышом, но получили телеграмму: в Ишиме таким-то поездом будет нам доставлена посылка с киноплёнкой. Дело в том, что Тихомиров при всем своем желании не смог захватить всю киноплёнку, которую он предполагал использовать: мы бы слишком загрузили машину. Поэтому киноплёнку нам досылали «с оказией». Если бы мы поехали над Иртышом, пропустили бы поезд. Вот почему из Вагая мы резко повернули на юг, надеясь быстрее добраться до железной дороги, так как путь в Ишим на карте был отмечен красной линией. На языке условных знаков эта линия означала «главную безрельсовую дорогу». Каково же было наше разочарование: недолгий благоприятный путь, обещанный картой, неожиданно преподнес нам размытые колдобины!

Мы ехали лесом над рекой Вагай, и слева от нас на многие километры тянулось громадное Северное

болото. Колеса нашего вездехода на две трети погружались в воду. Колея была настолько глубокой, что нам пришлось прибегнуть к лебедке Синельникова, и только так мы тащили свою машину.

Но самое неприятное было впереди: не видно дороги, она залита болотной водой, и только кое-где проглядывают вздыбленные клочки размытой колеи. Несмотря на свой передний ведущий мост, автомашина продвигалась с трудом. А время шло, и с каждым часом поезд все ближе подходил к Ишиму. Нам ничего другого не оставалось, как надеть болотные сапоги и буквально каждый километр брать «с бою». С какими мучениями мы выбирались из этого болота! Десять километров в час — это еще была хорошая езда. Так продолжалось почти до самого Ишима.

К поезду мы подоспели, но после таких испытаний два дня отсыпались. Зато по дороге в Омск были вознаграждены за свои страдания замечательным трактом, который называли «грунтовым асфальтом».

И еще несколько слов о дороге: то говорят — Сибирский тракт, то — Московский... Дорогу, по которой мы едем, называют по-разному, в зависимости от того, ведет ли она на запад от населенного пункта или на восток. Вы едете в Свердловск, полагая, что это и есть Сибирский тракт, но свердловчане вам скажут: «Вы прибыли к нам по Московскому». С точки зрения свердловчан, вы едете в Тюмень по Сибирскому тракту, но тюменцы считают, что Сибирский впереди, а к ним вы приехали по Московскому тракту.

Несмотря на то, что червишевская дорога, ведущая в Тюмень, не обозначена на карте красной магистральной линией, мы готовы были причислить ее к разряду самых лучших. И даже подумалось: тем, кто составляет областные шестикилометровые карты, не мешало бы как-то выделять лучшие районные дороги, не ограничиваясь безликой топографической паутинкой.

Из Тюмени Сибирский тракт в прошлом шел на Тобольск. Ныне имеется магистральная дорога через Ялуторовск, Голышманово, Ишим, однако на областной карте вы этого пути сразу не найдете. Он не обо-

значен жирной линией и приравнен к второстепенным дорогам, хотя, по отзыву местных шоферов, «путь отменный, идешь со скоростью пятьдесят километров». От Ишима до Омска, как я уже записал, — настоящий грунтовой асфальт; но опять-таки эта прекрасная трасса не выделена на областной карте, которую мы получили как новейшую в картографическом Управлении в Москве. А дорога, поистине ужасная, от Вагая-на-Иртыше до Ишима отмечена красной линией! Спрашивается, по какому принципу?..

«Казах живет — дерево не растет». — Новоселы. — Сенокос. — Авария. — Омск. — На нетихом берегу Иртыша. — Комсомольский эшелон. — Омкстрой. — Юра и Люда. — Ремонт. — Сибирские огурцы. — Татарск. — Укладчики нефтепровода. — Чаны. — Бараба — «березовая степь». — Встречи на дороге. — Новосибирская ГЭС. — Городские контрасты. — Кузбасс. — Отъезд в Москву. — Томь. — Мариинский тракт.

1 июля

Приближалась Омская область. Мы останавливались возле больших курганов. То ли здесь захоронены дружинники Ермака, как рассказывает предание, а может быть, это и есть земляные сооружения казачьих форпостов на Омско-Тобольском старинном пути.

Мы ехали на юго-восток. И вдруг, как бы рассеченный невидимым клинком, лес подбежал к длинной-предлинной поляне. И опять лес. Словно в огромном самородке зеленого золота прорубилась какая-то инородная жилка.

На этой пограничной поляне мы и поравнялись с едущими куда-то казахами. Они сидели в плетеном, почти квадратном возке, оторченном по краям верблюжьей шкурой.

Их было трое. Старик со старухой и внучонок.

Старики были одеты весьма экзотично. Что касается малыша, то это был вполне современный молодой человек лет четырех, на голове которого красовалась новенькая, только что купленная, райпотребсоюзовская шерстяная шапка. Даже прямоугольный картонный ярлык висел прямо перед глазами. Старуху заинтересовала новая автомобильная техника. Она с мальчиком поехала на «М-72», а я пересел в плетеный возок, отороченный верблюжьей шкурой.

«Казах живет — дерево не растет, дерево растет — казах не живет». Старик Ахметкали, разумеется, вез меня в степь. Стоило на нашем пути появиться казаху, как природа моментально изменилась. Где они, милые березки Тюменской области? Неужели мы больше не будем любоваться мачтовым сосновым бором? Правда, еще встречались небольшие березовые перелески, но эта избранная лирика не давала уже настоящего представления обо всем могучем творчестве уходящего от нас леса...

Когда мы со стариком Ахметкали подъехали к его жилищу (домик и три сарая), Ломакин и Тихомиров уже угощались. Они пили кумыс из расписных пиал. Им подавала стройная казашка, похожая на солистку из оперы «Лейли и Меджнун». Она была в нарядном кафтане, на котором круглыми чешуйками блестели монеты. Эти монеты как бы играли в «орла и решку». Причем орлы были самые настоящие, потому что они принадлежали царской чеканке 1914 года. Советское серебро было представлено всеми выпусками, в том числе и двадцатикопеечной монетой, выпущенной в 1939 году, в котором и родилась дочь старого Ахметкали. С интересом изучив нумизматический наряд девушки, мы направились к сараю смотреть ручного орла-беркута, предназначенного для охоты.

Пастухи Курлет Кесенов и Мукаш Кесенов, отец четырехлетнего Арцымбая, пригласили нас в степь. Там паслись три табуна, по сто голов каждый. Два табуна принадлежали колхозу «Большевик» Омской области, один табун был тюменский.

— Я живу тут, — говорил Мукаш, — а Курлет жи-

вет там, в Тюменской. Три километра отсюда. Пасем вместе, чтобы не было скучно...

Таким образом, один день омские кони ели тюменскую траву, а на другой день тюменские кони пожирали омскую траву. Казалось бы, нет никакой разницы. И тем не менее в прошлые годы трудодни молодым колхозникам начислялись по-разному. И было время — то Курлет собирался перекинуться в «Большевик», то Мукаш помышлял о тюменском колхозе. Сейчас они вспоминают об этом с усмешкой: оба колхоза хорошие, трудодни начисляют примерно одинаково, а чтобы жить еще лучше — пастухи решили соревноваться.

На прощание мы стали угощать этих славных людей московскими шоколадными конфетами. Все с охотой взяли, кроме старика Ахметкали. Он не хотел конфет. Он попросил отдать ему наш стенной календарь, укрепленный в машине между рулем и пластмассовой красной вазочкой. За него он предлагал любые деньги, масло, верблюжье мясо или ведро кумыса. Казалось, календарь был единственным предметом, которого ему не хватало для того, чтобы быть счастливым...

2 июля

Мы знали, что на юге Омской области имеются крупные целинные совхозы, возникшие совсем недавно. Мы знали, что от Русской Поляны до совхоза «Цветочный» строится автомобильное шоссе. Мы знали, что по призыву партии и комсомола тысячи молодых патриотов стали омичами-целинниками.

И хотя здесь, в северных районах Омской области, новых целинных совхозов не было, в первой же омской деревне — Орлово — мы встретились с настоящими целинниками, как называют себя те, кто приехал в Сибирь по комсомольской путевке.

Деревня Орлово — это третья полеводческая бригада колхоза имени Хрущева. Прежде колхоз назывался «Красные орлы». Бригадиром здесь Николай Егорович Орлов.

Заходим к нему в избу. Очень чисто. На подоконниках цветы. На радиоприемнике «Родина» стоит керосиновая лампа, на которую надета миниатюрная «электростанция». Это — соединение биметаллических пластин — полупроводников. Нагреваясь от лампы, они «вырабатывают» ток и отдают его радиоприемнику.

Жена бригадира Екатерина Александровна накрывает на стол, вносит пышущий жаром медный старинный самовар. Орлов просит жену позвать Андрея Киб и Василия Ошмихина.

— С женами? — спрашивает Екатерина Александровна.

— С женами, — говорит Тихомиров и вынимает из кофера «блиц».

В Сибири не говорят «выйти замуж». Говорят — «убежать». Недавно мы слышали частушку:

У окошка я сидела,
Три я думы думала:
То ли сеять, то ли жать,
То ли замуж убежать.

Надя Чернышева и Лида Панова «убежали» замуж через несколько месяцев после того, как в деревне появились целинники. Ошмихин и Киб просили направить их в новый зерносовхоз. Но в Омске, при распределении, говорили, что колхозы тоже надо укреплять и работать там не менее почетно. Ошмихин и Киб согласились. Они прибыли в третью полеводческую бригаду. По словам Орлова, за душой у них не было ни копейки, однако в этих душах разгорелось «пламя борьбы» за сибирский урожай.

Когда бригадир говорил нам о закладке силосных ям, около дома послышался приятный треск, словно в разгорающийся костер только что бросили охапку хвороста.

— Это Ошмихин, — сказал бригадир. — Недавно купил...

— А вы говорили, за душой ни копейки.

— Но я же еще вам говорил, что в душе бушевало пламя...

— Душа, в которой «разгорелось пламя», заглушила мотоцикл и появилась на пороге бригадирского дома. Впереди он, Василий Ошмихин, чуть позади она, Лида Ошмихина.

Василий приехал в Сибирь из Орловской области. Сейчас он работает трактористом на «ДТ-54» в Ново-Покровской МТС. А Лида — колхозница. Она прицепщицей на его же, ошмихинском, тракторе. Совсем как в «Поднятой целине» у Майданниковых.

Всем доволен Ошмихин, только не хочет жить у Лидиной матери. Идет разговор, который неприятен бригадиру (неудобно при посторонних людях) и очень нравится Ошмихину.

— Пора мне свой дом ставить, и колхоз подсобить должен, хотя бы завозом леса... Это я вам закономерно говорю...

— Так ты же не обращался, — оправдывается бригадир.

— Я не обращался?! Лида подтверди.

Лида продолжает:

— Сто раз обращался!

Ошмихин укоризненно смотрит на бригадира. «Не обращался!» Прежде чем обращаться, надо деньги иметь. Он. Ошмихин, заработал много хлеба, да еще Лидины трудодни. А выдали им не полностью. Этот хлеб он имеет право продать. Законно! И будут деньги. Вот тогда, говорит Ошмихин, можно будет сказать, что о целинниках заботятся. Ошмихин доказывает бригадиру, что надо с ним до конца расплатиться и можете считать, что он здесь остается навсегда. Законно.

Потом приходит Андрей Киб со своей женой Надей.

Киб — комсомолец. Он приехал сюда из Белоруссии. «Все на целину едут, а я что — хуже?» Сейчас Андрей работает на сенокосе — как это подымет удои! Надя доярка, и она не совсем довольна группой своих коров. Правда, Фекла ежедневно дает по семнадцать литров молока, а вот Березка и двух литров не тянет. Куда это годится?..

А зачем ее держать? — Андрей любит советовать. — Заколоть ее, выбраковать. В мясопоставку!

— Я, Андрюша, Березку не отдам, постараюсь добиться...

Надя соревнуется с лучшей дояркой колхоза Руфиной Ивановной Середкиной, у которой корова Вишня «согласна на все восемнадцать литров в сутки» и, похоже, готова дать больше. Говорит Надя о своей сопернице с уважительной ревностью и нетерпеливо поглядывает на мужа, словно один он со своей сенокосилкой виноват, что кормов в колхозе еще не достаточно и поэтому отстает Березка.

Так они разговаривают за чашкой чая в избе у бригадира Орлова. В это время Тихомиров, вскинув фотоаппарат, становится в углу комнаты на табуретку, чтобы «увечковечить» эту хорошую встречу с жителями первой омской деревни.

3 июля

И опять дорога через лесостепь, мимо озер — к Омску. Птицы на телеграфных столбах между «стаканами» такие неподвижные, словно они не птицы, а технические приспособления. Это кобчики. Они разрешают себя убивать. Ястреб тоже не возражает, когда в него целятся. Другое дело ворона. Можно даже подойти к ней близко — не шелохнется. Но если вы беретесь за ружье — она уже улетела. Мы отрезаем лапки у подбитых хищных птиц. Эти лапки в райцентре можно сдать и за свои охотничьи подвиги получить соответствующее количество дрови.

Дорога замечательная. Широкая и накатистая.

Село Бекишево — колхоз имени Дзержинского. Люди в поле, на сеноуборке. Луга в бекишевском колхозе великолепные! Травы разные: много осота, цветов — здешняя саранка пестреет рядом с обычной ромашкой; если раздвинуть траву руками, темнеют густо-зеленые перья дикого лука. Стрелы его кончаются пушистыми сиреневыми шапочками. Здесь много зонтичных — что-то похожее на анис и на ту траву, которую в Поволжье, например, зовут «собачья петрушка». Но выше всех поднялись огромные зонтики; «пучки» — так зовут это растение здешние ребята-

ки. Они выбирают из «пучков» какую-то особо сочную часть стебля, чистят и едят. Чего не едят в детстве! Липовые почки, желтые барашки ивы, сладкие лепестки акации, «заячью капустку», молодые побеги сосенок и стебли хвощей. А вот здесь — «пучки»... И еще местные ребятишки любят жевать первую зелень лиственицы — зовут «кислицей».

Да, травы богатые! И не удивительно, что во всех селах, которые мы проезжали, говорили только о покосах, о заготовке кормов. Сеноуборочная страда! Особенно хорошо там, где косят рожь. Пахнет острой свежестью. На заливных лугах или в поле — сотни людей и всё в движении: трезубые деревянные вилы; волокуши, на которые накладываются тугие охапки скошенной ржи; какие-то особенно крупные грабли; вожжи в руках пожилого колхозника и, наконец, стога-зароды, вырастающие у вас на глазах...

Этим летом омские колхозники заготовили кормов гораздо больше, чем в прошлые годы. Тут две причины: во-первых, год урожайный, хороший травостой; во-вторых, работается веселее, материальная заинтересованность повысилась, и не потому ли за Мухиной Лягой бригадир полеводческой бригады Петр Семенович Селезнев сказал нам: «У нас тут все самые лучшие, так что фотографируйте кого хотите...»

5 июля

Прекрасная дорога приводит нас к селу Новоархангелка. Отсюда рукой подать до Иртыша. И вот переправляемся на пароме в Красноярку, а отсюда через лес держим путь на Чернолучье.

Как на южном берегу Крыма — сплошная вереница санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей. Иногда открывается вид на Иртыш. Он не такой широкий, как у Тобольска, зато более величественный. Там запомнилась широта Иртыша, а здесь с высокого берега хорошо просматривалась река во всю длину с юго-запада на северо-восток.

Если бы мы побродили около села Чернолучье,— возможно, нашли бы остатки стариннейших рвов.

Именно здесь проходила сторожевая линия, находились казацкие форпосты, которые охраняли русское государство от набегов сибирских племен. Возле этих сел — Красноярки и Чернолучья — строились надолбы, рогатки, оборонительные палисады и заплоты...

Через Новотроицкое выехали на магистральную дорогу, и здесь, на подступах к Омску, произошла авария.

Вдруг... (все несчастья, разумеется, происходят вдруг) в заднем мосту автомашины что-то дьявольски затрещало. Похоже было на пулеметную очередь.

Остановились. Долго копались. И вот выяснилось, что «полетели сателлиты». Наши «сателлиты» — вышедшие из строя шестеренки — имели печальный вид. Выскочил соединительный палец и порвал коробку...

Сначала мы решили добираться до Омска на буксире. Уже несколько шоферов предлагали свои услуги, но мы отказывались. Стыдно было въезжать в город на прицепе. Да и обидно! Проехали около пяти тысяч километров, выбирались из заводоупенских и тюменских болот, а здесь на ровном месте споткнулись. Ломакин ворчит: «Вот если бы мы не делали крюк...» Тихомиров утешает: «Хорошо еще, что перед Омском...» Да, но пока мы загораем в прямом (солнце нешадное) и в переносном смысле.

Вдруг... (все гениальные мысли, разумеется, приходят вдруг) Ломакин бьет себя по лбу, восклицает: «Идея!» — и лезет под машину. Наши расспросы ни к чему не приводят. Ломакин многозначительно молчит. «Держите», — он подает из-под машины детали. У Ломакина такой характер: пока не сделает, не поделится. А вдруг не выйдет? «Держите», — и мы принимаем новую порцию. Ломакин явно потрошит задний мост и наконец говорит: «Теперь катушка».

Как же мы могли забыть, что у нас не обычная легковая машина, что передние колеса, когда это надо, становятся ведущими и можно доехать до Омска, включив передний мост? Для этого задние колеса должны были стать, по словам Ломакина, «катушкой».

Это был великий эксперимент! Во всех легковых машинах задние колеса толкают передние, а у нас

передние колеса потащат задние. Великолепно! Ура Ломакину! Да здравствует Ломакин!

Мы подъезжаем к Омску с севера. Мы видим вдали трубы нефтеперегонного завода. Из труб вырывается огненное пламя. Степная дорога вонзается в город. Мы отыскиваем автоклуб. Вечер. Мы устали. Резиновый шланг с редуктором помогает нам надуть матрацы, и вскоре мы засыпаем в большом сибирском городе, с которым будем знакомиться завтра.

6 июля

Вряд ли город Омск можно назвать сердцем Сибири. Но, очутившись здесь, вы очень скоро начинаете понимать, что находитесь на весьма значительном перекрестке сибирских кровеносных сосудов, без которых и сердце биться не будет.

Перекресток образуют две мощные артерии: голубая и черная. Черная — нефтепровод. Голубая — Иртыш.

Когда смотришь на эту медленную, плавную реку, невольно твои мысли уносятся туда, откуда пришли ее неторопливые волны. В Омске, над Иртышом, особенно сильно чувствуешь свою связь с теми молодыми стройками шестой пятилетки, которые хотя и не находятся на трассе нашего автомобильного путешествия, но, во всяком случае, расположились где-то рядом, в верховьях этой великой сибирской реки.

Я смотрю на иртышскую волну и знаю, что она выбежала из высокогорного озера Зайсан, которое разместилось совсем близко от Китая. В Восточно-Казахстанской области иртышская волна прежде всего отразила успехи строителей Бухтарминской ГЭС. Не там ли на прочном скальном фундаменте строится бетонная плотина и скоро возникнет целебное степное море, превышающее по своим размерам Куйбышевское водохранилище?

А вот и Усть-Каменогорская ГЭС. Ее завершенные контуры тоже отразились в иртышской волне. Прежде чем добежать до Омска, эта волна «сработала» в механизмах гидроэлектростанции.

И, наконец, Павлодар. В этом новом промышленном районе, за южной границей Омской области, иртышские волны, несмотря на свою неторопливость, не успевают отражать многочисленные новые зерносовхозы, завод ферросплавов в селе Ермак, строительство крупнейшего в стране алюминиевого завода и, наконец, вырастающий комбайновый завод. Это поистине гигантское предприятие к концу пятилетки должно выпускать шестьдесят тысяч комбайнов в год! Известно, что в прошлом году заводы сельскохозяйственного машиностроения всей страны выпустили около пятидесяти тысяч комбайнов...

Поздно вечером над Омском зазвенела молодая песня: по улицам шла дружная шеренга ребят и девушек. Это десятиклассники. Сегодня они получили аттестаты зрелости. Все понятно! Московские школьники в этот вечер идут, как всегда, на Красную площадь. Молодые омичи — на берег Иртыша.

В такой прощальный вечер всегда хочется запомнить все, что связывало тебя с окончившимся сегодня детством: школа, любимый учитель, друзья. И темный, сильный Иртыш, родная река омичей, тоже запомнится навсегда...

Что и говорить — прекрасен вечерний Иртыш, обсыпанный прибрежными огоньками, такой веснушчатый и вихрастый, как юность...

7 июля

Сегодняшнюю Сибирь, с ее крупными заводами, электрифицированной железной дорогой, гидроэлектростанциями и нефтепроводами, приезжающей молодежи и палаточными городками, мы встречаем в Омске, на том самом берегу Иртыша, который теперь никак нельзя назвать диким.

Мы приехали в Омск в тот день, когда к перрону подошел очередной эшелон с молодежью из Башкирии. Омкстрой. Объем строительства — полтора миллиона рублей в сутки...

Здесь мне хочется подчеркнуть ту особенную, я бы сказал, поэтическую ситуацию, когда люди, покинув полные края, проехав более тысячи километров снова встретились со своей Башкирией. Она возникала перед новоселами в образе нефтяных рек, прибежавших из Европы в Азию по подземным артериям.

Когда мы их встречали, на перроне цветы Башкирии перемешались с цветами омских полей. В палатке № 7, около кровати Розы Бойзитовой рос кустарник, и она вздумала его поливать. Экспансивная Лида Большакова, бригадир бетонщиков, встречая знакомых, восторженно обнимала: «Ой, Зойка!» Зойка только что приехала, а Лида здесь уже три недели. На вопрос: «Как вы тут живете?» — Лида отвечает: «Со всячинкой».

— Я была пионервожатой, у меня был свой кабинет...

— Теперь у тебя будет своя персональная лопата.

— И очень хорошо, я затем и приехала, чтобы строить!

— Жизнь, знаешь, какая интересная! Когда много трудностей, когда ты чувствуешь, что побеждаешь их, — вот это жизнь...

— Хотите знать, почему я поехала? Я решила избавиться от любви. Он такой ревнивый. Я не могу поговорить с товарищем. Тогда я ему сказала: «Я тебе не жена, не командуй». И он побил меня. Подруга сказала: «Теперь ты будешь любить его еще больше». Но я его возненавидела и решила уехать.

— Эй, девчонки, идите сюда! Спецовки выдавать будут...

На следующий день их встретил начальник Омскстроя товарищ Иванов:

— Спецовки подогнать надо, чтобы по фигуре было. Посмотрите на «старожилов», учитесь...

Фотография № 45 сделана в тот день, когда в Омск прибыл третий эшелон с башкирской молодежью.

В палаточном городке то и дело раздавались возгласы: «Кто тут из Кировского района?», «А иглинские есть?», «Идите сюда, ленинские тут!»

Особенно шумно стало, когда в обеденный перерыв со стройки пришли «старожилы». Быстро отыскивались знакомые. Приятно было встретить только что приехавшего из города Черняховска Евтихия Михайловича Сибирикова. Сибириков — секретарь комитета комсомола. Он не успевает отвечать на вопросы.

— Ну, рассказывайте, как там без нас?..

Познакомьтесь с новоселами, двухмесячными старожилами-строителями, с комсомолками Омскстроя. Посмотрите на фотографию № 45. С Евтихием Михайловичем беседуют Лида Голубкова, Нина Анкудинова, Лиля Тимофеева, Роза Ир-Назарова, Рая Гвоздева...

Здравствуй, Омский нефтеперегонный!
Это здесь, на стройке молодой,
Завязалась дружба с отдаленной
Нефтяной башкирской Туймазой.

Сколько километров? Ну-ка, смеряй!
— Больше тыщи, — люди говорят.
У подземных нефтяных артерий
Сердцем стал иртышский Нефтеград.

Далеко-далече... Ну, так что же...
Помню, разгрузился не спеша
Эшелон башкирской молодежи
На нетихом берегу Идтыша.

Через день — в спецовках шли к заводу,
И казалось, что во все глаза,
Пробегая по нефтепроводу,
На девчонок смотрит Туймаза...

С той минуты, не переставая,
Эти реки черного добра —
Льющийся привет родного края,
Страдная, рабочая пора!

Итак, нефтепровод. Самый простой, самый удобный, самый выгодный транспорт. Он идет от Башкирских промыслов Туймазы до гигантской стройки на Иртыше.

Надо ли говорить, что новоселы из Башкирии, устраиваясь в своих общежитиях-палатках, уже на следующий день решили встретиться с нефтеперегонным заводом.

Прежде всего — пульта управления. Их так много, что сразу понимаешь: нефтепереработка — штука высокомеханизированная, и все эти переключатели, измерительные приборы, различные задвижки, регуляторы подачи электроэнергии, воды, пара и сырья охотно подчиняются диспетчеру, который с одного пульта уверенно командует сложным процессом. И все это отражает специальная схема, — я бы назвал ее телевизором технологии перерабатывающейся нефти.

Насосная, теплообменники, трубчатые печи, ректификационные колонны — это и есть атмосферно-вакуумная трубчатка, где, разогретая до 360 градусов, нефть как бы разграничивается на основные виды топлива: бензин, керосин, дизельное горючее... Я спросил:

— А мазут? Говорят, это отходы нефтепроизводства. Малоценные...

— В этих отходах немало веществ, полезных человеку: веретенное, дизельное, трансформаторное масла, автол... Более пятидесяти веществ...

На Омскстрое уже около двух тысяч новоселов, и ожидается еще человек пятьсот. А начальник строительства товарищ Иванов говорит мне: «Маловато, надо бы еще столько!» Не думайте, что палаточный городок единственное местожительство молодежи. Один за другим вступают в строй многоэтажные дома, они становятся стационарными общежитиями новоселов, которые, собираясь в Сибирь, не совсем хорошо представляли, что же с собой необходимо брать. Некоторые приехали с кроватями — они оказались ни к чему, так как и кровать и спальные принадлежности получил каждый. А иные

полагали, что необходимо захватить с собой лыжи (в июле!), шубы и валенки, и все это зимнее обмундирование выглядело весьма комично под палящим сибирским солнцем.

8 июля

Через две недели после своего приезда в палаточный городок Омкстроя Люда Анденко получила телеграмму:

«Еду третьем эшелоне тчк целую Юра»

Вы себе не представляете, как она удивилась! Она знала, что в конце июня Юра защитил дипломную работу «Водоснабжение города», знала, что в Министерстве коммунального хозяйства Башкирии все студенты строительного техникума уже получили назначения и Юра поедет в Стерлитамак. И вдруг... Нет, это просто удивительно, а она еще называла его «тихоней». Какой молодец!..

Вот-вот должен был подойти эшелон — третий за этот месяц — с молодежью Башкирии. Теперь здесь будет около двух с половиной тысяч новоселов. Строить-то надо и нефтеперегонный завод, и электростанцию, и новый город...

Вокзал... Встречают с букетами. С оркестром.

У Люды тоже в руках букет...

И вот он выходит из вагона. Да, это он, Юрий Синев, техник-строитель. Никто и не смотрел на них, но им казалось неудобным поцеловаться при всех. Смотрели друг на друга сияющими глазами, переполненными молчаливым ликованием.

— Ну, рассказывай, как же тебе удалось?

— Секретарь райкома дал путевку, и, когда я пришел в министерство, они были поставлены перед свершившимся фактом...

— Ну, а дальше?

— Мне сказали, что отпустить меня невозможно.

— А ты что?

— А я сказал, что ты ждешь меня... и что я тоже...

— И это помогло?

— Как видишь. У министерства оказалось доброе сердце.

Мне припомнилось внезапно —

Пели песенку одну:

«Дан приказ: ему — на запад,

Ей — в другую сторону».

Точно в песне комсомольской

Почему-то вышло так:

Ей — палатка стройки омской,

А ему — Стерлитамак

Дело вот какого рода:

Кончил техникум студент,

Направляет на три года

Министерский документ.

— Я не против, я с охотой,

Но нельзя ли на Иргыш?..

— Ты сначала отработай,

А тогда поговоришь !

...Дружно песня зазвучала,

И уже отходит он —

От уфимского вокзала

Комсомольский эшелон.

— До свиданья, слышишь, Люда!

— Слышу, слышу, дорогой ...

— Напиши письмо оттуда,

Хоть немного успокой.

Нет, ничем не успокоим,

Если есть мечта одна,

Чтоб на долю им обоим —

Та, другая сторона.

И решил он побороться,

Через день зашел в райком.

Секретарь немного мнется:

— Понимаешь, дело в том...

— Ясно...

— То-то, брат, неловко...
Там завод.
— И там завод...
— Ну, да ладно. Вот путевка,
Пусть обоим попадет...

Он недаром вел беседу,
Доказал — любовь «сильней.
«Еду, еду, еду, еду,
Еду к Людуске своей!»

10 июля

Оказывается, «сателлитель» в автомашине «М-72» и в «Победе» «М-20» — это совершенно разные вещи. Чтобы достать выбывшие из строя детали, нам пришлось объездить три завода, Автотракторсбыт, гаражи обкома партии, облисполкома и МВД, и только на третий день поисков на автобазе Омскстроя помогли нашему горю.

Завтра мы уезжаем из Омска. Я вспоминаю дорожные встречи, строителей и новоселов Омской области. И кажется мне — Омск похож на юношу с восторженно раскинутыми руками. Этот широкоплечий юноша крепко стоит на ногах в своих южных целинных совхозах. Одной рукой нефтепровода он уже дотянулся до Башкирии (1300 километров). Другая его рука энергично выброшена на восток: близится крепкое рукопожатие иркутских и омских трубоукладчиков. Башкирская нефть через Омск добежит до Байкала. Глазами своих озер — Салтаим и Тенис — юноша придиричиво смотрит на капроновые сети рыбаков Омского рыбзавода. За первый квартал завод получил третью всесоюзную премию. Юноша недоволен: почему не первую? Если посмотреть на юношу в профиль, вы сразу увидите красивый крупный лоб, очерченный голубой линией Иртыша. Какие мысли волнуют его! Там, на севере, у него хвойная густая шевелюра. Этот юноша — электропильщик лестрансхоза и сплавщик леса. В августе во всех тридцати шести районах области он пишет желтыми буквами урожай: «Добро

пожаловать, дорогие друзья!» И, словно сердце, перегоняющее кровь, в груди у него огромный нефтеперегонный завод...

Прощаясь с Омском, мы решили встретиться с укладчиками нефтепровода и для того, чтобы быстрее добраться до Татарска, отказались от Сибирского тракта, взяли курс на Кормиловку. От нефтеперегонного завода трубы пошли на юго-восток. Под Омью на трубоукладке работали водолазы.

Покидая областной город, нам всегда хотелось скорее очутиться на территории следующей области. Но расстаться с Омской областью не так-то просто. Она преподносит новые сюрпризы. Она говорит нам: «Хотите, угощу свежими огурцами?»

Это мы слышим в деревне Богословка. Бывший заведующий отделом промышленности Куйбышевского райкома партии, ныне председатель колхоза имени Микояна, тридцатитысячник Петр Иванович Звягинцев предлагает познакомиться с теплицами, снабжающими Омск хрустящими сибирскими огурцами...

А в старинных сибирских книгах, которые мы с собой возем, сказано, что огородные овощи в Западной Сибири не растут.

12 июля

Ехали всю ночь.

Шел дождь. Переставал. Опять начинался. Под утро — станция Татарск. Вокзал как вокзал: «Справки об опоздании поездов выдаются бесплатно». Или так: «Не бросайте мусор на пол вагона и в окна, для чего есть ящик». Милый голос радиоузла... Поезд проходит и увозит с собой «легкий концерт в грамзаписи».

Спрашиваем заведующую гостиницей:

— Нефтепровод у вас прокладывают?

— Были. С неделю как уехали.

— Куда?

— А кто их знает. Туда — к Барабе.

Спрашиваем: как тут живет, в Татарске?

Один летчик пролетел над Татарском и решил, что городок асфальтирован: все было залито водой и подмерзло. А в общем-то — ничего, живем...

В зале ожидания — рабочий класс. Во все районы Новосибирской области выезжают горожане помочь колхозникам на уборке урожая, который в этом году исключительный!

Должны рабочие ехать в колхоз «Большевик» Кыштовского района, месяца на три. Сели было в машины, но проливной дождь заставил их вернуться на вокзал.

И вот они продолжают шутить и сердиться:

— Мы организованно промокли.

— За месяц на быках доедем.

— Эта история каждый год повторяется.

— Мы читали много книг, там все разукрасят, а глубоко не вникают.

— Вот как нас встретили...

— Хорошо встретили, дождиком.

— Когда дождик встречает людей — это к урожаю.

Веселая шутка, как всегда, помогает людям.

Идет дождь, рабочие терпеливо дожидаются машины, чтобы проделать более двухсот километров от станции Татарск до тех просторов между реками Тара и Чека, которые ожидают новосибирцев на северо-западе области.

13 июля

Итак здесь строится самый крупный в мире трубопровод, пересекающий всю Сибирь от Туймазы до Иркутска. Эта нефтяная артерия почти в пять раз превзойдет крупнейший в стране нефтепровод Баку — Батуми. Три тысячи семьсот километров! Если бы нефть пришлось перевозить в железнодорожных цистернах (ту нефть, которая будет перегоняться по этой неслыханной подземной трассе), то, пожалуй, пришлось бы построить новую транссибирскую магистраль... На станции Кабаклы — трубы, трубы. Горячая пора электросварочных работ. Вдали подъемные краны «ТЛ-3», как муравьи, специальными трубными зажимами хватают палочки труб и подтаскивают к

месту сварки: трактор «ТС-17» — аппарат для сварки труб под слоем флюса — урчит, шипит и свистит одновременно, и этот смешанный шум напоминает гул водопада. До того шумно, что старший прораб третьего участка СМУ № 7 Иван Агафонович Тихонюк просит зайти к нему в «кабинет» — полевой вагончик. Там и разговариваем, впрочем, то и дело влетают дизелисты, мастера, электросварщики, и из соседней комнатенки доносится какой-то возбужденный говор... Тихонюк говорит:

— Они обсуждают приказ из главка...

Приказом отмечена хорошая работа трубоукладчиков и сказано: пора переходить на новый участок. У Тихонюка отличное настроение.

И так приятно выкурить сигарку,
Услышать говор дизельных машин,
В неделю завершить электросварку,
И знать, что все готовы, как один.
Свое хозяйство оглядеть влюбленно,
И, обсудив отъезд со всех сторон,
Из Кабаклы (Татарского района)
Продвинуться в Барабинский район.
Узнать, что снова закипит работа
От всей души, во все сто сорок рук...
Есть в этом изумительное что-то,
Неправда ли, товарищ Тихонюк?

Тихонюк соглашается.

Он говорит, что еще в 1953 году укладывал трубы в Петропавловской области. Сотни километров он прошел по стране. И если его кочевая жизнь имеет свою прелесть, несмотря на трудности, так это потому, что за долгие годы работы он научился мыслить масштабно, ощущая грандиозность того строительства, в котором есть и его заметная доля. Тихонюк в курсе дела не только своего участка, своего управления и главка, но и всего того огромного хозяйства, какое разворачивается на просторах нефтеперегонной Сибири:

— Разве не здорово? Они идут мне навстречу!

— Кто они?

— Ангарские строители подземных трасс...

Признаться, я сначала даже растерялся. Я решил, что поскольку рядом с Барабинском город Куйбышев (как на Волге), быть может, в той же Барабе имеется Ангарск (как на Ангаре). До такой степени осязаемо говорил Тихонюк об ангарцах, что можно было подумать: они где-то рядом.

Но для него две тысячи километров — это было рядом. Он мог со всеми подробностями рассказывать вам, что ангарцы поведут сразу две линии (одну приемную, вторую готовой продукции), что позднее начнется строительство нефтепровода Иркутск — Чита, что не только вся страна, но и страны народной демократии помогают строителям, как, например, Карловопольский машиностроительный завод имени Готвальда, который поставляет нам атмосферно-вакуумные трубчатки и оборудование для термического крекинга...

Итак, Тихонюк торопился в Барабинск, торопился в Новосибирск, торопился навстречу трубоукладчикам востока. А иркутяне в эти дни тоже стремились к нему и, наверно, думали о нем, хотя и не знали, что зовут его Иван Агафонович, а фамилия Тихонюк, и весь его облик (высоченный богатырь, человек-глыба, косая сажень в плечах) так гармонирует и с масштабами транссибирского нефтепровода, и с теми необозримыми краями неисчерпаемых богатств, которые имеют дело с человеком пятилетки, как равные с равным.

Совсем другая встреча была у меня с крановщиком Иваном Зайкиным. Зайкин недоволен, что работает в степи, далеко от Омска. Он не ощущает как радость свое участие в строительстве гигантского европейско-азиатского трубопровода. Его не волнует, что такие же нефтеперерабатывающие заводы, как в Омске, в шестой пятилетке будут построены и в Красноярском крае, и в Иркутской области. Иван Зайкин, как ни странно, об этом ничего не знает. Обидно, что Тихонюк ни разу с ним не поговорил по душам, не рассказал ему о масштабах строительства, не спросил, почему молодой крановщик такой хмурый...

Посмотри, товарищ Зайкин, на могучий сноп труб.
Это сделали твои товарищи. Это строишь ты!

Ты вдумайся и погляди пошире,
Завидую лишь собственной судьбе:
Система нефтеносная Сибири,
Скажи, кому доверена? Тебе.

Бывает, жизнь несется по ухабам,
Да так, что выбиваешься из сил,
Но счастье проверяется масштабом,
Каким ты сам себя вознаградил.

15 июля

Еще в Омске мы получили телеграмму, из которой узнали, что сестра Ломакина везет нам из Москвы киноплёнку и ферромагнитную ленту для магнитофона. Мы проверили расписание поездов и поняли, что посылку сможем получить на станции Чаны, Новосибирской области. Здесь около вокзала остановилась наша «М-72». Примерно через полчаса ко мне подошла девушка в красной шапке и форменном кителе железнодорожника и, с любопытством разглядывая номер автомашины, неуверенно проговорила:

- Вы, случайно, не из Сталинграда?
- Вы угадали, — говорю.
- То-то я смотрю, у вас сталинградский номер «СЦ 63-86».

Так я встретился со своей землячкой, дежурной по станции Чаны, Валей Торшиной. Наблюдательная девушка, ничего не скажешь! Радостно было поговорить с человеком, который с волнением расспрашивал о своем родном городе. После длительной разлуки улицы наших воспоминаний всегда становятся еще дороже.

В прошлом году Валя Торшина закончила Сталинградский техникум железнодорожного транспорта. Она получила звание техника-эксплуатационника. Когда распределяли на работу, она выбрала Сибирь. На станции Чаны — большие погрузо-разгрузочные работы. На станционный элеватор уже приходят машины

с урожаем, и Валя чувствует себя причастной к хлебоуборке, хотя она и не работает в поле. Хлеб идет! Идут составы с хлебом! Все это обязывает работать с тем сосредоточенным прилежанием, на какое способны только энергичные, увлеченные своим делом люди.

На собранные косы русские
Фуражку красную надела;
Следит за выгрузкой, погрузкою,
Да мало ль на дежурстве дела!
В селектор говорить с диспетчером,
Весь день командовать движением,
И, может быть, однажды вечером
Связаться лично с Управлением.
Известно ей: согласно графику
Спешит дружина молодая,
Та, что меняет географию
Сибирского родного края.
Ах, до чего она напориста —
Мечта, и молодость, и сила!
Казалось, с приближеньем поезда
К перрону счастье подходило.
Не потому ли так восторженно
Встречаешь дальние составы?
Не потому ли, Валя Торшина,
В глазах зазеленели травы?
Шли поезда зеленой улицей,
Цвели глаза зеленым цветом...
Она идет, от солнца щурится
И улыбается при этом.

Она рассказывала о студенческих днях, о себе... У нее открытая душа. Она не только любит людей. Она не умеет быть одна, — ей скучно, когда вокруг нее мало народа, ей обязательно нужно, чтобы много было.

Если подружка, да что подружка! — даже парень, который нравится, скажет: «Пойдем в кино», — на условленное место она явится с целой компанией.

А когда ехала в Сибирь, то чуть ли не на каждую

станцию давала телеграмму: у нее везде были товарищи... Теперь она ведет большую переписку. Большинство, кому она пишет, — просто знакомые. Такой у нее характер. Такой она была в техникуме. Его это раздражало.

Сначала он говорил:

— Зачем тебе это надо?

Потом:

— Зачем они мне нужны...

Потом:

— Зачем мне это нужно.

Она не замечала этих изменений. Не задумывалась над их значением. Не встревожилась.

Она любила его, как никого на свете. Но всех на свете она тоже любила. Это была совсем другая любовь. Но изменить ей было невозможно... Они расстались. И вот теперь она работает на станции Чаны и все чаще встречает знакомых, едущих на Восток...

16 июля

От Омска до самого Новосибирска железная дорога электрифицирована, и, глядя на металлические опоры, несущие провода, невольно вспоминаешь подмосковную электричку. Как похоже! Даже пейзаж совсем такой, как там, где-нибудь в районе Раменского. К концу шестой пятилетки электропоезда побегут от Новосибирска еще дальше на восток...

Вчера на станции Чаны мне случайно попал в руки новогодний номер «Омского железнодорожника». Вторая полоса газеты была необычной: повторен заголовок, который мы только что прочли на первой полосе, но дата... дата говорила, что перед вами 1 января 1961 года!

О чем же мечтают омские железнодорожники? Цитирую: «Крупнейшая в мире Братская ГЭС уже дает ток промышленным центрам и селам Сибири... Полностью электрифицированы главные участки нашей Омской дороги... Эксплуатируются газотурбовозы, сменившие в прошлом году тепловозы... Закончилась

прокладка пути от разъезда Озерный до Целиногорска. Осуществлена конструкция бесстыкового пути... На нашей магистрали будут проходить испытания четыре локомотива с атомным двигателем... На трассе Москва — Омск начали курсировать пассажирские вагоны с искусственным климатом...»

Хорошо ехать навстречу рассвету, временами пересекая железнодорожный путь, когда поднявшийся и опустившийся шлагбаум, словно друг, махнет тебе на прощание рукой. А поезда проносятся мимо, и ты выходишь из машины, чтобы услышать кусочек песни, несущейся из окна вагона: даже не видя поющих, можно смело сказать, кто это едет, куда и зачем. И если в окне, как в раме, увидишь лирический портрет юности, от всего сердца пожелаешь ей «ни пуха, ни пера» и поведешь свою машину вперед, мимо высоковольтных опор Сибири. Эти опоры (так кажется издали) в Барабинском районе поднялись выше облаков.

О, край чудесный, богатырь!
Что может быть богаче?
Высоковольтная Сибирь,
Электропередачи.
Степное чудо Барабы!
И не пойму, откуда —
Желанный порт моей судьбы,
А это тоже чудо.
Останься жить и полюби
Целинный клад совхоза,
И эхо стройки на Оби,
И гул электровоза.
Какое время! Что за год
Для песен, для науки!..
Иди сюда, нефтепровод,
Товарищ длиннорукий!
Сюда идите, поезда!
И в такт, разноголосо:
Сюда, сюда, сюда-да-да,
Сюда — стучат колеса.

17 июля

Тянется и тянется Бараба, однообразная «березовая степь». Но если вы думаете: «Однообразная — значит скучная», — вы глубоко ошибаетесь!

В это влажное, нежаркое лето травы долго стояли, высокие и сильные. Травы здесь столько, сколько ковыля на Волго-Доне! И так же, как дубравы на Дону, мелькают среди густой травы березовые перелески — колки. Одни березки! Но здесь эти колки почему-то иногда называют «Дубравами». Но не только колки и травы делают однообразную Барабу неотразимо захватывающей и веселой.

Часто встречаются небольшие соленые озера. Они совсем мелкие и так густо заросли камышом, что только местами видна вода. Эти озерные просветы здесь называют «стеклами». И еще мы тут услышали легенду. Было это в давние-предавние времена, народ страдал, по земле текли людские слезы и накапливались. И появились в этих краях соленые озера...

Интересно, какие новые легенды о сегодняшней Барабе создадут наши внуки?

Есть трудности, когда приходят в степи,
Есть временный суровый неуют
И праздничный, во всем великолепии,
Жизнелюбивый, мужественный труд.

Привычно было всякое жилище:
Землянка, и палатка, и шалаш.
Но что это? Смотрю во все глазища, —
Пожалуй, сразу и не передашь.

Я видел сам, как выросли за сутки
Для личного состава целины
Квадратные приземистые будки —
Два метра от стены и до стены.

В ряду стояло штук примерно сорок.
Там проживало восемьдесят сил.

И лагерь этих временных каморок
Какой-то вид воинственный носил.

А издали они похожи были
На надолбы, чтоб танки не прошли,
Как будто эти надолбы вдолбили,
Чтоб отстоять счастливый день земли.

И знал я, что они не из гранита,
Но словно были тверже, чем гранит,
И в них была такая сила скрыта,
Которая что хочешь победит!

И как там по дорогам ни кружите
—Запомнится, куда ни поезжай,
Единственное в мире общежитье, —
Первоначальный бой за урожай!

18 июля

Было время: села пустели, молодежь уходила на производство, колхозы были маломощными. Можно было услышать такое слово: обезлюживание. Каким словом назвать обильный приток молодых сил в сельское хозяйство? Богат наш язык, а такого слова еще нет...

Тысячи новоселов два года тому назад приехали в Барабинские степи. Они приехали осваивать целинные земли. Их встречали с оркестрами, местные жители отдавали им в своих избах лучшие углы. На первых порах, покамест не построили новые зерносовхозы, приехавшие на постоянное жительство молодые люди были обогреты и обласканы душевным гостеприимством коренных барабинцев. Это общеизвестно. Но любопытно другое.

В начале нашего века в эти места приезжали переселенцы. Как их встречали? Как приживались они на новых местах? Ломакин читает вслух «Россию» Семенова-Тянь-Шанского.

«К ссыльному барабинцы уже присмотрелись и с тем горем, которое причиняет бродячий элемент, об-

терпелись. Настоящими своими врагами теперь они считают переселенцев, через которых идет «утеснение» в земельных угодьях...»

— То есть как? — удивляется Ломакин. — Какое может быть утеснение, если земли сколько угодно...

— Но тогда ведь не строили новых зерносовхозов, не тратили двенадцать миллионов на дорогу в «глубинку», — говорит Тихомиров. — Видимо, они селились в тех же населенных пунктах, потому и «утесняли» коренных...

— Ладно, пойдем дальше. «Мы, собственники, говорили барабинцы, а не шпана какая-либо или самоходы, которые заели Россию, а ныне напускаются на наше добро». Подумаешь, собственники! — комментирует Ломакин. — Нет, в самом деле трудно поверить, что так было... «Горько обижаясь на «утеснения», барабинец уверен, что это проделка чиновника, а когда слух дойдет до царя, он прикажет министрам наделить их землей с кабинетной дачи (Алтайского округа) ...»

Опять мы едем по бескрайним барабинским просторам, мимо небольших озер и березовых рощиц, мимо тальника и осинника или среди луговых степей, застенных большетравьем...

20 июля

Не знаю, на каком счету
Директор МТС,
Быть может, по хозяйству он
Чего не дотянул.

Но мне понравилось лицо,
Когда в машину влез,
И улыбался правый глаз,
А левый подмигнул.

— Представьте, с некоторых пор
Вожу машину сам,
Как видите, подал пример,
И сократился штат...

При этом, как бы невзначай,
Провел он по усам,
Откозырял мне и повел
Свой быстрый агрегат.

Какая славная душа,
Неугомимый дух!
За руль... шофером бы к нему
Хотелось мне пойти.

Но он, веселый человек,
Работает за двух,
И мне осталось крикнуть вслед:
— Счастливого пути!

К этому добавлю, что товарищ Фофанов, директор Новотырышкинской МТС, Новосибирской области, хотя и улыбается, но на душе у него беспокойно: комбайнов на машинно-тракторной станции слишком мало, чтобы убрать урожай эмтезовских «владений». На один комбайн приходится по четыреста гектаров! А ведь по госнагрузке каждый комбайн должен убирать менее трехсот гектаров...

Колхозные массивы раскинулись с той щедрой густотой, которая не только радует глаз, но и заставляет всерьез задуматься: как это все убрать в сроки и без потерь? Вот почему сегодня с надеждой говорят в Сибири:

— Ждем комсомольцев и молодежь, ждем двести тысячников...

Колосьев так много, так много, что в этой огромной, в этой крохотной степи просто стало тесно от урожая.

22 июля

В Новосибирской области возникли новые целинные совхозы: Кремлевский, Федосовский, Пролетарский, Петропавловский, Краснозерский... В совхозах уже построены столовые, пекарни, магазины, множе-

ство жилых домов. И все это там, где веками была голая степь! Сейчас во всех совхозах — ясли, детские сады и школы для маленьких новоселов. А целинники Кремлевского совхоза на днях открыли летний кино-театр. Стоит он в самом красивом месте — в густой березовой рощице. Ничего удивительного: сами строили — сами и место для постройки выбирали.

...9 октября 1956 года газеты опубликовали приветствие Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР работникам сельского хозяйства Новосибирской области. Совхозы и колхозы области подвели итоги. Результаты исключительные! Новосибирская область сдала и продала государству сто миллионов пудов хлеба.

Это больше почти на сорок пять миллионов пудов, чем было сдано за три года (1951 — 1953), вместе взятые, до освоения целинных и залежных земель.

В официальном сообщении сказано:

«В течение последних трех лет колхозы и совхозы области освоили свыше миллиона гектаров целинных и залежных земель. В области организовано одиннадцать новых совхозов. В совхозах, организованных на целине, получен высокий урожай и дешевый хлеб.

...Несмотря на неблагоприятные погодные условия уборки, колхозники, работники МТС и совхозы при большой помощи рабочих, служащих и студентов Новосибирска и других городов области успешно справились с уборкой урожая и выполнением плана хлебозаготовок».

Мне вспоминаются первые дни освоения целины, когда к столбу, например, прибавали фанерку, на которой писалось: «Улица Новоселов».

В тот первоначальный период мне пришлось побывать на целинных землях за Волгой. Пускай не там «основная целина», и, конечно, нельзя сравнить освоенные заволжские площади с поистине безбрежными просторами целинной Сибири и Казахстана, но, мне кажется, становление и тут и там проходило одинаково. Масштабы разные, но страсти одни и те же.

Еще мы ничего не совершали,
Но шла уже молва во все концы,
На празднично украшенном вокзале
Нас наперед хвалили: «Молодцы».

Все, как один, ребята заводские,
Мы ехали туда, как на парад.
Еще никто не знал, что есть такие,
Которых будут отправлять назад.

Еще не понимали мы порою,
Как трудно быть работником земли,
А нас уже зачислили в герои
И лучшими из лучших нарекли.

Что к этому добавить мне еще вам?
Не надо было сглаживать углы,
Ведь прямо было сказано Хрущевым,
Что нас не ждут паркетные полы.

Не на блины мы ехали, не к теще,
Но поняли мы много погодя,
Что жизнь начнется медленней и проще
С куска фанеры, с первого гвоздя.

Шла речь о нас как о великой силе,
Шла речь как о гвардейцах целины,
Нам первые тюльпаны подносили,
И были нам стихи посвящены.

Я понапрасну говорить не стану,
Но нет, чтобы (возьми да получи!)
Вслед за речами полевому стану
В срок подвозили воду и харчи...

Нас называть целинниками стали.
И люди с первых дней, еще тогда
Хотели, чтоб мы сразу показали
Пример индустриального труда.

Горючее! Мы жили без подвоза.
Сигналили райкому: «Помоги!»,
Когда нам из соседнего совхоза
Прислали устаревшие плуги.

Шли письма в молодежную бригаду.
«Мы верим в вас!» — писали земляки,
И мы старались первую досаду
Забыть, всему на свете вопреки.

А если честно говорить, не мы ли
Спешили на целинные поля?
Нас месяц ожиданием томили,
Терпенье высыхало, как земля.

Не каждый перетерпит недостаток,
Иной махнет рукой: «Ну и дела...»
Романтика брезентовых палаток
Кое-кому не очень помогла.

И начиналась первая провинность,
И будни вытесняли торжество,
Один из нас забунтовал, не вынес,
Путевку отобрали у него.

Он, пьяный, перемазанный газолем,
Валялся возле первой борозды...
Но хватит! Никому мы не позволим
Позорить наши светлые ряды!

Что говорить?... В семье не без урода...
Но есть работа — непочатый край:
Ведь ждут зернохранилища народа
Наш золотой трудолюбивый пай.

Все будет, как задумано! И ныне
Гудит земля, чернеет от борозд,
На смену старой, сгорбленной польни —
Пшеница молодая в полный рост!

Всех безграничных трудностей не пряча,
Мы ныне доказали до конца,
Какая это сложная задача —
Ходить в почетном званье «молодца».

Ну что ж!
Всего добиться в нашей власти,
Все пересилим, — нивы расцветут,
Большое человеческое счастье
Для нас теперь не где-нибудь, а тут.

Для нас богатое дождями небо
И эта радость, чудо-целина,
Где вырастут златые горы хлеба
И хлынут реки, полные зерна!

Мы живем в эпоху возникновения новых морей.

Моря появляются не только там, где строятся крупные гидроэлектростанции, но и возле каждой большой стройки, возле каждого целинного массива. Ведь говорят — «море людей». В сегодняшней Сибири, там, где еще недавно было безлюдно, — люди скапливаются, как волны, образуя новые человеческие моря.

Целинные земли Сибири стали прологом большой эпопеи освоения этого края. Пролог до такой степени захватывающий, что хочется читать дальше.

23 июля

Мы подъезжали к Новосибирску в жаркий полдень. Ветра не было. Издали мы увидели огромное темное марево: его подняли над городом бесчисленные трубы заводов.

Новосибирские улицы насыщены автомобильным движением.

Сегодня у нас произошла авария. Поток автомашин замер перед трамвайной остановкой. Но вот трамвай пошел, и Ломакин тихонько двинулся вперед. В это время стоявшая впереди автомашина покати-лась назад, и мы столкнулись.

Погнулся бампер, холодильник сплюснулся, словно кулек, из которого сделали «хлопушку».

Так. Сразу чувствуется, что мы в большом городе.

Милиция выясняет, кто виноват, водители машут руками и называют друг друга «растяпами», а публика окружает происшествие плотным заинтересованным колечком.

Как вы думаете, что говорит милиционер? Он говорит: «Товарищи, давайте пройдем!»

Иногда называют этот город «сибирской Москвой».

Большие заводы — турбогенераторный, металлургический, сельскохозяйственных машин — и красивый многоколонный театр «Факел», широкие проспекты, бульвары и новые дома Кировского района, — все это крупно вписано в многопланный пейзаж большого индустриального города.

В Новосибирске ученые обсуждают доклад академика Несмеянова, выступают академики Бардин и Дубинин; из Новосибирска едут в Китай с визитом дружки художник Титков и скульптор Меньшиков; в театрах Новосибирска можно посмотреть трагедию Шекспира «Гамлет» и оперу Крейтнера «Таня».

Улицы зеленые-презеленые, зеленее, чем в Сочи. И с тротуара на мостовую перекинута решетка через ручьи.

Я спросил у школьника-новосибирца, имеется ли в городе газ. Он переспросил:

— Газ — Вода?

А в это время в Новосибирске строят уже новый институт инженеров-технологов по переработке нефти, и, может быть, школьник, с которым я говорил, будет там учиться. И, возможно, вслед за нефтепроводом через Новосибирск когда-нибудь будет проходить газопровод...

В Новосибирске много высших учебных заведений, а к концу пятилетки появится кооперативный институт, два технологических — строительных материалов и текстильной промышленности. В этом году в городе открывается первая в Сибири консерватория.

На улицах — «флаги расцвечивания», следы недавнего фестиваля... Новосибирск — город контрастов. Четырех- пятиэтажные дома, и где-то в овраге беспорядочно рассыпанные домики, о которых говорят: «Это Нахаловка». Много старинных домов, украшенных чисто сибирской деревянной резьбой. Потемневшие от времени «кружева» пышно разместились под карнизами и над окнами. Первый этаж каменный. Второй — деревянный.

Новосибирск — разный. Иногда хочется сказать — Старосибирск. Рядом с большими домами приютились деревянные павильончики пошивочных, парикмахерских и галантерейных товаров. Павильончики старательно выкрашены, похожи на частные заведения, особенно, когда у дверей прибиты длинные вывески с конфетными фигурками в «модных» костюмах и платьях, каких теперь не носят. Или вот: в центре города стоит фанерный киоск. Июль. А на нем написано... «С Новым годом».

Трамвай номер три везет от вокзала по улице Голя мимо таких избушек! За ними бывшее кладбище в березовом лесочке, за березами — завод. А там вдруг снова начинается город. Чудесный, юный, совершенно новый. Так и называется: Соцгород. И сразу меняешь свое мнение и хочется сказать: совершенно верно, это Новосибирск.

За пятилетку в городе прибавится более полутора миллионов квадратных метров жилья. Задача строителей — в четыре раза увеличить темпы и к Новому году дать новосибирцам квартиры в триста тысяч квадратных метров.

Парк Дзержинского. Березам здесь хорошо. Они совсем не застенчивы, потому что одни. И кажутся такими откровенными. И кажется — они не в белых платьях, а обнаженные, словно девушки, собравшиеся купаться.

Когда-то Сузунская улица обрывалась у реки. Теперь эта улица навсегда подружилась с одним из самых красивых и больших мостов в нашей стране. Длина — два с половиной километра. Надводная часть — более километра. Мост парит над Обью. Тень от реше-

точек четко лежит на асфальтовых тротуарах. По мосту движется сразу восемь потоков: два пешеходных, два трамвайных и четыре автомобильных.

А под мостом проходят речные суда.

Вода в Оби совершенно не прозрачная. Нельзя сказать, что река быстрая. Но она сильная очень. И поверхность неровная, бугорчатая, словно где-то проходят внутренние волны.

Обь — русская женщина: молчаливая, подобранная, замкнутая. Олицетворяя, изобразишь ее высокой. Мост прямой, стрельчатый, он словно модным пояском неожиданно стянул Обь — эту статную красавицу. Оказалось, что к ней идет и этот наряд. Так всегда: красивым все к лицу.

25 июля

Едем смотреть Новосибирскую гидроэлектростанцию.

Обычно бывает так. За чертой города асфальт исчезает. Тут картина другая. Булыжная дорога остается в городе, а на окраине начинается прекрасное асфальтированное шоссе.

Слева — почти отвесная гора, справа кустарники и железная дорога. Мы переезжаем мост и спускаемся в зеленеющую пойму, усеянную вдали двухэтажными домами. Белеют плоские бревна этих домов, белеет черепица, белеют над ними облака. Зелень и белизна, и никаких других красок. За поселком сосновый лес и целый венок пионерских лагерей.

Но вот мы покидаем шоссе, сворачиваем вправо и по хорошо укатанной грунтовой дороге едем на стройку, к парому через Обь. Отсюда рассматриваем панораму строительства. Она распахнута настежь.

Реку Обь называют «Сибирской Волгой». Это сравнение вполне уместно не только потому, что в экономике Западной Сибири Обь играет не меньшую роль, чем Волга для областей центральной полосы страны, но и потому, что в обском пейзаже можно найти черты Поволжья.

Это сходство особенно чувствуется на строитель-

стве Новосибирской ГЭС. Какое изумительное повторение всего, что происходит под Сталинградом, рядом с городом Волжским!

Что если разрешить себе пофантазировать?

Допустим, каким-то чудом, после некоторой разлуки со Сталинградской ГЭС, вас привозят на Новосибирскую ГЭС (но вы этого не знаете) спрашивают: «Скажите, пожалуйста, как пройти в столовую?» Я уверен, вы точно укажете дорогу, не подозревая, что находитесь совсем в другом месте. В поселке строителей такие же дома и очень похожая планировка. Совсем как в Волжском. А панорама? Она почти повторяет общий вид строительных контуров Сталинградской ГЭС. Та же пойма с многочисленной техникой, те же контуры бетонного завода и вдали, на вершине левого коренного берега, белеют кубики молодого городка строителей. Что касается ремонтно-механического и дробильно-сортировочного заводов, то и они и лесокombинат с виду мало чем отличаются от новых заволжских заводов Сталинградской ГЭС.

Здесь, на Оби, впервые в истории гидростроительства, русло реки будет перекрыто зимой. Это делается для того, чтобы не нарушать навигацию. Пароходы пойдут через шлюз. Сейчас, когда работа еще не закончена, обский шлюз с его арматурной штриховкой напомнил мне Волго-Донской пятьдесят первый год, когда ярус за ярусом строилась знаменитая «Черпурниковская лестница».

Самая величественная картина — бетоновозная эстакада, пересекающая котлован. Десятитонные краны похожи на железных аистов. Они как бы клюют грузы и медленно переносят их в нужное место. Рядом строится здание ГЭС, сердце гидроэнергетического гиганта, который даст ток не только растущим предприятиям Новосибирска, но и целинным землям Алтая.

В директивах XX съезда партии по шестому пятилетнему плану намечено построить на Оби еще одну ГЭС около города Камень. Но это не исчерпывает возможности великой сибирской реки. Специалисты считают, что, помимо этих двух, на Оби можно соору-

дить еще шесть гидроэлектростанций... Думаешь об этом, веришь в то, что через десяток лет энергетические каскады сибирских рек соединятся в единую энергосистему, — и дух захватывает от той фантастической силы и красоты, с какой однажды предстанет перед миром наша Сибирь.

26 июля

Эти записи я делаю в поселке гидростроителей — с натуры.

Рвут камень в котловане, чтобы легче экскаваторщикам вынимать грунт. Котлован — основной участок. Он находится на двадцать метров ниже дна Оби. Бульдозерист Федор Иванович Мельников говорит:

— Скалу буду толкать. Лозунг у нас такой: «Бери больше, кидай дальше!»

Подползают экскаваторы. Уходят. Снова — взрыв.

— Яловые смазывай конским салом, чтобы не пускали воду.

— Нет, рыбьим жиром лучше.

— Товарным дегтем еще Тарас Бульба мазал.

— Из чего его делают?

— Из березовой коры.

— Резиновые лучше.

— Ревматизм схватишь...

Новые частушки.

Мы плотину возвели,
Берег с берегом свели.
Почему же мы при том —
Я на этом, ты на том?

Там, где был зеленый лес,
Мы с подружкой строим ГЭС,
Почему ж в моих страданиях
Не наметился прогресс?

Девушка говорит:

Ездили выступать, я там свой голос оставила...

Девушка принимает позу, чуть отворачивается, и, приоткрыв рот, закрывает глаза. Раздается хохот. Очень похоже!

— Ну-ка, еще раз покажи....

— Это она показывает комсорга Виктора Бутенева, он совсем отвернулся от нас, не замечает, как мы живем, и вообще....

— Сначала у нас был представитель Дзержинского райкома комсомола Дементьев. Его уволили, ничего он не делал. Потом был другой представитель, Морозов. Тот сбежал, ушел обратно на завод. Говорят, Бутенев тоже увольняется, а нам от этого не легче, культурно-массовая работа отсутствует: ни докладов, ни кружков, даже в кино и то не пойдешь, потому что у нас один клуб на тридцать тысяч населения, а дать киносеанс в палаточном городке — не догадываются...

Вот о чем говорят девушки из второй бригады землекопов.

Каждый критикует, как умеет. Девчонки хохочут... Пожалуйста, не обижайтесь на эту самодеятельность. Вы ведь знаете: вечером танцы — и всё, сами купили волейбол — и всё. А критика — это не всё, это только начало. Это требование. Пора Дзержинскому райкому комсомола Новосибирска действовать не на словах, а на деле.

Девушки решают написать письмо в Управление Новосибирскгэсстроя. Они заходят в столовую. За одним столиком усаживаются всей семеркой. Пишут «хотом». Подходит знакомый парнишка:

— Не годится! Что вы пишете: «просим не отказать», «учитывая наше положение»? Разве так требуют? Это же плач Ярославны...

Здесь можно услышать деревенское:

— Темно мне от твоих слов...

Или городское:

— Не хамничайте! Ведите себя!

— Опять спустила свою собаку?

— Еще не спустила. А вот спущу — берегитесь.

Так они ругались. Глаза не глядели — резали.

Двадцатилетний Петр Медведь.

Учится на четвертом курсе Запорожского гидро-энерготехникума. Сейчас у него преддипломная практика. Работает в бригаде рядовым бетонщиком. Медведь — человек ученый. Он знает, что такое производство работ на земляной плотине, знает бетонирование водосливной плотины — об этом ему читали лекции. А здесь лекции читает ему практическая работа. Она как бы говорит юноше: посмотрим, на что ты способен, посмотрим, кем тебя назначат — бригадиром или мастером...

Двое за столиком.

Возле них недопитые стаканы красного вина. Один в упоении ломает сладкую булочку, расставляет кулочки на столе и объясняет, как он придумал ускорить цикл экскавации:

— Этим самым, понял, ни одной секунды не теряю, ни грамма!

Вот что оказывается у трезвого на уме...

Девушки из Дзержинского района Новосибирска.

Говорит бригадир Любовь Андриановна Барсукова:

— В нормировке нет порядка. Одиннадцатого июля мы отсыпали шесть ковшей земли и заработали четыреста тринадцать рублей. Двенадцатого июля тоже шесть ковшей, но получили триста пятьдесят три рубля. У меня в бригаде семнадцать человек. Посчитайте, сколько каждая из нас зарабатывает ежедневно? И почему один день так, другой иначе?

— Я привык так: жить для общества, а уж что останется — для себя. И если человек этого не понимает, я не могу с ним...

Большие стройки Сибири подобны реактивным самолетам — мы уже видим их полет, но еще не слышим. Пройдет некоторое время, и до нашего слуха донесется гул работающих заводов-гигантов и крупнейших в мире гидроэлектростанций.

С горы дома бегут наклонно,
И кажется — за рядом ряд —
Из синей пачки небосклона
Рассыпан белый рафинад.

Вдали брезентовый поселок,
Волнистый весь от ветерка,
Цветет платками комсомолок,
Приехавших издалека.

Выходят. Ждут нетерпеливо.
И вот, с отвагой молодой,
Через минуту после взрыва
Идут сражаться со скалой.

Мне нравится большое в малом,
Возьми хотя бы день один:
Увидишь — с каждым самосвалом
Сильнее мускулы плотин.

Они к реке идут, как крепость,
Наперехват, наперерез.
Мне нравится зовущий эпос,
Размах Новосибирской ГЭС,

Широкоплечей перемышки
Разноголосая гармонь,
И словно вспыхнувшие спички —
Электросварочный огонь.

Мне нравится рассвет над Обью,
Пейзаж строительный, когда
Железных аистов подобье —
Портальных кранов череда.

Товарищ мой! Сюда, по зову!
Сюда, в приобский этот край,
И всю плотину, как подкову,
На счастье родине отдай!

Степь есть степь. И как она из Барабы перешла в Кузнецкие просторы, как она из Новосибирской стала Кемеровской — мы, пожалуй, даже и не заметили.

Скошенные луга везде одинаковы, да и колки за окнами машины мелькали все теми же тонкими белыми стволами, как и в «березовой степи». Только заметнее стали тяжелые гроздья рябин и калинника, ягода стала краснее. Приближается август.

Кузнецкий бассейн — «пламенное сердце Сибири», «второй Донбасс», край великих строек, рожденных пятилетками.

Замечательна история этого края — красивого, богатого, щедрого. Еще в 1895 году о Кузбассе писал геолог А. Н. Державин: «...я любовался очертаниями Алатау, с вершин которого спускается сплошная тайга к Томи, и мне всюду думалось: вот счастливый край, где даны блага человеку — черноземная почва, обилие вод, а в недрах земли — каменноугольное богатство...»

В давние времена этот край, населенный охотниками и рыболовами-шорцами, начали осваивать русские. В 1618 году на берегу Томи был построен Кузнецкий острог, а за ним и другие военные поселения.

Но «русские, первоначально зашедшие сюда, не думали о прииске руд, их (занимали соболи, лисицы, бобры и другие пушные звери» — и долгие, долгие века лежали нетронутыми богатейшие на всей земле залежи каменных углей. Хотя, нет, неправда, что «нетронутыми»: в 1721 году местный крестьянин, казачий сын Михайло Волков, обнаружил на правом берегу реки Томи «горелую гору». Были заложены угольные копи; добытый уголь на плотках сплавляли в Томск. Но по-настоящему оценили и начали разрабатывать местные угли только в наши, советские годы.

Угольные богатства Кузбасса в пять раз превышают запасы Донбасса! И рядом — богатейшие залежи железной руды. Цветные металлы. Бокситы. Зо-

лото. Мрамор. Известняки. Разве можно было проехать мимо индустриального сердца Сибири?

Но вот плывут и плывут за окнами скошенные луга, кусты, перелески; сколько хлебав — сказать трудно, поля бескрайни, и какое поле «бывшая целина» — тоже неизвестно: хлеба всюду высоченные!

В Юрге много молодежи, — приехали сюда по комсомольским путевкам. На окраине городок разрастается большими многоэтажными домами. На каждом шагу встречаешь парней и девушек, которые на вопрос: «Ваша профессия?» — отвечают:

— Каменщик.

— Штукатур.

— Маляр.

— Плотник...

Нам хотелось скорее своими глазами увидеть прославленные шахтерские земли и города. Мы не задерживались в Юрге, поехали дальше — на Кемерово.

30 июля

Все время то приближается к дороге, то отходит в степь голубая широкая лента Томи. И хотя часто совсем рядом мелькают еще какие-то реки, речки, речушки, Томь ни с чем не спугаешь: она здесь самая большая, самая широкая.

Но вот Томь в последний раз подошла вплотную к дороге, промелькнули дома большого села Мозжуки, потом какой-то лесок, опять же березовый, и через некоторое время из-за горизонта стали наплывать на чистое степное небо какие-то странные, разноцветные облака. Потом вдаль появился частокол заводских труб, и сразу стало ясно: именно они и выпускают в небо огромные массы дыма — тяжелого, плотного разноцветного, похожего издали на облака.

Так возник перед нами город Кемерово. Ничего не скажешь — сразу видно: это город большой промышленности, город шахт и заводов. На окраине мы видели стандартные чистенькие домики горняцких поселков. Ближе к центру — многоэтажные жилые до-

ма. Мы проезжали по улицам (решили посмотреть город и просто поколесить) с интересными названиями так сказать, местного колорита: Заводская, Трудовая. Рабочая, Стахановская. Есть тут переулки Коксовый, Газовый. Мы приехали в город угля, в город химии.

Этот город странно разбросан: вдруг обрываются красивые улицы, и дорога пересекает обычный степной участок. Мелькает обгорелая рыжая трава, кустарники. А потом опять дома, заводы, высокие копыры, дымящие заводские трубы. Нам объяснили: такая разбросанность города вызвана тем, что он стоит на местах залегания богатейших пластов углей и приходится их оставлять нетронутыми.

Однако в дальнейшем и на этих пустынных участках будут и шахты и заводы.

Кемерово — город немолодой, но таким, как мы его увидели, он стал недавно. До революции это был городишко Щегловск, о котором А. В. Луначарский в очерках «Месяц по Сибири» писал: что это «городок скудный, носящий все черты провинциальной дыры».

Сейчас Кемерово — большой индустриальный город. Центр не только угольной, но и химической промышленности. Производство кокса, ценных азотных удобрений, красителей для текстильных предприятий. Здесь и машиностроение: кемеровцы выпускают горное оборудование для шахт Кузбасса.

Город раскинулся по обоим берегам реки Томи. Река полноводна и широка — около пятисот метров. Левый берег гуще населен и застроен. Он поднимается над Томью широкими крутыми террасами. Первая такая терраса зеленеет газонами, на ней нет построек — в половодье ее затопляет Томь. На второй поднимаются корпуса заводов и огромное здание электростанции. Еще выше — кварталы жилых домов. А на противоположном берегу Томи, за светлыми высокими зданиями, темнеет густой сосновый лес. Хороши в Кемерове улица Ермака, новый мост через Томь, здание Горного института, облдрамтеатр...

Дорога на Ленино-Кузнецкий начинается в черте Кемерова, в Заискитимье... Опять степь с перелес-

ками и редкими болотами. Как степь, у которой повсюду общие черты, так и города Кузбасса повторяли внешние черты Кемерово: многоэтажные дома и рядом маленькие уютные коттеджи рабочих поселков. И вдруг в середине города — огромная незастроенная площадка: здесь залегают уголь.

Запомнились очертания кузбасских городов — типичный горняцкий силуэт: высокие копры, заводские трубы, огромные пирамиды терриконов и цветные клубы дыма, газа, пара над этими гудящими, грохочущими сооружениями.

Мы подъезжали к Ленинску-Кузнецкому. Город не спал — работала ночная смена. По дороге в гостиницу мы увидели незабываемое зрелище.

Посреди города, возвышаясь над какими-то зданиями, курился вулкан. Узкие трещины на его пирамидальной поверхности сочились серым едким дымом. Изредка взлетали невысокие густые языки огня. Пахло гарью, пламенем, опасностью. Потом мы узнали: это гора отработанной породы. Оставшиеся в ней куски угля самовозгораются, и со стороны кажется — начинается извержение.

Леннинск-Кузнецкий — бывшее Кольчугино — самый зеленый город в Кузбассе. Говорят, когда-то на этом месте была огромная березовая роща. Сохранились остатки этой рощи — там сейчас разбит парк культуры и отдыха.

Через день мы были в Прокопьевске. Как и Ленинск, это город угольщиков. Его называют «черной жемчужиной» Кузбасса, «Кузбасским Углеградом». Прокопьевские угли не знают себе равных по качеству. По добыче Прокопьевск на первом месте не только в Западной Сибири, но и во всей стране. В городе около двадцати крупнейших шахт. Здесь находится первая в стране гидрошахта, в которой все подземные работы совершаются при помощи воды...

Юг Кузбасса — это город Сталинск, родина сибирской металлургии.

Я знаю —
город будет!

Я знаю —
саду цвести,
Когда
такие люди
В стране
советской есть!

Эти стихи Маяковский посвятил Сталину в те далекие славные годы, когда в Сибири строился один из первенцев пятилеток — Кузнецкий металлургический комбинат. Сейчас он дает различные высококачественные чугуны, рельсы, части для машиностроения.

Город очень красивый. Великолепные дворцы культуры, драмтеатр, ТЮЗ. Много лесов в окрестностях. Рядом — невысокие мохнатые горы, Томь. Сейчас Сталинск живет своим близким будущим: завершается стройка Южно-Сибирской железной дороги Сталинск — Абакан.

31 июля

До Урала Тихомиров берег кинолентку на самое интересное, но как только мы очутились в Сибири, буквально на каждом шагу происходило что-то очень важное, и поэтому мы останавливались и дожидались солнышка.

Ну, в самом деле, разве можно было не «отснять» пестрые Талицкие хоры? Тобольск и место гибели Ермака? Приезд комсомольского эшелона в Омск, укладчиков нефтепровода в Барабинских степях и утро Новосибирской ГЭС, богатый целинный урожай и угольные разрезы Кузбасса?.. Сколько, по-вашему, ушло на это пленки? Ушло все, что дали Тихомирову в институте (1500 метров) и почти все, что мы приобрели в Казани (1000 метров). А ведь мы проехали пока половину пути. И впереди, как это всегда кажется, самое интересное! Впереди был Енисей! Новостройки Иркутска, Байкал! Боже мой, на Байкал уже ничего не останется... А Забайкалье, а Дальний Восток?... Да, мы решительно погибаем. И потом — пропуска в погранзону. Завершается тре-

тий месяц пути, и наши пропуска аннулируются. Было такое ощущение, что мы едем не во Владивосток, а только до Читы. Мы все время думали об этом, беспокоились и не знали: как же нам быть дальше?

Я уже не говорю о том, что открытый лист на бензин с его одной тысячей килограммов также приказал долго жить, и мы очутились в плену коммерческого бензина. Не говорю и о других заботах и тревогах, разрешить которые можно было только в Москве... Но главное — это киноплёнка и пропуска в погранзону. Ничего не поделаешь, надо ехать в Москву, Не ехать, а лететь.

Договорились так: покамест я буду совершать воздушное путешествие, Ломакин и Тихомиров попытаются пробиться на Абакан, то есть осуществят путешествие горное, водное и таёжное. Конечно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но резонно и то, что лучше сто раз вернуться по делам в Москву, чем один раз не доехать до Владивостока.

Я просил своих спутников вести в дороге записи. Мы попрощались и договорились встретиться в Красноярске.

Из Сталинска Ломакин и Тихомиров направились к верховьям Томи, побывали в поселке Теба и отсюда без дорог продолжали двигаться на восток, переправляясь через мелкие речушки Топчул и Казыр.

Они уже были на территории Красноярского края, где-то посредине между Сталинском и Абаканом, все время рядом со строителями новой железнодорожной линии, но наступил день, когда они поняли, что дальше пробиться невозможно.

И хотя я там не был, но в Москве увидел, как они ехали: Тихомиров прислал киноленту. Он показал переправу через Томь — кажется, автомашина плывет по реке. Показал добычу угля открытым способом, взрывы в скалах и гидронапорную струю, подсекающую целую гору. Гора неожиданно рухнула, покоровшись воле одного человека.

Он заснял строительство новых поселков, энтузиастов с комсомольскими путевками, рассвет в горах

и нашу тонущую автомашину. Ее вытаскивал трактор, и когда на берегу отворили дверцы — вода хлынула из кабин, словно гидростроители открыли клинкеты.

Уже знакомым путем Ломакин и Тихомиров возвращались назад в Сталинск. В Кемерово они сдали фотоочерк в газету «Кузбасс» и по тяжелому Мариинскому тракту двинулись на северо-восток. Они бы не проехали, если бы добрые геологи не взяли нашу машину на буксир.

Ни Ломакин, ни Тихомиров никаких записей не вели, им было не до этого. Как вести Дневник, когда машина тонет в Томи или буксует в грязи Мариинского тракта? Но стоило выбраться на хорошую дорогу, и мои товарищи вспомнили: надо что-то записывать. Путевые заметки Тихомирова были опубликованы в газете «Красноярский рабочий», а записная книжка Ломакина в Красноярске была передана мне «для научного изучения». Из ломакинских записок я узнал, что в мое отсутствие погибли медикаменты и продовольственные запасы НЗ. Все промокло, все было выброшено. И все-таки мы радовались. Я привез хорошие новости.

Мы теперь имели достаточное количество киногогатива «ДС-2», новый открытый лист на бензин и заверение, что пропуска в погранзону нам продлят в Чите.

Дневник Тихомирова. — Боготол. — Ачинск. — На Енисее. — Красноярские «Столбы». — Шумиха. — Думы строителей. — Кувшин Красноярского края. — Цветы и ягоды. — День рождения. — «Вот это подарок!» — Черемшанка — Тайшет. — Контарсты. — Черембасс. — Вскрыша. — Ангарск. — Иркутская ГЭС.

В Красноярске мы вылили из бака какой-то ржавый, некачественный бензин, раздобытый в дебрях Мариинского тракта, пропели славу новому открытому листу и отправились обедать в ресторан Аэропорта.

Тут я и прочитал то, что записал Тихомиров в дороге.

ПО СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

(Из дневника участника автопробега Москва — Владивосток)

5 августа

Позади остался Кузбасс с его неисчерпаемым богатством — «черным золотом»... Мягко шурша скатами, наша «М-72» легко бежит по отличному Московскому тракту.

Но вот замаячило какое-то селение. Подъезжаем ближе и читаем на табличке: «Старый Боготол». Решаем свернуть с тракта и ознакомиться с городом.

Единственная улица, по которой можно проехать, и то с трудом, даже на нашем вездеходе, называется «Деповской». Смотрим на автознак: скорость не больше 30 километров.

— Не верьте! — говорили прохожие.

Все же решаем испытать «счастье». Машина, воя, едва доползает до угла улицы и накрепко увязает в грязи в сотне метров... от здания горисполкома. Нас обступает народ. Сочувствуют, возмущаются многолетними дорожными безобразиями.

Павел Федорович Краснов, юрист Боготольского отделения Красноярской дороги, с горечью говорит:

— Хоть бы кто-нибудь всерьез взялся за «отцов города»...

Из-за извечного отвратительного состояния дорог движение машин по Боготолу у временами или вовсе прекращается, или происходит при помощи... дежурного трактора. Эта «новинка» введена, видимо, председателем горисполкома Кушнеревым и его заместителем Метальниковым. Вместо того чтобы наладить дороги, эти руководители нашли «оригинальный» выход из положения — держать наготове тягач.

Не дождавшись дежурного трактора, садимся в машину и с помощью... коня еле вылезает из ямы. Покидаем Боготол, ознакомившись лишь с одной его «достопримечательностью» — непроходимыми улицами.

6 августа

К утру добрались до Ачинска, и первое, что удалось увидеть, — это здание с вывеской: «Дирекция Ачинского глиноземного завода».

Мы еще раньше слышали о том, что здесь началось строительство крупнейшего в стране предприятия алюминиевой промышленности. И вот мы на стройке. Главный инженер треста Ачинскалюминстрой Георгий Андреевич Яворский говорит:

— Перед нами стоят две задачи: обеспечить строителей хорошим, благоустроенным жильем и создать производственную базу для сооружения завода. Сейчас возводим деревянные дома общей площадью семнадцать тысяч квадратных метров. Семь с половиной тысяч уже ввели в строй. Строим также завод сборного железобетона, бетонорастворный завод, автогараж, ремонтные мастерские. Введен в эксплуатацию энергопоезд. Сооружаются амбулатория, столовая, школа на восемьсот учащихся, ясли, детсад. Почти готов клуб на полтысячи человек...

В Ачинске нам посоветовали побывать в Козульском районе: там в селе Новочернореченском строится зерновая фабрика.

Теперь, за Ачинском, на дорогу не пожалуешься. Прекрасный гравийный тракт ведет до самого Красноярска. Вдали синеют высокие, стройные пихты и кедры — густая зеленая стена. Тайга! В нашем представлении это слово всегда вызывало ощущение заброшенности, «медвежьего угла». И что же предстало нашему взору?.. За поворотом возникает высокое, светлое здание колхозной фабрики хлеба. Работы подходят к концу. Возводится здание под автовесы. Зерновую фабрику строят шефы — железнодорожники станции Чернореченская. Техник станции Алексей Дрожин возглавляет бригаду, оборудующую сушильные агрегаты. Стрелочники, грузчики товарного двора устанавливают стропила на здании под автовесы.

Строители сообщают: ток будет пропускать в сутки одну тысячу двести центнеров зерна. В ближайшее время зернофабрика вступит в эксплуатацию.

...И вот мы снова в пути.

Проходит некоторое время, и наша «М-72» останавливается у дома, где находится правление колхоза имени Хрущева. Здесь нам говорят:

— Сегодня год, как новый председатель работает в нашем колхозе. И надо сказать, чувствуется хозяйская рука. При нем шефы выстроили каменную силосную башню, поголовье свиней выросло в четыре с половиной раза, вдвое выросло поголовье крупного

рогатого скота... Теперь колхозники в два с половиной раза больше получают на трудодень и деньгами и хлебом...

Вот и председатель Илья Антонович Щекайло. Вместе с главным ветврачом Козульского района Дврамченко и свиаркой Дмитриевой он занят осмотром поросят. Яков Аврамченко — молодой специалист: он в 1952 году окончил Ачинский сельхозтехникум, а сейчас заочно учится в Красноярском сельхозинституте. Что же касается председателя колхоза Щекайло, то до того, как стать во главе сельхозартели, он работал на Сибтяжмашзаводе начальником пролета кузнечно-прессового цеха, потом в числе тридцатитысячников изъявил желание трудиться в колхозе.

— И как вам здесь работается?

— Люди тут отличные, с ними можно дело делать, правда, есть и такие, что ничто на них не действует...

Позднее мы сами «познакомились» с одним из них — с животноводом Сысоевым. Уже целую неделю он не выходит на работу. Мы решили сходить к нему домой. Но поговорить с ним так и не удалось. Находясь неделю во хмелю, он даже и не заметил, как его сфотографировали.

Удивительно, как колхозники терпят его в своей среде.

Ночью въезжаем в Красноярск.

Пройдено от Москвы 8279 километров. Впереди — Восточная Сибирь и Дальний Восток, путь к конечной цели автопробега — к берегам Тихого океана...

На этом записи Тихомирова обрываются.

7 августа

На колхозном проселке,
В дорожной пыли,
За Чулымом — сибирской рекой,
Как-то мы наконецник от пики нашли,
Да, представьте себе, наконецник нашли.

Ну, а раз уж нашли —
Захватили с собой,
Поглядите, колючий какой.

Прежде чем называть его
Ржавым и злым,
Поподробнее расспросим о нем.
Мы расспросим о нем, и расскажет Чулым
Вдруг увидится:
Белый карательный дым,
И, очерившись пиками,
Ночью и днем
Партизаны летят под огнем.

Нам расскажет Чулым:
— Отошли времена,
А ведь, помнится, жил тут старик,
А при нем немудренная кузня одна.
И, бывало, в той кузне с утра дотемна
Он ковал наконечники пик.
За советскую власть
В партизанский поход
Уходил девятнадцатый год.

И кузнец говорил,
Закаляя копье,
Мужиков провожая в бой:
«То ли пик острое, то ли сердце свое
Отдаю вам, сыночки мои...»
А ковал наконечники
Старый кузнец
В виде маленьких острых сердец,
И, казалось, он сказочник или мудрец.

«До свиданья, спасибо, отец!»
Всюду стычки...
Похоже, что нет им конца...
Вскинув пики, летят дикари...
За Чулымом железные бьются сердца,
Закаленные в кузнице бьются сердца,
Обагранные кровью зари.

Наконечник от пики...
Как только возьмешь
И как только посмотришь... Ну что ж,
В самом деле, он очень на сердце похож,
На железное сердце похож.

И Чулым говорит:
— Вот, в село кузнеца
Колчаковский каратель проник.
Как схватили его: «Отвечай, большевик,
Отвечай, сколько выковал пик?»
Он стоит у крыльца, головою поник —
Бородатый чулымский старик.
Пусть глумятся, но тайну железных сердец
Ни за что им не выдаст кузнец.

И каратели пленника
В кузню ведут:
«Ты упрямишься? Ну, погоди!»
По рукам, как безумные, молотом бьют,
И потом, точно звери,
Горячее рвут,
Отступавшее рвут из груди.

Только им не понять —
У него не одно,
У него ведь десятки сердец,
У него в партизанах десятки сердец.
Пусть убили, замучили, но все равно
Он сражается, этот кузнец.
За Чулымом по-прежнему бьются сердца
Легендарного кузнеца.

На колхозном проселке
В дорожной пыли,
За Чулымом — сибирской рекой,
Мы однажды железное сердце нашли,
Партизанское, гневное сердце нашли,
И теперь это сердце, познавшее бой,
Навсегда неразлучно со мной.

8 августа

На катере у начальника Енисейского пароходства товарища Назарова проживает медвежонок. Любимец команды, он с любопытством обнюхивает всякого нового человека, лезет бороться, возбуждая ревность матросов. И они спешат уберечь гостей от «хищника». Члены команды стараются увести медвежонка к себе в каюту, однако косолапый, как всякий ребенок, тянется к новым людям и ни за что не хочет с ними расставаться.

Едешь из Красноярска вверх по Енисею к таежному поселку Шумиха, жадно рассматриваешь эти высоченные берега и невольно сожалеешь, что они так быстро проносятся мимо. Глядя на одну сторону, ты в эту минуту что-то недосмотрел на другой...

Все время восхищаться невозможно, но если вы впервые встретились с Енисеем, вам непонятно, как это местные жители могут равнодушно идти над такой рекой, плыть или смотреть на нее и ничем не проявлять своего восторга! Мне кажется, что человек должен считать себя счастливым уже потому, что он каждый день может любоваться такой рекой.

Мне понравился Енисей своим самобытным пейзажем. У всех рек правый берег высокий, а левый отлогий, пойменный. Но на Енисее вы не увидите привычного для глаза раздольного левобережья. Хочется сказать: на Енисее оба берега — правые...

Нарушитель географических законов, богатырь Енисей с двух сторон окаймлен отрывистыми куполообразными берегами. Эти берега как бы соперничают друг с другом своей могучей высотой. Иногда кажется, что по обе стороны реки уснули какие-то фантастические богатыри, положив свои головы в шеломах на прибрежные склоны.

Не трудно себе представить ширину Енисея, если напомнить, что самое узкое место, где будет строиться Красноярская ГЭС, равно восьмистам метрам.

На Енисее Чехов вспомнил Волгу, как нарядную, скромную, грустную красавицу, которая проигрывала

в сравнении с могучим, неистовым богатырем Енисеем. Эта река, по словам Чехова, не знала, куда девать своей силы и молодости.

«Я не видел реки великолепнее Енисея...»

Сила и молодость! Веками огромная энергия енисейского потока совершенно не использовалась. Но вот пришли геологи и строители, чтобы сила и молодость Енисея стала электроэнергией. Смотришь на запроектированный створ будущей плотины, на сдвинутые навстречу друг другу высоченные берега, и невольно соглашаешься, что именно здесь, среди могучей природы одной из величайших рек мира, и должна строиться самая крупная на земле гидроэлектростанция, мощностью в три миллиона двести тысяч киловатт.

В нашей стране каждый знает о строительстве Красноярской ГЭС. Но когда приезжаешь к строителям, кажется — только они не знают великих цифр и грандиозных масштабов. Конечно, это только кажется. Но если в Шумихе спрашиваешь: «Сколько всего бетона будет уложено в тело плотины?» — строитель смотрит на вас с удивлением. При чем тут этот абстрактный вопрос? С бетоном они будут иметь дело еще не скоро.

О том, что плотина будет самой высокой в мире, о новом водохранилище длиной в четыреста километров, о подготовительных работах по сооружению мостов, туннелей, виадуков и железных дорог, о строительстве механического и трактороремонтного заводов, деревообделочного комбината и бетонных заводов; о том, что наступит день, когда в тело плотины ежедневно будут укладывать по двадцать тысяч кубометров бетона, наконец, об уникальном судоподъемнике, который на тросах, как в люльке, с помощью мощных лебедок будет переносить корабли с верхнего бьефа на нижний и с нижнего на верхний; о том, что через четыре года Енисей будет уже перекрыт, и вслед за Красноярской ГЭС развернется строительство еще более мощной гидроэлектростанции (куда уж больше!) — Енисейской ГЭС, мощностью в пять миллио-

нов киловатт, — обо всем этом рассказывают в Управлении строительства, в крайцентре.

Ничего подобного в Шумихе вы не услышите.

Рядовой строитель не говорит:

— Мы строим четыре гаража, и в них разместятся восемьсот большегрузных автомашин.

Он говорит:

— Нет запчастей, и это задерживает работу.

Строитель говорит:

— У нас на Бугаче и в Лелетино уже около тысячи человек, но крайздравотдел до сих пор не направила туда ни одного медработника.

Рядовой строитель не знаком с управляющим трестом «Красдрев» товарищем Пулявским. Но кто же не знает, что на просьбу министра лесной промышленности помочь красноярским гидростроителям Пулявский ответил: «Это не приказ, а просьба, поэтому захочу — помогу, не захочу — не помогу!»

— Ему бы надо называться не товарищ Пулявский, — говорят в Шумихе, — а товарищ Тудасюда.

Строитель Красноярской ГЭС знает: давно уже надо приступить к сооружению двух многоквартирных домов на проспекте Сталина. Но что-то слишком долго не поступают проекты, заказанные Новосибирскому проектному институту и Красноярскому филиалу этого института. Рядовой строитель этих подробностей не знает, и он не говорит:

— Они не виноваты, у них узкое место...

А он говорит так:

— Выдумали выраженьице. Вместо «Мы плохо работаем», они сообщают: «Это у нас узкое место». Утешительное оправдание. «Мы» уже почти не виноваты. Место попало узкое — и все!..

В Шумихе не говорят:

— Мы приехали сюда, чтобы героически преодолеть любые трудности.

В Шумихе говорят:

— Духом народ не опадает!

9 августа

Молодой дизелист с катера «Енисей» сказал:

— Если вы хотите понять, что такое Сибирь сегодня, прочтите вот это...

На плакате в Лелетино написано:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

В мае этого года тысячи молодых москвичей писали заявления в райкомы комсомола. Вот некоторые документы.

«Прослушав Обращение партии и правительства, я решила ехать в восточные районы страны, чтобы отдать, свои силы и знания там, где это необходимо родине».

Галина Тюрина,

техник материально-технического
снабжения

«Я не комсомолка, но хочу трудиться на стройках шестой пятилетки. Горячо одобряю призыв партии».

Анна Чеченева,

работница СУ-12 треста
«Мосподземстрой»

«Прошу послать меня на стройку Красноярской ГЭС. Обязуюсь оправдать оказанное доверие».

Николай Макаров,

студент-дипломник Московского института
инженеров водного хозяйства им. В. Р. Вильямса

Тысячи, тысячи заявлений.

Молодые москвичи торопились в Сибирь на крыльях комсомольских путевок. Перед отъездом из столицы многие из них побывали в Кремле. Вот что рассказывает бригадир-инструктор Дмитрий Оськин:

— Сюда я приехал вместе со своей женой. Нам Дали комнату. Жена моя тоже работает — она в бригаде штукатуров Виктора Роцагина. Из молодежи, прибывшей с первым эшелонам, созданы две комсомольские бригады.

Сейчас мы ничуть не жалеем о том, что приехали

сюда. Нас с большой теплотой и любовью встретили в Красноярске, и за это мы очень благодарны. Лично я без малого десять лет участвовал в строительстве Москвы, возводил дома в ее окрестностях. Теперь я с еще большим желанием буду работать в Сибири. Мне на всю жизнь запомнились слова Хрущева, сказанные им перед нашим отъездом на совещании в Большом Кремлевском дворце. Он сказал, что мы своими руками должны ковать свое счастье...

У молодых гидростроителей свои боли и беды.

В стенгазете большими буквами написаны слова Н. С. Хрущева как лозунг:

«Товарищи комсомольцы! У вас задор большой, обнажите-ка ваши мечи в борьбе с бюрократизмом так, как вы приложили свою энергию в подъеме целины».

Тут же, в Лелетине, мне довелось услышать такие разговоры:

Диспетчер:

— Сводка есть?

— Нет.

— Почему не требуете? Такой бюрократизм полезен.

В общежитии:

— Понимаешь, приезжает один молодой инженер из Управления и начинает: «Зазнались! Мышей ловить не стали!» Я ему говорю: «Вы бы к нам лицом повернулись, ну хотя бы в профиль». А он: «Я в ваши годы не такие трудности переносил». Воображает, что он пуп земли. Молокосос!

— Какой там пуп. Он подпупок.

Смех.

— Таких критиковать надо, на капусту рубленую!

— Погоди, ты что горячишься, ты не путай критику с криком...

10 августа

Заповедник «Столбы» находится на правом берегу Енисея недалеко от Красноярска. Это удивительное место! Представьте себе: нагромождены высоченные,

причудливые скалы, и одни из них напоминают, например, лицо человека, другие — длинные перья фантастической птицы или большую лягушку...

Обычно в выходной день молодежь стайками направляется к «Столбам». Это «столбисты». Они будут подниматься на самые неприступные вершины. По традиции «столбисты» украшают свои шапочки-фески различными значками, носят жилетки и непременно красные длинные кушаки, которые служат им, как веревка альпинисту.

Смотреть на «Столбы» можно бесплатно, но для того чтобы к ним подъехать, нужно заплатить два рубля: взыскивают еще в Красноярске при переезде через неуклюжий pontонный мост.

Наша «М-72» попыталась вскарабкаться к подножиям «Столбов», но, повстречав на пути опрокинутый и разбитый «газик», благоразумно вернулась назад. При этом мы напоролась на острое деревце, которое, как шило, прокололо левое крыло. Редкая авария...

Внизу дежурила медицинская автомашина с красным крестом на стекле кабины. Мы оставили здесь свою «М-72» и решили добираться пешком.

— Что, разве бывает? — кивнул Ломакин на «Столбы» и на медицинскую автомашину.

— Бывает, — утешила нас медсестра, и мы пошли.

Пришлось тащить киноаппарат и штатив, подсветы и ящик с бобышками на собственных спинах. Тихомиров непременно хотел втащить киноаппаратуру на самый высокий «столб». Ему нужна была панорама. Без панорамы он жить не мог.

Нам взялись помочь «столбисты». Они развернули свои красные кушаки и тащили нас на «Второй столб» с усердием и любопытством. У них были разноцветные заплатки ниже спины и разорванные локти. Это потому, что они здорово умеют карабкаться на скалы «Перья» и спускаться оттуда по способу «шкуродер». Захватывающее зрелище: люди летят в пропасть, притормаживая свой полет локтями, коленками и теми местами, на которых у них нашиты разноцветные заплатки.

Хорошие ребята, спасибо им. Тихомиров сказал одному:

— Любишь сниматься, люби и саночки возить.

И ребята тащили аппаратуру, а Тихомиров их не-утомимо снимал. Под предводительством живописных «столбистов» мы с Тихомировым долго и опасно ла-зали по скалам. Я думаю, в этот день медицинская автомашина потому и осталась безработной, что мы вовремя опустились вниз...

Трудно поверить, что каменный «Дед» — это про-сто многовековая работа ветра.

Я смотрю на «Деда», на его благородный лоб, на могучую бороду и задумчивые брови, и мне не хочется верить, что это только чудо природы. В моем вообра-жении возникает... современный памятник неизвест-ному гвардейцу Революции, который в этих местах, рискуя жизнью, написал на одной скале слово «Сво-бода».

И кажется мне — сотни мастеров высекали из ска-лы скульптурный портрет отважного революционера.

И это не важно, что каменный «Дед» стоит уже много веков. Для меня слово «Свобода», написанное неизвестным смельчаком на откосах «Второго стол-ба», и этот бородатый человек — драгоценная ассо-циация, помогающая запомнить и оберечь в своем сердце высокий подвиг человека Революции.

12 августа

От оранжевой саранки Тюменской области до светло-лиловой саранки Красноярского края мы про-ехали по Сибири около шести тысяч километров.

Если внимательно посмотреть на административ-ную карту нашей страны, в центре ее можно обнару-жить очертания огромной территории, похожей по форме на кувшин, в котором, по-моему, распускается богатейший букет цветов, освеженный сверху ледя-ными брызгами Ледовитого океана.

Это и есть Красноярский край.

Чтобы описать драгоценный кувшин Красноярске-

го края и распутившийся в нем яркий сибирский букет, надо называть семизначные и восьмизначные цифры.

На юге кувшин стоит на массивном постаменте Абаканского железнорудного месторождения. Здесь он украшен не только рудниками и обогащательными фабриками, но и золотистыми лентами целинной пшеницы, яблоневыми садами и арбузными бахчами. Только за два года в крае освоили около миллиона гектаров новых земель. К концу пятилетки красноярцы поставили себе задачу довести посевные площади в крае до четырех миллионов гектаров.

Вот вам первые миллионы!

Во многих местах красноярский кувшин инкрустирован горняцкими селениями — Бородино, Назаровна, Черногоorsk, Ирша, Камала... Здесь самый дешевый в стране уголь. Он лежит почти на поверхности. Его добывают открытым способом. Через два-три года Назаровский разрез каждый час (будет отгружать один эшелон угля.

Если вспомнить, что двадцать пять процентов всех запасов угля страны сосредоточены в Красноярском крае, то вряд ли я ошибусь, если скажу, что в значительной степени этот волшебный кувшин можно назвать угольным. Да, он во многом сделан из угля, потому что сейчас обнаружены новые гигантские угольные массивы, — помимо Минусинского и Канско-Ачинского, заговорили о Чулымо-Енисейском и Тунгусском.

Теперь посмотрим на Приангарье.

Здесь кувшин отделан никелем и свинцом, золотом и магнезитом, медью и нефелином и многими Другими металлами, запасы которых исчисляются миллиардами тонн!

Нефелин! Это значит — построят на Енисее заводы «крылатого металла» — алюминия.

Руды здесь удивительно богатые. Большинство содержат свыше пятидесяти процентов железа — они пригодны для доменной плавки без обогащения на фабриках. Глядя на Приангарье, вы опять-таки видите неисчерпаемые запасы угля.

Красноярский кувшин перетянут таежным Енисейским кряжем.

А как он выглядит в районе таинственной Тунгусской впадины? Здесь он опоясан большими полями, покрытыми так называемыми сибирскими траппами — излившейся расплавленной магмой. Магма вынесла на поверхность многочисленные металлы. Еще сто лет назад эти места давали девяносто процентов золота, добывавшегося в России. Сибирский гранит здесь соседствует с безбрежными угольными массивами, и некоторые из них во время излияния траппов метаморфизованы и превращены в графиты.

В Эвенкийском округе драгоценный кувшин Красноярского края украшен шкурами серебристо-черных лисиц, голубых песцов, соболя, белки, горностая и пушниной клеточного звероводства. Стоимость этого богатства исчисляется десятками миллионов рублей.

Гордыми оленьими рогами, словно галочкой, отмечен эвенкийский окружной центр Тура — символ растущего оленепоголовья.

На своей вершине, за Полярным кругом, чудесный кувшин разукрашен многоцветной игрой северного сияния, под которым индустриальными жемчужинами светятся город Игарка, город Дудинка, город Норильск.

На крайнем севере изогнулось тюльпаном Таймырское, побережье, очерченное с востока Хатангским заливом, а на западе Енисейским. Здесь ледяной припай придает красноярскому кувшину хрустальную прозрачность, а названия островов, бухт и лагун манят своей таинственной поэтичностью. На зимовках живут отважные, закаленные, красивые люди. В прошлом году, 24 июля, я видел моряков и полярников, которые купались в бухте у острова Диксон. Вдали белела кромка ледяного берега-припая, который даже летом не тает. А они купались...

В кувшине Красноярского края стоит огромный букет.

Возьми его в свои руки, он твой, товарищ новосел!

Этот букет внизу перетянут стальными нитками

красноярской железнодорожной магистрали, по которой в прошлом году было перевезено столько грузов, сколько за такой же срок перевезли дороги Бельгии, Турции и Италии, вместе взятые.

В этом букете много зелени.

Енисейские, ангарские и хакасские леса раскинулись на площади в сто сорок восемь миллионов гектаров. Ежегодно можно заготавливать столько леса, что если бы мы погрузили его в вагоны, — как подсчитали ученые, железнодорожный эшелон обмотал бы земной шар восемьсот раз. Словом, зелени в букетике более чем достаточно.

Красноярский букет пахнет горными цветами Хакасии, тайгой и тундрой. Он питается железной рудой Абакана, «хлебом» промышленности — углем Черногорска, целинной пшеницей Минусинска. Он такой огромный, этот букет, что кажется; не обхватишь его. Но если тысячи молодых рук дружно возьмутся, — сообща подымут его и сделают еще более цветущим.

Эти руки уже сегодня помогают распуститься шоссейным, высоковольтным и железнодорожным веткам, которые возникли на голубом стебле Енисея.

Вот одна веточка длиной в двести пятьдесят восемь километров от города Ачинска до Абалаково. Эта железнодорожная магистраль сейчас строится. Она пробьет себе путь в глухой Причулымской тайге, и на берегах Енисея возникнут бутоны пяти лесокombинатов. К концу пятилетки каждый из них распустится и будет примерно в два раза больше крупнейшего в крае лесокombината в Игарке.

Другая веточка от Абакана распускается по направлению к Сталинску — в Кемеровскую область. Среди горных хребтов и непроходимой тайги выращивается новый отрезок Южно-Сибирской магистрали, чтобы в короткие сроки металлурги Кузбасса могли получить абаканскую руду.

Распускаются ветки и веточки.

У горняков: Аскиз — Абаза.

С каждым днем букет Красноярского края стано-

вится ярче и мощнее. Много распутившихся цветов,
но еще больше бутонов.

Эти бутоны — возникающие стройки:

в Маклакове закладывается крупный порт;

под Красноярском — крупнейший в стране алюминевый комбинат;

в Назарове — тепловая электростанция (сеть мощных ТЭЦ возникает на базе Канского, Ачинского и Минусинского угольных бассейнов);

в Красноярске — крупнейший в стране целлюлозно-бумажный комбинат;

в Хакасии — новые леспромхозы;

в Минусинске — консервный завод;

в Канске — корпуса текстильных предприятий; в Шумихе — мощнейшая гидроэлектростанция...

Позови друзей!

Красноярский букет стоит в своем кувшине на столе страны, и могучий голубой стебель Енисея обростает новыми побегами созидания, потому что весь этот край — огромная строительная площадка.

Тот, кто увидит и zalюбуется, сам захочет сюда приехать, захочет добывать и выращивать, как это сделали восемьсот москвичей-добровольцев, которые по комсомольским путевкам приехали в Норильск два месяца назад.

Молодым трактористам и медсестрам, слесарям и строителям — новоселам Заполярья — посвящается это стихотворение:

Вы только послушайте:

Есть предложение

У мыса Начального тронуться в путь,

Стараясь не встретиться с бухтой Сомнения,

Где каждый бывает не прав в чем-нибудь.

Там, в бухте Накатной, у мыса Скалистого

Не нас ли с тобой ожидает Изба,

И волны о скалы стучатся неистово,

И мыс Поворотный звучит, как судьба.

Тебя я замечу у берега дальнего,
У берега с хищным названием Пасть,
И вскину винтовку, чтоб с мыса Сигнального
Во все, что тебе угрожает, попасть.

По, может быть, будешь с усмешкой игривою
Скрываться за бухтою Ложных Огней.
И с острова Слезка, над речкой Ленивою
Порхать, угрожая работе моей?

Неправда! Такое у нас не появится!
Смотри, полуостров Полярник привстал.
Как ласково обнял он бухту Полярницу
Руками своих удивительных скал!

Мы можем оправдывать эти названия
И в бухте Открытой сердца открывать,
Однажды расстаться на мысе Прощания,
В лагуне Птенцовой слететься опять.

Как видишь, места специально подобраны
Для встреч и разлук, для страстей и любви,
И я потому обращаюсь по-доброму:
Сама приезжай и друзей позови!

15 августа

За Уяром, когда переехали речку Рыбную, дорогу перебежал суслик. И мне показалось вдруг, что нахожусь я вовсе не в Красноярском крае, а в степи под Сталинградом. Почудилось, что снова, как в пятьдесят втором году, еду я степной дорогой от Ильевки на Калач, а слева, совсем рядом, течет Дон и перебежал Дорогу вспугнутый экскаватором калачевский суслик. Но вдали стеной стояла тайга, сизая издали, и та-

кая могучая и огромная, что куда уж было тягаться с ней цепким тощим яблоням-дичкам, дубкам и туютовнику Грушевой балки, пересекающей крутой правый берег Дона напротив Калача!

И все-таки этот суслик, пугливо перебежавший дорогу, заставил нас остановиться, выйти из машины и прислушаться.

Было так радостно!.. В этой глуши мы вдруг услышали: рокошет мотор, видимо, леспромхозовского трактора-трелевщика, а может быть, это «дизель» буровиков-разведчиков... Ведь мы приближались к Канску, а это тоже угольный бассейн и тоже трижды перспективный...

В Красноярском крае много лугов, покосы там — по берегам рек, трава — по плечо. На островах ребятишки ходят и роют саранки. В зарослях травы далеко виден пестрый, неяркий цветок, о котором столько написано сибирскими и дальневосточными поэтами. Саранка — растение семейства лилейных. Она цветет красивыми кистями. Сиренево-кофейные лепестки, испещренные темно-фиолетовыми черточками. Пестик и тычинки длинные, и понюхаешь — испачкаешь нос фиолетовой пылью, а цветок не пахнет. Но ребятишек привлекают, конечно, не цветы. Они выкапывают луковицы саранок. Сочные дольки цвета слоновой кости разнимаются почти как у чеснока. Но эта луковица полна сладкого, приторного сока! До того сладко, что даже противно.

— А мы их с кислицей пополам и едим! — поясняет мальчишка.

Кислица — красная смородина.

А это что за ягода? И ягоды и зелень похожи на бруснику, только кустики ползут-стелются по земле. Оказывается — толокнянка. Ягоды красные, безвкусные, — как влажная мука. Толокнянка хорошо зимует под снегом.

В кустах растут цветы, похожие на пионы; их зелень очень неприятно пахнет, поэтому и цветы эти рвать не хочется; цветет багульник.

Едем дальше. Севернее остается райцентр Заозерный. Подходящее название. В тайге у самой дороги

болота. Красноярские болота — это красота! Кочки торчат, как бархатные подушки ярко-желтого и оранжевого цветов. Это мох. На подушках рассыпаны кровавые крупные ягоды. Не верится, что это клюква. Похожа на вишню — так темны клюквинки; только вишня чуть крупнее. Такой крупной, переспелой и от этого темно-красной клюквы я не видел нигде. У нас в среднерусских лесах разве такая? Там собирают зеленую, крепкую, как дробь, и она потом дозревает на подоконниках и в чуланах.

А в Сибири летом собирают клюкву, уродившуюся прошлой осенью. Она остается зимовать под снегом. Весной снег сходит и болота горят темным клюквенным пламенем. Ее и зовут здесь — подснежная клюква.

Брусника тоже хорошо зимует под снегом. Иногда в тайге можно увидеть рядом две веточки брусничника (того самого, который весной продают на московских рынках, как первую «живую» зелень, когда нет еще ни мимозы, ни вербы). На одной веточке висит кисть зеленых ягод с чуть белеющими бочками — брусника поспевает поздно. А соседний кустик украшен такой же кистью ягод, но они спелы до того, что их тронуть боишься — или ягоды в мох посыплются, или сок брызнет...

Позавчера мы с Ломакиным бродили в тайге и нашли норку бурундука. Лежала березка средней толщины, середина выгнила, а береста осталась, — в ней и жил бурундук. Я сунул туда руку — и вытащил ее всю в «крови». Ломакин испугался: «Порезался?!» Но боли не было. Рука погрузилась в брусничные запасы: бурундук их на зиму готовил. Вот так и эта брусника пролежала у него до лета. Очень спелая и очень вкусная.

Здесь жуют серу. Говорят так: «Айда серу колюпать». «Сера» — это смола. На елке и пихте она горькая и к зубам пристаёт, а лиственничная — без горечи и упругая, зубы от нее становятся белыми и чистыми.

Комочки серы-смолы на стволах лиственниц покрыты сверху каким-то сизым налетом. А «отколупнешь»

такой комочек, он внутри влажный и блестящий, словно отполированный.

Обычно серу топят: берут глиняные миски, настилают на них решетку из тонких лучинок и слой кудели, сверху кладут комья серы и ставят в течь. Сера топится, капает в миску через кудельно и решетку, а остатки коры, мха и соринки, застывшие в сере, остаются на фильтре. Чистую серу можно жевать.

Я видел, на базарах продавали топленую серу: лепили из нее всякие фигурки, ириски, завитушки. Но мы жевали нетопленую. Отколушем от ствола, сунем в рот — как камушек она хрупнет, а потом мягкая делается, послушная. Жевать серу мы научились у ребятишек. Да еще и прищелкивали при этом.

За Иланским много рек и речушек. Озерно-болотистый край. Скоро мы будем в Иркутской области.

По берегам реки Поймы густые кустарники, выросли смородины. Ягоды висят словно бусины. Красную смородину, кислицу, ребятишки «лопают» даже незрелой, зеленой — и не морщатся.

А уж если черная смородина растет, так такой запах стоит в тайге, что просто невозможно — ведь лист у черной смородины пахучий. И вообще, сибиряки не говорят «красная смородина» и «черная смородина». Они говорят «кислица» (когда речь идет о красной) и «смородина» (когда о черной).

Часто в тайге встречаются маленькие озера. Небольшие круглые или овальные водоемы. И порой встретив такое озерцо, не скажешь, что ты стоишь в тайге: кажется, что это «заросший пруд» чуть ли не левитановской кисти. Поверхность пруда сплошь заросла мелкой ряской и какими-то узколиственными растениями, похожими на аир. Берега скрыты кустами черемухи. И когда она цветет, кажется, что это не кусты, а просто белые облака подошли к зеленой воде и купаются в ней. А за черемухой стеной стоят тальники, увитые кудрями хмеля. Хмель тоже цветет — и очень красиво: белыми, длинными, очень нежными сережками. Но до чего тяжело пахнут эти нежные сережки! Только тут начинаешь чувствовать, что такое «голова во хмелю».

18 августа

Шумит монотонный летний дождь. Мы едем по размытой дороге. Уже поздно. Дождь помогает дремать...

Неожиданно наша автомашина резко накренилась набок: казалось, левые колеса провалились в какую-то яму. Мучительно содрогаясь, как бы напрягая последние силы, машина несколько раз рванулась, но напрасно.

— Дорога, — сказал Ломакин, который до этого спал на заднем сиденье и вскоре должен был подменить Тихомирова. Это означало, что нам дорого обойдется этот участок пути. Вообще, слова «дорога» у Ломакина не существовало. Он говорил или «дорога» (о плохой дороге), или «дорога» (дорогая, хорошая), когда все было благополучно.

Полночи мы потратили на то, чтобы освободиться из этого плена. Ничего не получалось. Решили, что утро вечера мудренее и легли спать. Вернее, не легли, а уселись...

«Заседали» мы и раньше. Но на этот раз было особенно обидно: утром мы собирались отметить день рождения Тихомирова.

...Не всегда утро мудренее вечера. Тихомиров еще спал, когда мы с Ломакиным вышли из машины, озабоченные двумя насущными задачами: надо было как-то выбираться из проклятой ямы и что-то подарить имениннику. Ломакин сказал:

— Какие же мы друзья, если не преподнесем ему цветы!

Мы нарвали двадцать четыре цветка (сколько лет — столько цветков) и поставили их в красную вазочку, укрепленную внутри машины. Мы разожгли охотничий примус, стали кипятить чай. Решили откупорить бутылку шампанского, которую везли из Москвы с тем, чтобы распить ее во Владивостоке. Я сочинял уже именинные стихи, когда Тихомиров, проснувшись, оглядел праздничный стол и, не обратив внимания на двадцатичетырехцветковый букет, грустно сказал:

— А я привык так: какой день рождения, такой и весь год.

Мы позавтракали и начали откапываться. Спилили две сосны, сделали ваги. Часа два подтаскивали камни и подкладывали их в колею. Все было напрасно. Даже самовытягивающая лебедка инженера Синельникова, это автотуристическое чудо, отказалась нам помотать. Применяли мы и «лебедку системы Ломакина» — вагу. Тоже безрезультатно.

— Пожалуй, передохнем, — предложил Ломакин.

— Если нужен буду, позовите выстрелом, — сообщил Тихомиров. Он перекинул через плечо пятазарядный ТОЗ — «мелкашку», захватил свой киноаппарат и пошел в лес — снимать красивые виды...

— Нехорошо, понимаешь, — сказал Ломакин, когда мы остались одни. — Надо ему сделать настоящий подарок...

— Так мы же ему подарили букет, шампанское было...

— Давайте так, — предложил Ломакин, — вы прославляйте его стихами, а я посмотрю, нельзя ли сварить, например, варенье из лепестков местных цветов...

При этом он достал книгу «По следам Робинзона» и открыл ее на том месте, где рассказывалось, как дары цветочного мира можно превратить во что-то вкусно-сладкое.

— «Варенье из лепестков роз», — прочитал Ломакин и вздохнул. — Да, хорошо было Робинсонам, которым попадались розы, а что у нас?..

У нас неподалеку от машины росло множество маленьких золотых цветов. В Красноярском крае эти цветы имели поэтическое название: жарки. Московские дачницы такие же нежно-желтые бубенчики называют анемонами. Жители среднерусских деревень зовут их купавками. Около Омска (там они уже темно-желтые) их называют огоньками, а здесь они золотистые, яркие, сочные...

— Жарки, жарки, — повторял Ломакин. — Просто чудесно, однако варенье из них не состряпашь. Что-то в Сибири цветы не пахнут...

Хотел Ломакин еще сделать из лепестков духи в

подарок Тихомирову, но вскоре махнул рукой и отправился в лес за грибами. Я обрадовался, что остался один, и принялся за именинное послание, удобно расположившись на сиденье наклоненной машины, воображая, что это шезлонг...

Прошло не более получаса, как издали я услышал радостные возгласы Ломакина. Он бежал к машине:

— К черту варенье из ягод! Я нашел настоящий подарок. Понимаете, мы ночью сбились, в двухстах метрах отсюда прекрасная дорога! Мы преподнесем имениннику дорогу!

Я взял ружье, чтобы позвать Тихомирова.

— Зачем? Сами вытащим, — остановил Ломакин.

— Втроем-то скорее.

— Ерунда, вы способны сейчас работать за двоих? Я — готов! Таким образом, нас четверо. А кроме того...

При этом Ломакин сообщил, что на том конце поля он заметил подводу. Надо уговорить возчика подъехать к нам.

— Вытащим лошадю! — сказал Ломакин.

— Вы что, серьезно?

— Вполне! У нас после Боготола есть опыт...

— Но ведь это же позор для солидных автотуристов.

— Ерунда, никто не узнает, — доказывал Ломакин. — Словом, скорее бегите и без кобылы не возвращайтесь.

— Но почему же я? Вы и бегите.

— У вас это лучше получается, вы ведь знаете, что я уговаривать не умею, — уговаривал меня Ломакин и добился своего: я побежал. Это был бег на дистанцию в двести метров с препятствиями. Канавы, поваленные деревья и горбатые кочки — все это лежало на пути специально для того, чтобы испытать мои спринтерские данные.

Мне удалось убедить возчика, и он пригнал подводу к нашей «М-72». Лошадь Чалка оказалась капризной. Здесь не говорят «капризничать», говорят «уросить».

— У, урос! — орал на лошадь наш спаситель.

Через час одна живая лошадиная сила вытянула пятьдесят лошадиных сил, задремавших в моторе автомашины.

— Кобыла — она нигде не забуксует, — сказал на прощание возчик, и мы с ним согласились.

— Теперь зовите, — скомандовал Ломакин, вырывая на хорошую дорогу. Я взял карабин и выстрелил.

Тихомиров вышел из лесу и, когда через некоторое время увидел машину на хорошей дороге, воскликнул:

— Вот это подарок!

— Дорога! — сказал Ломакин, и мы поехали.

Тихомиров любовался подаренной ему дорогой и угощал нас ягодами, собранными в лесу.

19 августа

Здесь, в Красноярском крае, я вспомнил о замечательном плане инженера Давыдова. По его замыслу, огромные запасы воды, бегущей в океан, как бы поворачиваются вспять и отсылаются в безводные края целины. Отсылаются туда, где много солнца, но земля изнемогает от жажды.

В прошлом году я был на Крайнем Севере и с Таймырского берега смотрел на Енисей. Я видел, как он встречается с океаном. Впечатления прошлого года, план инженера Давыдова и нынешняя встреча с Енисеем — все это волнует, вызывает желание помечтать о завтрашнем дне, о делах фантастических и дерзких. И еще — вчера приснился мне сон...

В полярный день на мысе безымянном,
Где волны бьют наотмашь в перевал,
С Великим Ледовитым океаном
Я встретился и так ему сказал.

Сказал ему, бездельнику и моту:
— Ты что бредешь, шатаясь, точно пьян?
Пойдем со мной, я дам тебе работу,
Товарищ Ледовитый океан!

Пойдем со мною по сибирским рекам,
И туг, подальше от полярных льдин,
Ты обживешься, станешь Человеком,
Ответственным работником турбин.

Тебя, пожалуй, не окинешь оком,
Но, принимая каждую волну,
Заставим быть высоковольтным током
И с честью отошлем на целину.

Я вижу, ты взволнован этим планом,
Так подходи же, начинай, спеши...
Великим Плодовитым океаном
Позволь повеличать от всей души.

Позволь в короткий срок, единым разом
Тебя заполучить для наших рек,
А не позволишь — можно и приказом!
Откажешься — заставит Человек!

Я сам тебе стипендию назначу,
Готов учить на собственный карман...
Не упирайся, выполняй задачу,
Товарищ Ледовитый океан.

20 августа

Как это ни странно, но настоящая дремучая тайга прячет от нас свои дебри и только изредка выбегает к дороге.

Все время лиственные и хвойные шеренги, а где же знаменитые кедровые древостой? Нам все хотелось отправиться в тайгу «шишковать», но для этого нужно было углубиться от дороги слишком далеко...

Один из местных жителей говорил мне, что сосна и береза любят человека. Где человек, там и они.

Может быть, это потому, что прошли здесь «палы», уничтожили в давние времена нетронутые кедровые леса и они не захотели больше приближаться к человеку. А хвойно-березовый лес любит дороги, любит бревенчатые избушки, которые в Сибири иногда называют «стеганками».

В такой избушке, около деревни Ключи, мы сегодня заночевали, наслушались всяких разговоров и кое-что узнали о жизни коренных тасжников.

Дворы в селах здесь зовут оградами.

— Пойду в ограду белье вешать...

— Ребятишки в ограде играют...

Ограды — большие, вместительные. Однако здесь не увидишь ни травы, ни земли: дворик, как пол, застелен бревенчатыми плахами. И чисто, как на полу. Есть, конечно, и земляные полы. И иногда двор под крышей: лесу много, вот и городили.

Под в печи здесь метут пихтой. Пихта пышнее ели, пахнет гуще и острее. Ветки пихты плотно связывают — получается такая толстая коротышка-метелка, которую называют помелом. Привязывают помело на длинную палку, но и на палке оно больше похоже на крупную малярную щетку, чем на метлу.

Есть такая частушка:

Милашка моя
Черны брови навела,
Ни чернилом, ни пером —
Из лоханки помелом!

У местных жителей в прошлом была такая обувь — кожаные ичиги и чарки. Ичиги, мягкие сапожки до колен, завязывались на щиколотке. Чарки — низкие, до щиколоток только, и тоже с завязками. Вот откуда пошло бытующее до сих пор выражение «чарошное радио» — так называют сплетниц. Теперь редко встретишь такую обувь, зато «в медвежьем углу» можно увидеть у девочек чешские и китайские босоножки.

Особенно темная изба. Черные бревна. И вдруг неожиданно светло-голубые новенькие наличники. Словно брюнетка с голубыми глазами. Записываю услышанную песню:

На полатах волки воют,
На печи собаки лают,
На шестке квашня плывет,
Под шестком петух поет...

В зимние морозы кур приносят в дом, они живут под печкой. И по утрам на весь дом «петух поет».

Я сказал, что в комнате очень жарко.

— Наша горница — не опорница: на улице тепло и в ней потеплело.

В окнах нет двойных рам. Вторая, зимняя рама спрятана. Зато в одну раму вставлены сразу два стекла.

Вечером:

— Закидайтесь... (То есть закройте дверь на крючок).

Утром, прощаясь:

— Мы к вам приедем в Москву отгачивать.

21 августа

Пусть они законно славятся —
Созвездия сибирских ГЭС,
Но есть в тайге своя красавица,
Свой черемшанский интерес.

Электростанция колхозная,
Всего на тридцать киловатт,
Постройка умная, серьезная,
Необходима, говорят.

Она в селе возникла, радуя
Сельскохозяйственных людей.
И ни в газете, ни по радио
Вы не услышите о ней.

Здесь бабушка, собравшись по воду,
Сказала, мимо проходя:
— Запугали все небо проводом,
Вот потому и нет дождя.

Но он ударил в лес и по лугу,
И дождь устал от беготни,
Сияли под вечерним пологом
Прямоугольные огни.

Мы попрощались с Черемшанкою,
И, вся в огнях, она вдали
Светилась орденою планкою
И украшала грудь земли.

Черемшанку вы найдете далеко не на каждой карте. Даже на нашей — подробней ее нет. Но если когда-нибудь вы будете проезжать Московским трактом и судьба приведет вас в Черемшанку, не торопитесь покинуть это первое иркутское село, познакомьтесь с председателем колхоза имени Чкалова Михаилом Максимовичем Шутовым, который первым делом поведет вас к зданию колхозной электростанции.

Шутов вам сообщит, что электростанция стоит 24 тысячи рублей и приобретена на сверхплановую сдачу молока и мяса. Уже по этим данным вы можете судить, что колхозное животноводство здесь не отстает от общих достижений по области, где надой на одну корову увеличился по сравнению с прошлыми годами на 506 килограммов! Что касается полеводства, то с расширением посевных площадей доходы артели тоже значительно повысились.

Вот и обзавелся колхоз имени Чкалова своей электростанцией. И бабушка, о которой упоминается в стихах, лицо не вымышленное. Шутов вам подтвердит, что в данном случае речь идет о его собственной матери Анастасии Радионовне, которая, бывает, ворчит, но с удовольствием щелкает выключателем.

Когда мы приехали в Черемшанку, там затевали новое дело: копали канавы под водопровод.

Черемша... О ней, наверно, все слышали. Едут в Крым — говорят о фруктах. Едут в тайгу — толкуют о черемше. Конечно, и нам хотелось посмотреть — что это такое? И вот, наконец, и до нее доехали. Где же еще расти черемше, как не на своем собственном месте?

Черемша — это что-то вроде лесного, вернее таежного, лука. Листья как у ландыша, а запах чеснока. Шутов говорит:

— Противощинготное. Богата витаминами.

Весь сегодняшний день я бродил по окрестностям

Черемшанки, где-то между рекой Поперечной и станцией Урало-Ключи, и когда земля угощала меня черемшой, писал стихи о колхозной электростанции. А вот сейчас, поздним вечером, сижу в бревенчатой избе, и настольная лампа освещает эту страницу.

Скоро мы поужинаем и поедем дальше.

Мы прощаемся с электростанцией мощностью в тридцать киловатт, чтобы через несколько дней встретиться с Иркутской ГЭС, которая уже в конце года даст шестьсот шестьдесят тысяч киловатт.

И кажется, здесь, в Черемшанке, в первом селе Иркутской области, родился энергетический ручеек, сверлящийся по просторам сибирской земли. Этот ручеек, наверно, впадает в более широкую и яркую энергореку, которая вливается под Иркутском в мощное энергетическое море.

Воображаемые энергореки, рожденные от маленьких, средних и больших гидроэлектростанций, то и дело разливаются, как в половодье. И тогда тайга мерцает нижеудинскими, тулунскими, зиминскими, черемховскими, усолье-сибирскими и ангарскими огнями... И вдруг мы узнаем, что на реке Иреть, на этой «маленькой жемчужине Сибири», вслед за Голуметской электростанцией возникает Полежаевская ГЭС, а на Ангаре ведутся изыскания для строительства Усть-Илимской ГЭС мощностью примерно в три миллиона киловатт — под стать знаменитой во всем мире Братской гидроэлектростанции, которая опять-таки находится на территории Иркутской области.

Энергоручьи, энергореки, энергоморя.

И это не преувеличение, если я сейчас скажу, что наступит день, когда вся область станет энергоокеаном, настоящим океаном огней, в котором скромно и празднично будет светиться электрическая капля Черемшанской электростанции.

22 августа

Вчера ночью мы подъехали к реке Бирюса, но паром уже не работал, и пришлось заночевать в селе Конторка.

В Конторке нас угощали шаньгами. Шаньги — это булочки. Их пекут так: когда еще сырая шаньга на противне, ее намазывают густым картофельным пюре или творогом, а потом заливают сметаной, чтобы подрумянилась. Но вот вынимают это румяное, дышащее жаром объеденье, и в сибирской избе пахнет вкусно, как на Ленинградском шоссе, когда вы проезжаете мимо бисквитной фабрики «Большевик».

Но шаньга вкуснее бисквита. Потому что она горячая и сверху хрустит корочка. А внутри она пышная и мягкая, точно пена. И еще ее «макают» в сметану... Утром мы видели, как приготавливался сибирский рыбный пирог. Хозяйка потрошила жирного свежего сига, солила, перчила и, обложив кольцами лука, заципывала его — целого, с головой — в тесто. Пирог, которым мы угощались, был, так сказать, цельный. Его едят так: не разрезают, а снимают сначала верхнюю корку и выгребают вилками запекшегося сига. При этом можно лакомиться и корочками, они пропитались рыбно-луковым соком. Словом, это необычайно вкусно.

Когда мы уезжали из Москвы, мой товарищ Миша Рошин написал в «Бортовом журнале»: «Бери побольше продуктов, а то придется тебе всю долгую дорогу есть конскую колбасу».

Об этом я еще раз вспомнил, угощаясь шаньгами.

Тут же в Конторке можно было купить в магазине масло, мясо, рис, сахар. Я сказал продавщице:

— А нет ли у вас конской колбасы?

— Медвежья зимой бывает, а про конскую не слыхивала.

Вспоминаю таежный Вагай. Столовая. Заказали бифштекс. Подождали немного, зато на сковородке был хороший кусок мяса и румянилась жареная картошка. Колесики лука белели, как новенькие. Здесь можно было раздобыть и нарзан. «Пожалуйста, у нас нарзан с «иголочкой»!»

Но бывали и такие случаи. В одном поселке заходим в чайную, просим чего-нибудь горячего.

— Кончилось. Больше нет.

- А чай у вас есть?
- Чая нет.
- Что же делать? Хоть по бутерброду съедем.
- Нет бутербродов.
- Что же у вас есть?
- Крабы — и все.
- Ну, дайте хоть крабов.
- У меня нет ножа коробку открыть.

Рестораны в больших городах не имеют фирменных, чисто сибирских блюд. Нельзя сказать, чтобы Омск или Новосибирск славились пельменями. Прозизошла кулинарная нивелировка. И только говорят: «Томское пиво — лучшее в Сибири».

23 августа

Прежде чем попасть в Тайшет, нам посчастливилось пересечь замечательную сибирскую реку Бирюса, эту «тайшетскую Ангару», неизвестную, к сожалению, за пределами тех районов, через которые она протекает.

Вы не просто переезжаете с одного берега на другой.

Эта таежная красавица предлагает вам сначала мост, затем подает первый бревенчатый паром, через три километра встречает вас следующим паромом, словно река хочет, чтобы вы подольше любовались ее обширной, многорукавной красотой. Берега Бирюсы обрамлены многоярусной зеленью, щедро пересыпанной кисловатой брусникой.

И невольно думаешь: такую реку иная держава могла бы назвать великой, и местные поэты прославляли бы ее своими зарубежными лирами. О, сколько в Сибири неизвестных, но замечательных рек, каждая из которых по своей красоте и обширности не уступает главной реке иного государства Европы!

А здесь — своя скромная прелесть и тишина. В селе, разделенном на две части впадающей в Бирюсу речонкой, жители называют друг друга «зарешными». Посреди Бирюсы огромный остров, и можно увидеть, как на пароме переправляют туда колхозное

стадо. И когда женщины едут на остров доить коров, им весело кричат с берега: «Наши бабы на реку, а зарешны — к лешаку!..» Щедрые, самобытные, ласковые места.

Город Тайшет становится крупнейшим стрелочником Сибири. Город расположен на стыке трех действующих дорог, и в недалеком будущем сюда «привяжется» четвертая: Абакан — Тайшет. Три действующие — это Восточно-Сибирская, Красноярская и Ленская.

Тайшет-Ленокая железнодорожная магистраль — одна из самых молодых в нашей стране. Благодаря этой северной дороге возникли крупнейшие леспромы в Братске и в Чуне, в Чукше и в Ново-Чунке.

В Тайшете так и чувствуется дыхание тайги. Мимо проносятся специальные сдвоенные составы — лесные маршруты пятилетки. Только за один месяц через Тайшет на Братскую ГЭС проходит по полторы-две тысячи вагонов с оборудованием из самых отдаленных уголков страны.

Северная дорога Тайшет-Лена преобразует промышленную географию Забайкалья, ускоряет освоение богатейшего Ангара-Илимского железорудного бассейна, где электроэнергия Братской ГЭС безусловно вызовет к жизни комбинаты черной и цветной металлургии, разностороннюю лесоперерабатывающую промышленность, машиностроение и электрохимию.

В Тайшете я видел сквозной поезд «Москва — Лена». Этот маршрут появился совсем недавно. В поезде ехали главным образом люди двух профессий: изыскатели и строители. У изыскателей в этом году новые труднейшие задачи: дать проект железнодорожного пути от линии Тайшет — Лена на Усть-Илимскую ГЭС. Отважные геологи и топографы пройдут через таежные дебри, углубляясь все дальше на север, туда, где дремлют сказочно богатые месторождения угля в Нижне-Тунгусском бассейне.

Тайшет через Братск подал руку райцентру Усть-Кут, рядом с которым недавно возник крупнейший на востоке речной Осетровский порт.

С горы дома бегут наклонно,
И кажется — за рядом ряд —
Из синей пачки небосклона
Рассыпан белый рафинад.

— Это она показывает нашего комсорга...

Учились строить рудники и здания,
Встречать большой строительный рассвет,
Идти вперед и назначать свиданья
На улицах, которых еще нет.

Кузбасс.

Междуреченск.

Енисей. Скала «Глухарь».

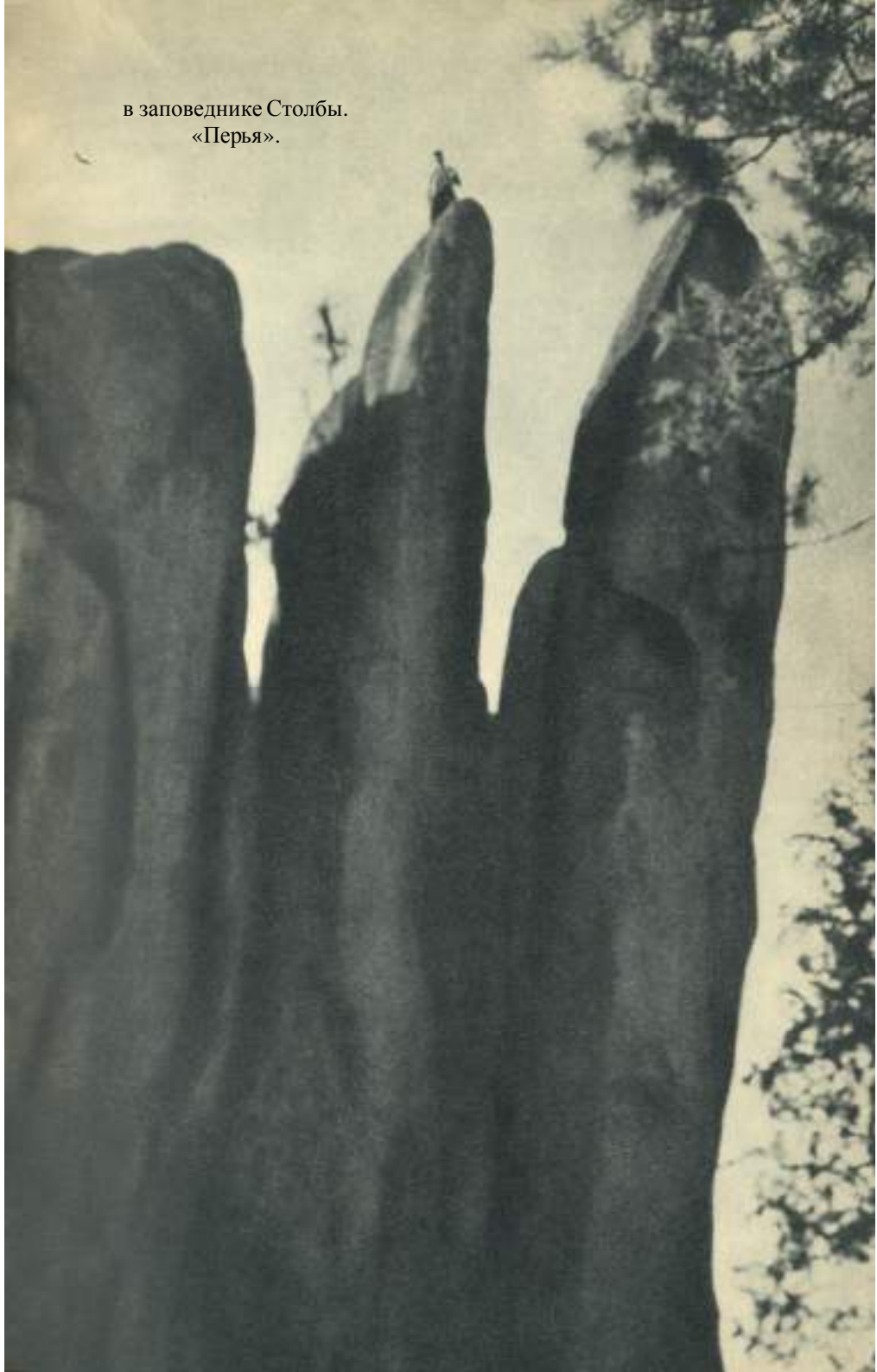

Столбисты. 10 августа
1956 года.

Ломакин подстрелил фи-
лина.

в заповеднике Столбы.
«Перья».

Контрасты железнодорожного пейзажа Восточной Сибири.

На лафетной жатке.

Комсомолец Николай Кизряков
«из армии великих рядовых».

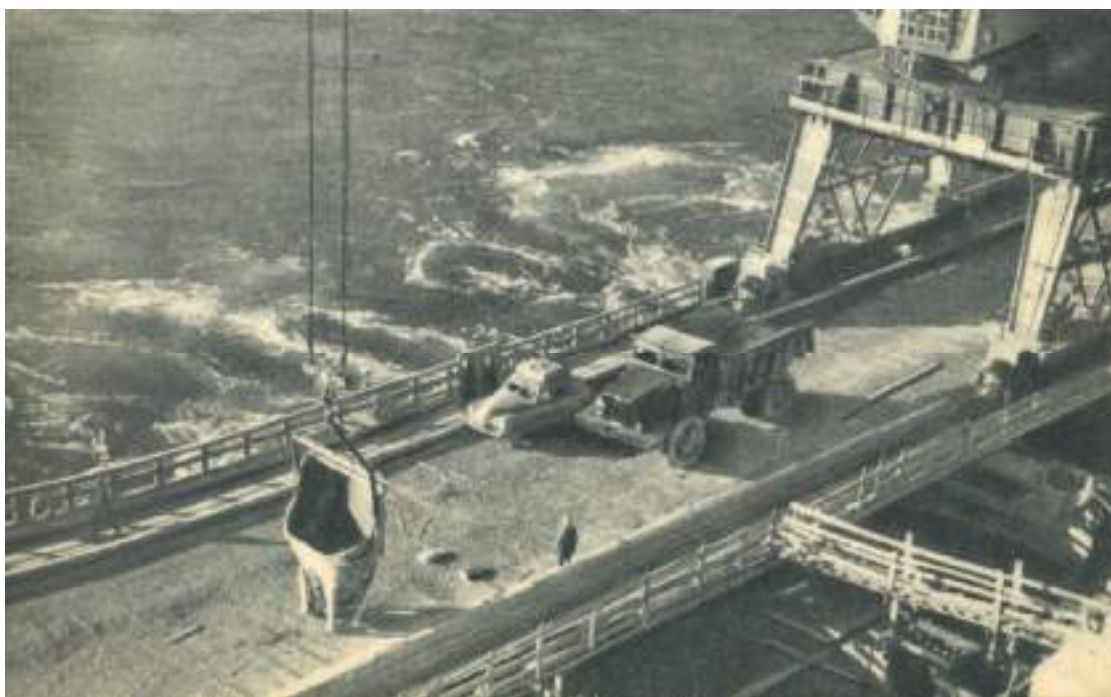
Ангарск. Цветы любят, чтобы их поливали.

Иркутская ГЭС.

О, город-пристань молодых
Друзей сибиряков.
Прообраз будущих, иных
Сибирских городов !

И когда перекрыли Ангару,
улыбнулась радуга.

Иркутский университет. После первой лекции. 1 сентября
1956 года.

Деревня Никола у Байкала. Новые тетради.

Слева — порт Байкал. Справа — Листвянка.

Энвер Ходжа в музее Лимнологической станции

...и мы, наконец, достали «омулевую бочку».

Забайкалье. По дороге в Улан-Удэ.

Кучерявые

Бегут и бегут через Тайшет тяжеловесные составы, груженные черемховским углем, чунскими шпалами, бирюсинскими домами, иркутскими машинами и «холодным грузом» — рыбой и мясом...

Покидая Тайшет, мы все же не забыли поискать на вокзале то место, где написано «кипяток», в конце которого, по утверждению Александра Трифоновича Твардовского, до сих пор стоит твердый знак.

Когда с северо-запада едешь автомашиной в Иркутск, неизбежно пересекаешь железнодорожное полотно то в одном, то в другом месте. И если пытаешься разобраться, что же сейчас происходит на железной дороге, останавливаешься за шлагбаумом и начинаешь беседовать с теми людьми, которые провели вот на этом неприметном перегоне почти всю свою жизнь или явились сюда совсем недавно, чтобы спроектировать завтрашний день транссибирской магистрали.

Старший инженер Михаил Петрович Трегубов и техник-геодезист Олег Андреевич Становов — работники Восточно-Сибирской экспедиции Гидропромтрансстроя — уже несколько месяцев составляют планы электрификации железной дороги на порученном им участке. Это происходит недалеко от разъезда Разгон Тайшетского района.

Но встречаешь и такое: на шестой дистанции с дымящейся трубкой в бороде стоит дежурный по перегону Степан Яковлевич Щеголев. В руке у него зеленый флажок, а за плечами висится ромбовидный фонарь, в котором неуверенно подмигивает керосиновая лампа.

Вчерашняя Сибирь и завтрашняя, нивелиры, через которые уже видны ажурные мачты электроопор, и керосиновая лампа — вот контрасты железнодорожного пейзажа Восточной Сибири.

Так огромны пространства, что часто
О больших расстояниях тут
Говорят: «Это только участок...» —
И упорнее съемки ведут.

Дышат зори таежным простором,
Хвойный ветер, как молодость, чист,
И склонился рассвет над прибором,
Как взыскательный геодезист.

Как он рад, что в глазок нивелира
Наконец-то увидеть он смог
Этот профиль труда, профиль мира,
Профиль новых электродорог.

Он закончил свой труд, и бумаги
Убегают в потертый планшет.
Есть проект электрической тяги
На участке Усолье — Тайшет!

Здесь шагать вам, электроопоры,
С Енисея в Иркутскую даль,
Так беги, покоряя просторы,
Электрическая магистраль...

Люди съемки ведут на Разгоне,
И уже не в мечтах, а всерьез
На далеком иркутском перроне
Ожидается электровоз.

24 августа

Вчера вечером мы покидали село Разгон, где пробыли значительно дольше, чем рассчитывали, и теперь «выбились» из графика путешествия. Это произошло потому, что не успеваешь записывать свои впечатления, все время хочется наверстать упущенное, а дни идут, и работать в машине трудно.

В Разгоне мы жили у электропильщика Дмитрия Сергеевича Игнатенко. Почти на окраине села. Здесь вытянулась в поле новая улица, белеющая свежими срубами.

— Все больше молодые строятся, — говорил Игнатенко, — народ по демобилизации вернулся, все лес-промхозовские...

— Улица лесорубов! — и Ломакин предложил утвердить название.

— Очень в цель попали, — согласился Игнатенко.

Для жителей этих мест характерен накомарник, которым, как правило, никогда не расстаются. Дмитрий Игнатенко, например, заматывает накомарник как чалму, на голову, когда комары не угрожают. Он вскидывает на плечо топор и на прощание говорит:

— Получается так: в лесу не встретишь ни пилы, ни лучка, ни топора — сучья, ведь тоже снимаем электроножовкой, а вот в хозяйстве с топором не расстанешься. Соседу помогаю дом рубить. Ну, я пошел. Счастливо вам. А насчет названия улицы — это мы посмотрим, посоветуемся...

Ночь с 23 на 24 августа была у нас необычной. В Алзамай мы прибыли поздно, все столовые и закусовые уже закрылись. Решили ехать дальше, с тем чтобы на речушке Косой Брод развести костер, сварить гречневый концентрат и поужинать.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. Этот огненный зверь с лохматой оранжевой шерстью притаился в чащобе леса, мимо которого мы проезжали. Зачем же разводить костер, когда вот он, за деревьями. Да такой огромный, какого я никогда в жизни не видел. Я не преувеличу, если скажу, что костер занимал площадь не менее двадцати квадратных метров, а его пламя достигало высоты трехэтажного дома. Было непонятно, для чего люди в расстегнутых телогрейках подбрасывают в костер бревна, да такие хорошие, что за них любой сталинградский колхоз заплатил бы немалые деньги. Оказалось, что костер в данном случае просто освещал место работы. Шла ночная транспортировка — хлыстовая вывозка леса. Из глубины тайги гусеничные тракторы «С-80» подтаскивали сюда (в каждой вязанке — пять штук) двадцатиметровые стволы-хлысты, и погрузочные установки с помощью подцепных тросов грузили лес на автомашины.

— Вира! — кричал грузчик. — Хорош...

— Такие хорошие бревна, — сказал Тихомиров, — а вы их в огонь бросаете...

— Что делать, приходится, — неохотно ответил грузчик.

К нам подошло еще несколько человек, и Ломакин спросил, почему бы рабочую площадку не осветить электролампочками, — ведь рядом населенный пункт Ясный Хутор; наконец, можно установить «динамку». Прежде чем отвечать на вопросы, грузчики и шофера попросили предъявить документы, так как им показалось подозрительным наше ночное вторжение. Потом они рассказали, что подобные костры — обычное явление. Лесу много, чего, мол, жалеть...

— Лампочками обзаведемся, — пошутил один, — когда вступит в строй Братская ГЭС.

Для наших нужд алзамайский костер был решительно не пригоден.

Хотя огня много, но им воспользоваться мы не можем: он согревает и освещает, но на нем нельзя вскипятить воду. И мы открываем «филиал» этого костра — небольшой костерчик, вокруг которого и усаживаются наши новые знакомые.

Кроме грузчиков Михаила Чазова и Федора Башмакова, тракториста мощного «С-80» Александра Романова и его прицепщика Александра Беломыцева, шофера «ЗИС-150» Семена Баженова и ночного сторожа Дмитрия Казанцева, к нам подсаживается единственная женщина в этом зеленом царстве лесодобычи — Александра Максимовна Тимошина.

Тимошина здесь — начальство. Она десятник, и, собственно, по ее команде объявляется перекур. Начинается лесная пресс-конференция. Обе стороны попеременно задают вопросы. Сначала отвечают гости. «Да, мы едем своим ходом. В Мавзолей Ленина и Сталина вход свободный. Нет, нам ехать еще не надоело. Шолохов написал новые главы «Поднятой целины». Остановились, потому что проголодались. Туристскую путевку за границу можно приобрести в профсоюзной организации».

Теперь на наши вопросы отвечает Александра Максимовна. Она, оказывается, отличный собеседник

и о лесных делах умеет говорить красочно и обстоятельно. Не только мы, но и рабочие Алгашевского мехлесопункта слушают ее с интересом. Во время разговора к нам подсаживаются новые люди, и не хуже костра дружно разгорается непринужденная беседа.

— ...Вы не ошиблись, мы занимаемся только сосной. Ничего удивительного, ведь почти тридцать процентов всех сибирских лесов — это сосна. В нашей области миллиарды кубометров древесины. Может быть, вы слышали о знаменитой ангарской сосне? Попадаются деревья толщиной в полтора метра...

Зашел разговор о кедре. Александра Максимовна пошутила:

— Говорите, «не видели кедра», а сами держите его в руках. Ведь карандаш, которым вы сейчас пишете, родом из наших сибирских лесов. Ну-ка, покажите. «Сакко и Ванцетти». Так и есть — наш таежный кедр.

Я спрашиваю рабочих, известно ли им такое имя: Владимир Еськин? В Тайшете мне говорили, что этот тракторист — инициатор замечательного почина. Он обязался перевезти за год до семисот кубометров леса, и его поддержали многие.

— Слышали, — скептически произносит Чазов. — Прямо скажу: хватанули...

— А почему? — Александра Максимовна не соглашается. — Вслед за электропилой «К-5» мы начинаем оснащаться бензомоторной пилой «Дружба». Семьсот кубометров на человека — это много, но при нашей технике и продуманной организации труда — дело реальное...

В руках у нас золотистые охапки ботвы с горохом. Кто-то привез прямо с огорода. И мы раскрываем стручки и жуем горошины, как семечки.

— Однако пора и за дело, — говорит Александра Максимовна, и наша полуночная пресс-конференция закрывается: лесозаготовители идут к своим тракторам и погрузочным установкам, а мы стелим хвойные ветки неподалеку от громадного огненного зверя и вскоре засыпаем под его однообразное рычание.

Такая была ночь.

А утром сегодня мы остановились у Косого Брода, и здесь нам так понравилось, что после гимнастики и водных процедур решили немного поработать, оглядеться, навести порядок в своем автокинофото-хозяйстве.

Доливая воду в радиатор, Ломакин козыряет новыми познаниями, почерпнутыми этой ночью в лесу:

— Между прочим, Миша Чазов говорил, что если спилить сосну, можно узнать, сколько ей лет. Сколько кружков, столько и лет. Это точно или неточно?

Молчание. Никто не поддерживает ломакинского разговора.

Тихомиров «лечит» киноаппарат. Ему кажется, где-то в камере задир. Тихомиров чертыхается. Только что он окровавил отверткой палец.

— Нет ли поблизости кедра? — продолжает Ломакин, проверяя металлической меркой, достаточно ли в бачке масла. — Из живицы кедра можно раздобыть бальзам, который заживляет раны. Советую воспользоваться кедром. Точно.

Тихомиров молчит. Он проверяет ход киноаппарата. «КС-50» шуршит, как осень под ногами. Скоро осень.

Я располагаюсь с пишущей машинкой на бровке канавы и прислушиваюсь к изречениям Ломакина. На страницу прыгает кузнечик, говорит: «Доброе утро».

Тихомировский киноаппарат стрекочет, соперничая с кузнечиками.

— Говорят, в тайге есть черный тополь. А знаешь, что такое «вечное дерево»? «Вечное дерево» — это лиственница. Миша Чазов говорит, что она крепче дуба... Это точно или неточно?

Кругом деревья. Мудрые деревья. Ласковая мохнатость веток...

25 августа

В Нижнеудинском районе останавливаемся неподалеку от села Каменки.

Слева от дороги среди бронзовых колосьев идет

комбайн, справа тоже комбайнируют. Оба массива окантованы зеленью раскинувшихся лесов, кажется, какой-то живописец все это создал на огромном холсте — и картина в раме.

Вдали мы замечаем синюю «Победу». Она плывет среди колосьев, точно корабль по волнам, и останавливается (так нам кажется) рядом с комбайном. Мы сворачиваем на полевую дорогу, подъезжаем к «Победе» и знакомимся с председателем Каменского колхоза Михаилом Николаевичем Александровым.

— ...Большое дело можно на корню загубить, если подойти формально. (Мы разговорились, и председатель колхоза решил сказать откровенно.) Знаете, за что меня ругали? За то, что не сразу мы начали раздельную уборку. Меня даже «теруном» прозвали. У меня все ладошки протерты. Разве можно убирать, когда зерно еще зеленым было? Ведь у нас свои особенности. Наш колхоз не сравнить с другими. Ранние заморозки, соседство с Саянами — они от нас в двенадцати километрах — все это требует индивидуального подхода к нашим массивам. Надо, чтобы хлеб был добротный. Вот потер я колос, вижу, зернышко уже желтое, восковая спелость налицо — я и даю команду: начинай! А не когда команда сверху спущена. Надо ко всему индивидуально подходить, не зря Никита Сергеевич говорил об особенностях каждого района, а у нас еще встречаются такие руководители, которые требуют формального исполнения и еще меня «теруном» называют...

Справа убирают урожай прямым комбайнированием, и Михаил Николаевич старается отвлечь наше внимание. Он не хочет, чтобы мы смотрели направо. Он предлагает направиться к виндроуэру. Там лафетная жатка. Там золотистым ручейком овес ложится на землю, чтобы несколько дней пролежать в поле, обветриться и обсушиться. После этого «Сталинец-6» подборщиком уберет этот овес. И Михаил Николаевич хочет, чтобы мы непременно обратили внимание на лафетную жатку.

На прощание Михаил Николаевич Александров,

этот немолодой уже, худощавый усач, один из старейших председателей колхоза, говорит нам:

— Словом, мы за раздельную уборку, кто спорит... Но когда нам начинать уборку — это дело другое, тут я не согласен. И пускай хоть сто раз «теруном» называют, сделаю по-своему. Потому что главное для меня — это дать хлеб...

Мы разъехались в разные стороны. Но перед глазами все время стоял этот усатый человек, слышался его голос, и плыли среди колосьев комбайны.

Я вспомнил слова академика Василенко, сказанные однажды в Доме литератора:

— Комбайн за свою жизнь проходит расстояние, равное пути от Москвы до Владивостока.

26 августа

В городе Черемхово нам посоветовали:

— Обязательно побывайте на Храмцовском разрезе...

Добыча угля открытым способом, вскрывша верхних пластов земли, под которыми обнажаются мощные толщи черного золота, — вот он Черембасс — сибирская кочегарка.

Поистине, не по земле идешь, а по драгоценностям.

После очередного взрыва шагающий гигант с дватрикубовым ковшом отбрасывает землю в сторону, открывает залегающий уголь, и усердный работага «Уралец» уже грузит его на транспортер. Черный поток льется в бункер, и сразу же, вагон за вагоном, наполняется железнодорожный состав...

Храмцовский угольный разрез — один из самых крупных в нашей стране. Не думал Николай Кизряков, всего несколько лет назад окончивший Карагандинский горный техникум, что здесь, в родной Храмцовке, так быстро он пройдет путь от электрослесаря до главного механика разреза № 2.

Комсомолец Николай Кизряков отвечает за работу тридцати трех различных экскаваторов, восемна-

дцати бульдозеров, двадцати бурильных станков, двенадцати паровозов и множества паровых кранов, которые перекадывают железнодорожные пути...

— Раньше я знал одну машину, я участвовал в сборке экскаватора «ЭШ-20-65» и был начальником экипажа. Когда меня выдвинули главным механиком участка, я понял, что знаний у меня недостаточно, и после работы стал усиленно заниматься. Мне пришлось осваивать различные механизмы, изучать процесс их ремонта и в то же время следить за новинками наших и зарубежных технических изданий. И я почувствовал, что этот уголь стал для меня дрожжами, на которых поднимались мои знания и мой производственный опыт...

Так говорил Николай Кизряков. Я посмотрел на работавший вдали шагающий гигант, и захотелось переделать известную поговорку и сказать: «Большому человеку — большое плавание».

Нас приводит дорога
На Храмцовский разрез,
Где — ни мало, ни много —
Чудеса из чудес!

Говорили мне: — Вскрыша —
Это поле труда.
Гул моторов слышишь,
Направляюсь туда.

Хорошо над обрывом
Аммонит заложить,
Чтобы угренним взрывом
Сразу ночь обнажить!

Начинаешь с рассвета,
Снимешь глинистый пласт,
И земля тебе эта
Щедро уголь отдаст.

Экскаватор лопатой
Зачерпнет, как рукой,

Полновесный, богатый
Черноугольный слой.

Изумился я, стоя
На крутом берегу,
Было чувство такое —
Передать не могу.

Словно ты за плечами
Говорила: «Люблю»,
Так вот солнце лучами
Прикасалось к углю.

Мы прошли по забою
До бурильных станков,
Мы мечтали с тобою,
Николай Кизряков,

За отвалом, в затишье,
Это ты говорил,
Чтоб писал я о вскрыше
Человеческих сил.

На земле этой ранней
Мне советовал ты:
Дайте вскрышу дерзаний,
Вскрышу омелью мечты!

...Как из Черного моря,
Из чернеющих гор
Вытекал, тараторя,
Ручеек-транспортёр.

Очень робкий вначале,
Стал юн шире, мощней
На реке-магистрале
Паровозных пугей.

И, как сказано выше,
На Храмцовский разрез
Приходили от вскрыши
Чудеса из чудес!

По дороге в город Ангарск, за поселком Тельма, мы впервые встретили красавицу Ангару.

Никогда в жизни не видел я такой синей, такой чистой и быстрой реки, как Ангара! Смотришь на нее долго — и голова кружится, и чем-то радует и тревожит тебя этот напористый широкий поток.

Сейчас о строительстве Иркутской и Братской ГЭС знает каждый. Но на Ангаре одновременно ведутся изыскания и подготовительные работы по сооружению еще двух гидроэлектростанций: Богучанской и Усть-Илимской. Хватит ли сил у Ангары?

Угол падения реки таков, что каждый километр опускает ее более чем на двадцать сантиметров. Отсюда и скорость Ангары и та удивительная работоспособность, какую давно уже приметили наши ученые, называя байкало-ангарские воды сибирским чудом и жемчужиной советской гидроэнергетики.

Ангара как бы прыгает в Енисей с трехсотвосьмидесятиметровой высоты скалистого Байкала.

Сколько стоит сшить две пары обуви?

Меньше одной копейки.

Это одна из цен по прейскуранту гидроэнергетической Ангары. Ее энергия самая дешевая. И если для двух пар обуви требуется один киловатт-час, а стоимость его не превышает копейки, то можно себе представить, какими богатствами одарит нас Ангара, способная после ее освоения давать семьдесят миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год!

Волга, Кама, Дон и Днепр, вместе взятые, не обладают подобными запасами.

Кипучая, богатырская сила Ангары аккумулируется нескудеющим источником — Байкалом, уровень которого повысится чуть ли не на два метра, когда на полную мощность вступит в строй Иркутская ГЭС и перед высокой плотиной разольется Иркутское водохранилище. Оно изменит привычные очертания Байкала и станет самым крупным его заливом. Посмотришь на карту — и не узнаешь байкальского юго-запада.

Меняли направления рек, передвигали горы, а теперь видоизменяем конфигурацию моря.

И, вероятно, это не самый большой гидротехнический подвиг, на который способны люди Байкала и Ангары.

Город Ангарск — это тоже подвиг. Это настоящая лесная сказка. Когда мы приехали в этот белокаменный город широких проспектов и многоколонных дворцов, я не мог не заговорить стихами, не мог не восторгаться: дремучая тайга — и вдруг такое чудо!

Белеет из-за хвойных плеч,
Как остров новизны,
Одна из самых светлых встреч
Среди дорог страны.

Ангарск! Счастливый город-сад,
Подросток лет семи.
А младший, люди говорят,
Любимец всей семьи.

Семья солидных городов
Приветствует тебя,
С отцовской ласкою, без слов
По хвое теребя.

Вечнозеленый сибиряк,
Ты вечно молодой,
Как не любить тебя, и как
Не подружить с тобой!

Еще — на радость ты похож,
Когда со всех сторон
В футболке беленькой идешь
На новый стадион.

С букетом солнечных лучей
Вскочил ты на трамвай,
На новостройке крикнул: «Эй,
Товарищ, не зевай!»

Вся эта зелень, белизна
Идет тебе к лицу,
Проспекта звонкая струна
Настроена к дворцу.

О, город-пристань молодых
Друзей - сибиряков,
Прообраз будущих, иных
Сибирских городов !

Вот эту молодость всегда
Ты в сердце береги.
Ангарск! Лучистая звезда,
Жемчужина тайги!

28 августа

Строительство гидроэлектростанции напоминает человеческую жизнь, но здесь возмужание исчисляется не годами, а месяцами.

Новорожденного нянчат в пеленках омет и проектов. В детстве шьют арматурные одежды в рост. В отрочестве обучают и проводят испытания по гидротехнике. В юности дают работу, запуская первые агрегаты и примерно на десятом месяце жизни, когда наступает зрелость гидротехнического сооружения, ему доверяют вырабатывать всю запроектированную мощность.

Мы приехали на Иркутскую ГЭС в тот период, когда уже завершились отроческие испытания по перекрытию Ангары (это было 10 июля) и через несколько месяцев сооружение должно было вступить в пору юности: в декабре, согласно графику пусковых работ, Иркутская гидроэлектростанция даст первый промышленный ток!

Все строящиеся гидроэлектростанции внешне очень похожи одна на другую. Но стоит взглянуть попристальней, как убеждаешься, что у каждой из них свой пейзаж, свои характерные особенности, свое творческое решение.

Начать хотя бы с того, что на Иркутской ГЭС бе-

тонных работ в два с половиной раза меньше, чем на Днепрогэсе, хотя по мощности обе эти станции примерно равны.

Почему меньше? Потому что Иркутская ГЭС (как тут не удивиться!) не будет иметь, например, водосливной плотины. Дело в том, что эта гидроэлектростанция совмещенного типа. Здание ГЭС — сложное комплексное сооружение, где, помимо машинного отделения, будет еще и водосброс. При необходимости массивные щиты в здании ГЭС будут открываться и сбрасывать излишнюю воду.

Да, все строящиеся гидростанции сестры одной матери — шестой пятилетки, но они непохожие сестры, и если одна уже применяет, как шляпу, крышу здания ГЭС, то другая подыскивает материал для лент будущих перемычек.

Как бы там ни было, каждая то и дело заглядывает в зеркало своей реки, словно проверяет, хорошо ли идет дело и хорошеет ли она сама...

29 августа

Летописцы этой большой стройки когда-нибудь подробно расскажут, в каких муках проходил подготовительный период и как заставили Ангару пойти по другому руслу. Сначала намечали отсыпать перемычку к 15 мая. Потом назначались еще три срока. Строители нервничали. На партийных собраниях долгое время держалась такая повестка дня: причины срыва графиков, затопление котлована, перекрытие Ангары. Когда, наконец, это произойдет? Начальник монтажного отдела управления Кизлярский вступал в острую полемику с начальником строительства Бочкиным. Выяснилось, что в пусковой схеме есть недостатки, что брус и землю в котловане укладывают только днем, а ночью строители простаивают...

Но все это позади. Главное свершилось. Коротко покорение Ангары проходило так. Со стороны Островной плотины и острова Смажики навстречу друг другу водители самосвалов отсы-

пали банкет. В это время с наплавного моста в Ангару сбрасывались массивные бетонные кубы. 10 июля в 7 часов утра бульдозерист Герасимов засыпал на перемычке последние щели между бетонными кубами и камнями, сброшенными в Ангару, и укрощенная река навсегда распрощалась с привычной дорожкой. Она стремительно понеслась по новому руслу через котлован и здание ГЭС, через те сооружения, которые мы не видим сегодня с эстакады: спиральные камеры, насосные установки в патернах, затворы верхнего и нижнего бьефов...

Осуществляемое с трех сторон наступление продолжалось двадцать восемь часов, и когда реку пересекла стосорокаметровая гряда, издали похожая на золотую ленточку, когда тысячи людей собрались у перемычки, чтобы собственными глазами посмотреть на побежденную Ангару — начался митинг.

Сегодня мне рассказывали, что на перемычке остановился двадцатипятитонный самосвал и, поднимаясь на него, как на трибуну, строители подводили итоги и брали новые обязательства.

Почему-то мне вспомнился Урал, талицкие хоры... Вспомнились песни и пляски на автомобильной сцене. Кантата «Цвети, наша Родина»...

И в какую-то минуту показалось, что музыка продолжается. Я иду через мост бетоноукладочной эстакады, прохожу под арками портално-стрелочных кранов и с интересом слушаю утреннюю музыку большой стройки. Кажется, дирижируют порталные стрелы, и на черных линеечках арматуры можно прочесть колючие нотные знаки электросварки.

Это претворяются в жизнь те самые «новые обязательства», которые строители взяли на себя 10 июля 1956 года.

Механик кранового участка Николай Губарев рассказал мне, как недавно устанавливали мостовые краны машинного зала. На эту операцию потребовалось бы не менее двух месяцев, если бы экскаваторщики не проявили замечательную инициативу. Краны были собраны на монтажной площадке заранее, и затем детали, по сорок пять тонн каждая, бы-

ли подняты на восемнадцатиметровую высоту. Не без риска большой шагающий экскаватор, сменив ковш на крюк, взялся за непривычную для него работу. Но эксперимент удался, и монтаж тяжеловесов начался чуть ли не за месяц раньше, чем это предполагалось по графику.

Николай Губарев находит еще один пример «выхода из положения»:

— Обратите внимание на наши эстакады. Между ними имеется «мертвая зона», так что порталные краны не в состоянии были бы обслужить это расстояние, если бы...

Я стараюсь понять, что там происходит.

Две эстакады. Одна на верхнем, другая на нижнем бьефе. На каждой эстакаде по четыре портално-стрелочных крана. Десять метров — это «мертвая зона». Что происходит? Краны с двух сторон цепляют мост. Одновременно поднимают. Одновременно передвигают то вправо, то влево. Какая четкая, слаженная работа! Оба крана должны «шевелиться» с одинаковой скоростью...

Вспоминается двадцатипятитонный самосвал, ставший трибуной, и люди, дающие обязательства.

Да и сама бетоновозная эстакада похожа на огромную трибуну, над которой незавершенная стройка самокритично и в то же время красноречиво ораторствует.

Уже многое сказано, но речь еще не окончена.

Эта речь складывается не из отдельных слов-деталей, а из крупных монтажных предложений, которые в общем объеме составят первую главу в эпосе Ангарского гидроэнергетического каскада.

30 августа

Речь идет о нашем поколении,
О тебе, товарищ молодой,
О твоём особенном уменье
Заводить беседы с Ангарой.

Подъезжая к берегам песчаным,
Там, где стройку видно по всему,
Я учусь повиноваться планам,
Главному уменью твоему.

Ты любил смекалку и догадку,
Поезда любил, а не перрон,
И не дом готовый, а палатку,
Не цветок раскрытый, а бутон.

Это все вначале! Все свершится!
Потому и хочешь заполнять
Каждый день, как чистую страницу,
Каждой год — как общую тетрадь.

Хорошо найти свои истоки
И со стройкой слиться насовсем.
Ведь ручьи, как избранные строки,
Глубже, чем моря иных поэм.

Мне не надо моря-океана,
Я хочу истоком быть, ручьем,
Чтоб струилась бодрость постоянно,
Чтоб любая трудность — нипочем!

Быть хочу рабочей волною,
Кинуться в напористый поток,
Чтоб моим усиьем, значит — мною,
Был рожден высоковольтный ток.

Будет краткий митинг накануне,
От души народ поздравит нас,
И так звонко скажут на трибуне,
Дескать, все начнется вот сейчас...

О гигант плечистый! Руки пуска,
Голубые жилки-провода,
И под ними митинг, вроде пульса,
Жарко всколыхнется, как всегда!

И, выходит, так оно и надо,
Чтобы под усталое «ура»
Первою плотиною каскада
Подпоясывалась Ангара.

31 августа

Был литературный вечер. Один товарищ спросил у меня:

— Скажите, а какая область вам понравилась больше всего?

Этот несколько наивный, неожиданный вопрос заставил задуматься, и, конечно, не потому, что в гостях принято хвалить хозяев, я сказал, что Иркутская область понравилась мне больше всего.

Не на этой ли земле вы можете найти решительно все особенности и достопримечательности, какие имеются в соседних областях Сибири?

Реальные контуры гидроэлектростанции, какой мы восхищались в Новосибирске, можно сегодня увидеть под Иркутском.

Строительство самой мощной в мире ГЭС на Енисее как бы перекликается с проектами и подготовительными работами Братска.

Самобытный Енисей, с его высоченными берегами, ничуть не заслоняет изумительной красоты Ангары, живописная скалистость которой оставляет неизгладимое впечатление.

А уголь? Как и в Кемеровской области, здесь можно увидеть и экскаваторы «ЭШ-20-65», и крупные вскрышные разрезы.

Если вас интересуют проблемы электрификации железной дороги, так же, как в Новосибирске, вы можете воспользоваться «электричкой» и, например, от Иркутска быстро добраться в прибайкальский городок Слюдянка.

Как и в Омске, под Иркутском строится нефтеперерабатывающий завод.

А взять Ангарск! В какой тайге есть еще такой город? Словом, Прибайкалье — это настоящий собирательный образ новой, строящейся Сибири, которую

советские годы-разведчики словно бы заново открывают, как страну сказочных природных богатств.

Эти богатства сейчас широко осваиваются. Но можно заметить большую разницу между концентрацией техники и фронтом работ в одной области, по сравнению с другой. В этом смысле мне показалось, что Иркутская область не имеет себе равной среди сибирских областей-соседей.

Уважающий себя автотурист не станет пользоваться железной дорогой и прибегает к этому только в исключительных случаях. Что касается «водных процедур», то после поездки чешских инженеров на автомашине в Америку пересекать водные рубежи считается даже модным. И пусть не Атлантический океан, пусть это будет Байкал, во всяком случае нам предстояло переплыть море.

Я пришел к начальнику Ангаро-Байкальского пароходства Леониду Андреевичу Фролову. «Видите ли...» Он выслушал, побарабанил пальцами по столу, снял телефонную трубку и сказал: «Дайте Байкал».

Прошло полчаса. Наконец море ответило.

— Рыльский? Слушай, как там насчет лихтера? А не смог бы ты переправить в Усть-Харауз одну легковую машину?

Рыльский — начальник порта Байкал. Он согласился переправить, но только не в Усть-Харауз. Там сейчас трудно подойти к пристани. Словом, он обещал что-то придумать.

Я поблагодарил Фролова, однако он не собирался со мной распрощаться. Он хотел поговорить. Яростный патриот Ангары и ее присяжный адвокат, Леонид Андреевич Фролов отметил вопиющую несправедливость:

— Почему-то считается, что Ангара приток Енисея. Но если быть последовательным, то надо всю эту водную магистраль от Байкала до океана называть Ангарой, а Енисей считать притоком.

— Это почему же?

— Потому что ученые подсчитали, что Ангара, впадая в Енисей... вернее, Енисей, впадая в Ангару... словом, там, где они встречаются, Ангара больше приносит воды, чем Енисей, и следовательно... Понятно?

Пока я беседовал с Фроловым, Ломакин успел съездить в обком ДОСААФ и собраться: там у нас была большая комната, где стояли три кровати и конторский стол. Мы распрощались с гостеприимны-

ми досаафовцами. Газеты «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь» поместили наши стихи и фотографии, и мы двинулись дальше, к Байкалу.

2 сентября

Пожалуйста! Отправляйся в Листвянку, проделав путь над правобережной Ангарой, и, как говорится, жди у моря погоды.

Ни в коем случае не сомневайся, что Байкал — это море. Не дай бог, если скажешь местному шкиперу: «речник», хотя бы он и вел свою баржонку по Ангаре. Раз он имеет дело с Байкалом — он моряк, и все местные жители здесь — моряки.

Доказательства? Сколько угодно!

Кроме известной песни, где сказано «Славное море, священный Байкал», еще в древних китайских летописях Байкал называли Пехай, что означает Северное море, а эвенки говорили Лама, что по-русски тоже означает — море.

И хотя на всех картах написано «озеро Байкал», жители Листвянки рассматривают слово «озеро» как опечатку. В самом деле, воды такого, например, моря, как Азовское, можно было бы уместить в Байкале девяносто два раза. Ведь Байкал очень глубокий, а Азовское море, с точки зрения коренного байкальца, — жалкая лужа по сравнению с их таежным морским чудом.

Море так море! Но прежде чем переправиться, нам предстоит дожидаться дня три-четыре, и за это время мы решаем совершить поездки по берегам Байкала.

3 сентября

Одни говорят «Листвянка», другие — «Листвяничное».

Это название очень подходит к небольшому поселку юго-западного Байкала. Листвянка расположилась на неширокой прибрежной полосе под лесистыми горами. Пристань, судоремонтная верфь, байкаль-

ский музей, принадлежащий научно-исследовательской лимнологической станции Академии наук СССР... Моряки и ученые, рыбаки и судоремонтники, студенты речного техникума и портовые грузчики, — все они любят Листвянку и считают свой приморский, омулевый поселок самым оживленным культурным центром на всем Байкале.

В Листвянке можно увидеть многочисленных экскурсантов. И не только наших соотечественников, но и зарубежных гостей. Вчера, например, сюда приезжала делегация крупных государственных деятелей Албании. Они едут на VII съезд Коммунистической партии Китая. Сделав остановку в Иркутске, албанцы решили на машинах подъехать к Байкалу.

Мы сразу узнали Энвера Ходжа, высокого человека с приветливым смуглым лицом и сидящими висками. Его заинтересовали документы и экспонаты музея лимнологической станции. Он сказал, что редкие породы рыб, которые обитают в Байкале, встречаются так же и в горных озерах Албании...

В Листвянке — одна единственная узкая улица, и нет ничего удивительного в том, что Энвер Ходжа, заметив нашу машину, заинтересовался, давно ли мы путешествуем и с какой целью. Наша беседа продолжалась также и на пароходе, — албанские гости совершили поездку вдоль живописного побережья Байкала. На прощание Энвер Ходжа исписал страничку в нашем «Бортовом журнале».

— Пусть он тоже, — сказал Энвер Ходжа, передавая журнал своему спутнику, и Махмет Шеху охотно согласился.

Вот что они написали:

«Хорошо, что в Советском Союзе молодые люди совершают такие далекие и увлекательные путешествия. Счастливого пути, товарищи! Желаем вам доброго здоровья и творческой удачи».

Быть может, этот эпизод только для нас, автотуристов, был так памятен и приятен. Но, мне кажется, именно в таких мелочах порой и проявляется самая искренняя братская дружба советского и албанского народов. Как это радостно: руководители дале-

кого братского государства желают доброго пути рядовым гражданам Советского Союза.

Да, не скажешь о Листвянке «медвежий угол» Я, например, звонил отсюда в Москву и могу засвидетельствовать прекрасную слышимость. Я сказал Москве: «Листвянка передает вам привет!»

Лимнологическая станция — двухэтажное бревенчатое здание. Лестница ведет в музей, расположенный на втором этаже. И словно попадаешь в подводный мир Байкала: в колбах, на стендах под стеклами или на подставках — многочисленные рыбы и животные, населяющие дно и толщу байкальских вод.

— Это только часть, — говорит экскурсовод. — А вообще в Байкале насчитывается более тысячи видов животных и рыб. Но об этом вам подробнее мог бы рассказать товарищ Кожов...

Михаил Михайлович Кожов, заведующий кафедрой зоологии Иркутского университета, находится в Котах, куда мы рассчитываем еще поехать, поэтому оставим разговор на зоологические темы до завтра, а пока займемся историей и географией.

Если на земном шаре имеются некоторые озера, превышающие по своей площади Байкал, то по глубине ему нет равных: байкальские глубины достигают одной тысячи восьмисот метров.

Со всех сторон море окружено хребтами. Эти хребты иногда перекрыты ледниками, и не удивительно, что горный узел Мунку-Сардык в русском переводе означает — «вечно снежный». Некоторые хребты возвышаются над дном байкальской котловины более чем на пять тысяч метров.

Эти склоны вниз окантованы темно-зеленой тайгой, сквозь которую прорываются горные реки. Реки нередко срываются со скал водопадами. Они берут свое начало в горных висячих долинах, переполненных снегом. Многие скалы отвесно стоят над байкальской водой, не оставляя для пешехода даже тропки. В давние времена неизведанный Байкал был окутан зловещими тайнами, которые люди рисовали в своем воображении.

Вот что писал крупный исследователь Байкала

Бенедикт Дыбовский, участник польского восстания 1863 года, сосланный на Байкал: «Необъяснимый страх связывался у всех с представлением об этом озере. Всякий раз, как мы собирались отправиться на озеро, нам пророчили неминуемые несчастья».

Надо ли говорить о том, что никто сейчас всего этого не испытывает. Богатства Байкала, еще не полностью освоенные человеком, неисчерпаемы, и с каждым годом здесь все больше экспедиций, все гуще население, занимающееся промыслом ценных пород рыбы и тюленя (нерпы). Эти промыслы играют немалую роль в экономике Прибайкалья.

В горных районах Байкала — россыпи золота, месторождения слюды и других ископаемых. В тайге — отличный строевой лес, обилие зверей. Тут и лось, рога которого видим в музее, изюбр, кабарга, медведь, горностай, колонок, белка, лисица, россомаха... Знаменитый баргузинский соболь...

Сейчас интерес к Байкалу значительно возрос, так как из этого озера вытекает Ангара — носительница огромных запасов электроэнергии. Триста тридцать шесть рек и речушек впадают в Байкал, и все их усердие уходит на то, чтобы Байкал прибежавшую к нему воду отдал расточительной Ангаре.

— Собственно, расточительной она была в прошлом, — рассказывал экскурсовод музея, — а сейчас, можно сказать, Ангара повзрослела, ее уже нельзя назвать легкомысленной, поскольку не на словах, а на деле она меняет свой характер: красавица стала работающей, готовится к пуску первого агрегата на Иркутской ГЭС и разворачивает фронт работ в Братске...

Словом, времена меняются, и легенда об Ангаре, убежавшей к своему возлюбленному Енисею от ворчливого старика Байкала, должна быть отменена. Так что Всесоюзному радиокомитету придется сдать в архив передачу на эту тему...

Можно сказать, что дух времени, когда дети уходят на стройки, а родители (передовые, разумеется) не удерживают их,— этот дух не чужд и Байкалу. Пускай когда-то он бросал вдогонку убегающей из дому

Ангаре камень Шаман, как о том сказано в легенде. Сейчас — совсем другое. Байкал с охотой посылает плоты-сигары таежного строительного леса туда, где трудолюбивая Ангара возводит новые поселки и заготавливает опалубку для строительства гидроэлектростанций. Видимо, Байкал знает, что не за горами новые времена, когда Ангара пришлет ему щедрую россыпь электролампочек. Как полагают геологи, Байкалу двести миллионов лет. Что касается Ангары, то она еще молодая, ей двести тысяч лет, и, с точки зрения Байкала, дочка у него неплохая, если в такие юные лета уже вершит солидные дела гидростроек. Но это уже материал для новой легенды.

5 сентября

На днях Байкал отметил именины, —
От роду двести миллионов лет,
Приглашены утесы-исполины
На юбилейный праздничный обед.

Рукоплескали волны многозвонко,
При виде хвойной гвардии ветвей,
Когда на блюде острова Ольхона
Преподнесли отборных омулей.

Здесь были и протоки, и заливы,
Красноречивый сказочный простор.
Потом на третье подавали сливы
Приморских многочисленных озер.

И тут же корабли морского флота
На празднике гуляли до утра.
Вдруг у Байкала опрашивает кто-то:
— А где же твоя дочка Ангара?

И взглядом умудренным, чуть усталым,
На приглашенных посмотрел Байкал.
Он чокнулся по-братски с Морем Малым,
Затих на миг и медленно сказал:

— Я знаю, Ангара прийти хотела,
Но у меня ведь тоже интерес,
Чтобы она не покидала дела
Ни на Иркутской, ни на Братской ГЭС.

Вот почему, обиды не питая,
Об Ангаре я так скажу в ответ:
Пусть трудится, она ведь молодая,
Ведь ей всего лишь двести тысяч лет.

6 сентября

Сегодня утром мы пошли на катере в поселок Коты.

У пологого берега в маленькой лодочке сидел пожилой человек и чинил рыболовные сети. Был он в городском пиджаке, в кепке, и, глядя на весь его облик, на эти полуботинки небольшого размера, никак нельзя было сказать, что это рыбак или местный житель.

— Вот собираюсь на ночь поставить сети, — человек потрогал свои серебряные усики. — Надо же себе добыть что-нибудь на пропитание.

Улыбался он как-то по-детски застенчиво, но его лицо преобразилось, и он сразу стал похож на лектора, стоило нам спросить: а какую, собственно, рыбу он ловит?

— О, к сожалению, не я ее ловлю, а она меня ловит. Она, байкальская рыба, так сказать, поймала всю мою жизнь, и должен признаться, что этот плен доставляет мне наслаждение.

Оказывается, профессор Михаил Михайлович Кожов проводит на Байкале по несколько месяцев в году.

— Вы даже не представляете, как интересно жить, когда каждый год приносит тебе очередной сюрприз и ты, например, открываешь совершенно новую разновидность известной рыбы!

Таким патетическим рассуждением начинается рассказ о том, что в Байкале имеются редчайшие эк-

земляры рыб, которые наблюдаются только здесь и больше нигде на всем земном шаре.

Для Кожова Байкал — это целое государство со своими городами на разных глубинах, с периферийными районами, где, очевидно, имеются и свои райцентры по скоплению данной рыбы.

— ...А взять, например, голомянку, — продолжал Кожов, — эту живородящую рыбку. Проживает она в глубоководных районах Байкала и, представьте себе, не откладывает икру, как другие рыбы, а рождает весной и летом живых личинок!

— А омуль? Расскажите что-нибудь про омулей.

— Опять про омулей. Как будто на них свет клином сошелся. Ну да, это наиболее массовая и ценная промысловая рыба. Семьдесят процентов всей добычи рыбы на Байкале дает омуль. Однако гораздо интереснее поговорить, скажем, о такой рыбе, как голомянку или бычок-желтокрылка! Бычок — умница. Он облюбовал себе районы прибрежной полосы, и как только солнце пригреет — бычок тут как тут, «загорает» у бережка... Или, скажем, тюлень. Это переселенец из Ледовитого океана. Весит до восьми пудов. Но самый интересный, малоизученный район — глубокие толщи и дно Байкала. О, там лежат камни, и если исследовать пять-шесть камней, то можно собрать с них не менее двух тысяч экземпляров разных беспозвоночных животных. А эти раки-бокоплавы и моллюски весьма интересны для ученого...

Чувствовалось, что профессор Кожов истосковался по лекции, которую мы прослушали с огромным интересом и уважительным вниманием.

7 сентября

Неподалеку от пустынного мыса Кадильного, в живописной пади, как бы сдавленной с двух сторон отвесными скалами, раскинулось несколько палаток, и, разумеется, мы решили посетить жителей этого брезентового поселка.

Первый, кого мы встретили, — молодой геолог

Эдуард Турецкий, — подобно всякому полевому геологу, косил на ремне сумку, имел при себе молоток и лупу, а когда речь зашла о романтике палаточной жизни, сказал печально, как это делают видевшие виды изыскатели

— Романтика тут ни при чем. Это труд. Весьма однообразно и утомительно. Какие еще будут вопросы?

После встречи с увлеченным Коковым, душа которого так и расцвела, когда мы расспрашивали о живородящей рыбке, отрывистая, суховатая речь молодого человека, его скептицизм, показались мне несколько неестественными

Правда, не следовало забывать, что Турецкого еще нельзя было назвать геологом. Он проходил здесь студенческую практику, и, видимо, ему скорее хотелось произвести впечатление солидного, все понимающего человека, который занимается только делом, почти игнорируя красоты Байкала и связанные с этим истории.

В этой пади люди вели документацию горной выработки. Осмотревшись, можно было увидеть глубокий продольный разрез, рассекавший горный склон сверху донизу. Эта гора, прикрытая четвертичными отложениями, стала для геологов тем самым орешком, который надо было «раскусить» и продокументировать. Когда добрались до коренных пород, оказалось, что здесь скрыты высококондиционные известняки — отличное сырье для цементной промышленности.

Еще месяц назад было здесьлюдно, работало около пятидесяти человек. Сейчас — осталось семеро. Я сказал: «Семеро смелых», но Турецкий и тут остался верен своему скептицизму.

Мы пошли знакомиться с остальными обитателями палаток. Это были молодые топографы, геологи, коллекторы и конюх дядя Ваня, лошадка которого неугомимо возила навьюченные на нее мешочки с горной выработкой. Мешочки складывались на берегу и катерзатем доставлял их в Листвянку...

Прощаясь с Эдуардом Турецким, я попросил его

написать мне письмо. Со свойственной ему лаконичностью, он пообещал: «Напишу. Сообщу, как здесь неинтересно и как не хочется отсюда уезжать».

И тут я понял: его романтика заключалась в том что он отрицал романтику. Так ему нравилось.

9 сентября

Вчера утром мы вернулись в Листвянку, и не успели зайти в столовую, чтобы перекусить, как тут же нам сообщили, что надо грузиться. В один миг все перевернулось, и мы попали «с бала на корабль».

«Корабль» был деревянной баржей, на которую автомашина вошла по импровизированному трапу. Вскоре мы отплыли из Листвянки и через сорок минут прибыли в порт Байкал. Отсюда пароход «Капитан Воронин» привез нас в Танхой, где, казалось, можно было бы сгружаться, но местные жители в один голос уверяли нас, что до города Бабушкин автомашиной не проехать — нет мостов.

Баржа, на которой находилась наша «М-72», стала рядом с лихтером «Н. Крупская», и мы своим ходом перекочевали на лихтер. Заманчиво звучало: «Идем в Баргузин».

— Это, случайно, не тог ли баргузин, который пошевеливал вал? — осторожно осведомился Ломакин.

На него, разумеется, посмотрели с удивлением, но терпеливо разъяснили, что, во-первых, баргузин — это весьма злой ветер, а Усть-Баргузин, во-вторых, и райцентр Баргузин, в-третьих, — весьма добрые населенные пункты на восточном берегу Байкала.

— Это точно или неточно, — произнес Ломакин. — Подумаешь, злой ветер...

Но стоило встретиться с баргузином, как настроение наше заметно упало, потому что неизвестно было, сколько дней нам придется стоять в Баргузинском заливе. Дело в том, что в сентябре на Байкале разыгрываются настоящие штормы, и верным признаком штормовой погоды служит забияка баргузин, который

начинает дуть с востока, погоняя взъерошенные волны, увенчанные белыми гребешками.

Зашла речь о свирепых нравах Байкала. Старший шкипер Антон Федорович Босько записал в нашем «Бортовом журнале»:

«Байкал бывает очень хороший весной, а осенью бывает очень суровый. Катер «Сталинградец» заливало волной, и люди залезли на рубку. Отсюда их волной сбило, семнадцать человек погибло, а один привязался к мачте и спасся».

Пароход «Капитан Воронин» оставил лихтер с нашей автомашиной на рейде в Баргузинском заливе, а сам ушел на северо-восток, в Нижне-Ангарск.

Усилившийся ветер не подпускал нас к пристани.

Работяга катер буквально из сил выбивался, стаскивая громоздкий лихтер с песка. Казалось, катер был привязан к чему-то неподвижному. Он и так и этак забегал к лихтеру, прижимался к нему боком, тянул назад и затем снова вперед, но мы прочно обосновались на мели, и только на следующий день, когда погода утихла, удалось протащить лихтер по узкому гирлу реки Баргузин к пристани. И тут мы с ужасом поняли, что нам не сгрузиться! Борт лихтера возвышался над пристанью более чем на три метра и отстоял от пристани на столько же.

Пришлось нам становиться чернорабочими, плотниками и одновременно инженерами. Мы перетаскали к пристани уйму бревен, чтобы соорудить «бык». Мы строили настоящий мост. Разумеется, привлекли для этой работы и местных грузчиков. На всю эту операцию ушло немало времени и еще больше денег, зато во втором часу ночи мы благополучно вытолкнули свою машину на баргузинский берег и, как говорят в таких случаях, «усталые и счастливые» с рассветом ехали уже по Забайкалью.

Кто побывал в сибирском море,
Тот не забудет никогда,
Как приласкалась к синегорью
Вольнолюбивая вода.

О, берег рыбаков-бурятов!
Как ты прекрасен и могуч,
Байкал оранжевых закатов,
И синих гор, и красных туч...

Там ветры яростны, мгновенны,
Все изменяют в миг один,
Там гривы снежно-белой пены
Швыряет в скалы баргузин.

И как-то неопределенно
Кочуют там под птичий крик,
То дерзкая сарма с Ольхона,
То несерьезный верховик.

А волны вдаль идут устало,
И под кнугами ветерков
Пасутся на горах Байкала
Стада белесых облаков.

Под вечер выброшены сети,
И серебристых омулей
Морская осень на рассвете
Кладет под золото ветвей.

Гордась уловом знаменитым,
Гостеприимная Турка
Влечет к себе как бы магнитом
Неробкий парус рыбака.

Навек запомнив эти краски,
Невольно будешь думать ты,
Что побывал в гостях у сказки,
В гостях у щедрой красоты.

Но эта сказка — рядом с былью,
И это все я сам видал:
Как бы из рога изобилья
Людей одаривал Байкал.

10 сентября

От Усть-Баргузина проложена над Байкалом дорога на Улан-Удэ. Иногда мы едем у самого берега, только узкая ленточка леса отделяет нас от байкальской воды.

Эту дорогу можно было бы назвать безлюдной, если бы не скреперисты, которые прокладывают здесь новую трассу. И часто удивляешься: идет отличная дорога, а рядом — в пятидесяти метрах от неё — строится другая. Или так: едем по хорошо укатанному грейдеру, и вдруг наша машина как бы подскакивает на два метра — на грейдер насыпан новый грунт. Прямо-таки двухэтажная трасса! В чем же дело?

А дело в том, что Ангарская плотина повысит уровень воды в Байкале. Вот и приподнимается или переносится прибайкальская дорога. Повыше или подалее от воды. А то вот-вот старую трассу зальет заметно переполнившийся Байкал.

Уровень воды в озере, повышается к осени, снижается к весне и меняется даже в течение суток, под влиянием сгонного или нагонного ветра. А если, например, вода поднимается хотя бы на один сантиметр, ее приток в Ангару возрастает до двадцати пяти кубических метров в секунду! Можно представить себе, до какой степени увеличится напор Ангары, когда общий уровень байкальской воды повысится.

По дороге в Горячинск запомнились два красивых горных озера — Шанталык и Духовое. Рыбак из Максимихи сказал: «Это ваши Байкальчики». И действительно, каждое из этих озер — Байкал в миниатюре.

Неподалеку имеется место, покрытое мелкозернистым желтым песком. Песок под ногами издает звук, похожий на скрип снега. Если разгрести — звучит какая-то заунывная мелодия. Как тут не появиться легенде о поющих песках!

Но вот мы приезжаем в Горячинск — и перед ним меркнут легенды. Его горячие источники, не замерзающие даже зимой, — невыдуманная сказка Бай-

кала. До чего оригинален облик этого населенного пункта! От здания к зданию проложены надземные деревянные арыки, по которым бежит дымящаяся вода. Женщины здесь не знают, что такое кипятить воду. Во всяком случае, для стирки горячая вода у них всегда под рукой.

Горячинску — сто восемьдесят лет. Как курорт, он значительно старше Кисловодска. С давних времен сюда приезжали люди лечиться. Были здесь и декабристы — Иван Пущин и Сергей Волконский. Сейчас в Горячинске оборудована грязелечебница. Водные процедуры. Ходишь по тропинкам, и то и дело окутывают тебя легкие дымки испаряющейся воды... Девушка-бурятка подходит к пруду. Хочет зачерпнуть воду ковшиком ладоней и напиться. Но она не удержала, выронила зачерпнутую воду — до того горяча. Много здесь ярких цветочных клумб. Через желто-зеленый парк можно выйти к Байкалу, украшенному золотистым пляжевым берегом. Люди, страдающие подагрой, ревматизмом, нервными расстройствами, лечатся в Горячинске, и, говорят, помогает.

Мы тоже решили принять целебные ванны.

После ванны Тихомиров и Ломакин сразу почувствовали, как у них укрепилась нервная система, немного расшатанная бурными переживаниями во время разгрузки автомашины с лихтера в памятном порту Усть-Баргузин.

11 сентября

За Горячинском переправляемся на пароме через Турку и последние минуты любимеся Байкалом.

Неохотно прощаемся со «славным морем». Больше мы его не увидим. Мы резко меняем курс и вот уже движемся в юго-восточном направлении, все более поднимаясь в горы. Минут двадцать назад автомашина шла среди зеленого пышного лета, а сейчас мы очутились в зрелой, золотисто-красной осени. Осень заблудилась в березняке и в лиственницах, в кустах иглистой смородины, в желтеющих склонах далеких гор.

Там, где притаились горные обрывы, дорога обозначена белыми столбиками. Путь становится петлистым, и над рекой Хайм мы останавливаемся, чтобы полюбоваться бурнокипящим потоком маленькой таежной красавицы. В этих местах снимался кинофильм «Случай в тайге».

Здесь мы познакомились с начальником одного из отделений милиции Улан-Удэ Иваном Ивановичем Кучерявенко.

— Отпуск у меня, — сообщил он. — Рыбалка.

Перед нами стоял высокий темноволосый человек в рубашке защитного цвета и в резиновых сапогах. На лоб спадала прядь волос, широкая улыбка обнажала ровные прокуренные зубы.

— Хотите, покажу тайменя?

Он открыл багажник своей «Победы» и вынул оттуда громадную рыбу, обложенную мокрыми листьями. Я взял ее за жабры и приподнял. Весила она не менее пуда. Длина тайменя стала особенно заметной, когда его хвост коснулся земли, а голова очутилась на уровне моей груди. Такой рыбки прежде видеть мне не приходилось.

Потом Кучерявенко вынул из багажника еще одного тайменя, поменьше, и мы принялись фотографировать счастливого рыболова. Кто не позавидует таким трофеям! Правда, не каждому дано возвращаться домой с такой добычей, хотя бы потому, что не всякий рыбак отважится стрелять по рыбам из ружья. Говорят даже, охота и рыбная ловля настолько разные промыслы, что каждый из них требует от человека безраздельной преданности — тогда только можно стать или хорошим рыбаком или метким охотником. Но местные рыбаки, вернее охотники, добывают крупных тайменей комбинированным способом. Сначала замучивают на крючке спиннинга, а потом приканчивают из пистолета или ружья.

— А ведь вы, товарищ Кучерявенко, браконьер, — сказал Тихомиров. — Разве по рыбам можно стрелять?

— Что вы... Я не стрелял. Это он стрелял, — и начальник отделения милиции погрозил пальцем своему товарищу.

Мы заночевали в тайге, отведали жирного тайменя и утром, чуть рассвело, опустились в живописные селевгинские долины.

12 сентября

В сентябре отголосками лета
Нас порадовал добрый Байкал,
Он прибрежной теплынюю рассвета
До Гремячинска нас провожал.

Шла машина над самой водою,
Мимо веток, зеленых пока,
Но при первой же встрече с горою
Все вокруг зажелтело слегка.

И чем выше, чем дальше от моря,
Тем сочнее золотился рассвет,
И зеленое, с желтым поспоря,
Уступало, сходило на нет.

Солнце щедро швыряло колосья,
И у матовых пор на виду
В желто-красную пеструю осень
Мы врезались на полном ходу.

Мы прощались с раздольем Байкала,
И дорога осенней красы
Словно ржавым винтом запетляла
По отрогам Улан-Бургасы.

Все вокруг удивляло расцветкой,
Янтарем покрывалось густым,
И так празднично, с красною веткой,
Пробежал быстроводный Хайм.

А деревья, как стадо оленей,
Мне казалось, паслись на скале...
Шла машина по яркой, осенней,
По таежной бурятской земле.

14 сентября

Чтобы переправиться через Селенгу, нужно из Турнтаева ехать в Покровское, а оттуда по узкой дорожке, прорубленной в селенгинском правобережье, спуститься к воде.

Вода, набегая, оmyвает колеса, пока вы двигаетесь по каменистой стeжке, пробираясь к парому. Там уже скопилось десятка два автомашин. Над нами нависает обрывистый берег, на котором, цепляясь за камни, пасутся козы. Иногда камни скатываются вниз. Того и гляди помнут кузов машины...

Как бы вы ни желали пробиться вперед, к парому,— ничего у вас не получится. Грузовым и легковым — единая очередь. Полный демократизм. Просто физически невозможно обогнать хотя бы одну автомашину. Справа — скала. Слева — вода.

— Вот переправимся через Селенгу, — говорит лысый геолог с расческой в нагрудном карманчике пиджака, — а там уже недалеко и до Брянска.

На затылке у лысого геолога все-таки есть немного волос.

— Брянск? — удивляется Ломакин.

— Это село Кабанского аймака, там сейчас затевается большое строительство деревообделочного комбината.

Районы в Бурят-Монголии называются аймаками. Нам нужен Улан-Удэ, а не Брянск. Это совсем в другую сторону. Но лысый с расческой уговаривает посетить стройплощадку будущего комбината:

— Я ручаюсь, что это исключительно интересно! Только в Брянск! Правда, в трех километрах от комбината на берегах Вилуйки будет строиться новый город, это тоже интересно, но сначала вам надо познакомиться с Брянском. Зайдите в новые трехквартирные домики. Поговорите с народом. Я уверяю вас, нигде нет таких живописных мест, как у нас на берегу Чернушки. Кроме деревообрабатывающего здесь разворачивается строительство бетонного завода и завода железобетонных конструкций. Интересно? И, главное, масса специалистов. Приехали со

всех концов страны. Попомните мои слова, через пару лет о Брянске заговорят во всех газетах.

А парома все нет и нет.

А лысый геолог с расческой все говорит и говорит. Он уже почти уговорил нас. Мы почти уже решили двигаться не в сторону Владивостока, а по направлению к Москве, но в это время в разговор вступил горный инженер. Он сидел на опрокинутой лодке и закусывал. Он сказал:

— Если вы решаетесь изменить маршрут, то я бы вам посоветовал поехать в Закамну. Это гораздо интереснее, чем какой-то Брянск...

— Что значит «какой-то», — возмутился лысый. — Не слушайте его!

— Товарищ, мы вас не перебивали. Дайте сказать. Пугешественники должны побывать в Закамне. Закамненский аймак — самый интересный в Бурят-Монголии. Почему? Там есть все, что в вашем Брянске когда-то еще будет...

— Не когда-то, а к концу пятилетки!

— От Улан-Удэ, вернее не доезжая столицы, свернете на Иволгинское, а оттуда прямым путем по отличной дороге доберетесь до Цакира. Это центр Закамненского аймака. Теперь недалеко и до промышленного центра горняков. Называется он Городок. Между прочим, открыл эти места один скотовод, дед Шампи. С ним, говорят, дружил академик Образцов, который немало потрудился в Забайкалье и просто был влюблен в эти края. В самом деле, чудесные места. Кругом тайга, крутые горы, причудливые скалистые отроги, а хребты похожи на застывшие волны... Может быть, вы слышали о Джидинском вольфрамowo-молибденовом комбинате? Как раз вокруг него и возникли горняцкие поселки: на юге Инкур, Нижний Холтосон, севернее — Баянгол. Тут у нас уольные шахты, и человек забывает, что находится среди глухой тайги. Клубы, больницы, добротные жилые дома и столовые, школы, библиотеки — словом, молодежь сюда едет с охотой, и проходит год-другой — и на окраинах поселков вырастают дома, появляются, новые улицы. И знаете, как называют их? Профсоюз-

ная, Спортивная, Совхозная. И есть у нас, как в Донбассе или в Кузбассе, свой рудник Первомайка...

Горный инженер, как я уже написал, закусывал. В левой руке он держал бутерброд с маслом и красной икрой и никак не мог откусить. Только собиравшись, но, видя, что его хочет перебить лысый геолог с расческой, вежливо приподнимал руку и как ни в чем не бывало продолжал.

Наконец подошел паром, Это прервало нашу беседу, и горный инженер доел свой бутерброд, а геолог причесал то, что оставалось у него на затылке.

15 сентября

Мы едем над Селенгой.

Карабкаемся куда-то в горы и перед Улан-Удэ движемся по шоссе, пробитому в горах. Под нами пропасть. Машину предостерегает коренастый частокол белых столбиков.

Остановились. Смотрим вниз. Там железная дорога. А еще ниже, под железной дорогой — река Селенга. Кажется, поезда плывут по реке. Пароходные и паровозные дымки перепутались. Поднимаясь вверх, они цепляются за скалы, стелются по нашей дороге, и порой кажется, что мы парим в облаках...

Путешествуя по Забайкалью, Антон Павлович Чехов находил здесь «и Кавказ, и долину Пела, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

Селенга — бурят-монгольская Волга.

Не дугообразная многоруравная дельта заметно вдвинута в Байкал и очень похожа на волжскую дельту, изрезанную каспийскими волнами. На Селенге — изыскательские партии.

В Бурятии почти осязаемо движение, проделанное когда-то отсталым народом от кочевий к оседлой культурной жизни.

Когда видишь изыскателя и узнаешь о новых промышленных центрах, — отдаешь себе отчет, что эта

республика не только достигла общего уровня современной индустрии, но и, с характерной для Сибири устремленностью в завтрашний день, ни в чем не согласна уступать своим соседям на западе и востоке.

Словно развязали стреноженного копы и он быстро понесся по вольным степям — вот образ сорокалетней советской Бурят-Монголии.

17 сентября

Горный ветер — вестник бури,
Облака парят.
За Байкалом скалы бурит
Молодой бурят.

Он берет вольфрам и уголь
Из подземных жил,
Он с угесом, точно с другом,
Крепко подружил.

Помню, сели мы с тобою
У костра осин;
Волны яростной гурьбою
Шли в Усть-Баргузин.

Горный ветер дыбил воду,
И сказал бурят:
— Я хочу отдать народу
Свой подземный клад.

И еще на белом свете
Сильным быть хочу,
Чтобы этот хвойный ветер
Был мне по плечу!

Я обнял тебя по-братски
И сказал тогда
Неумело, по-бурятски:
— Бэрхыш¹, бэрхыш, да-а.

¹ Б э р х ы ш – по-бурятски «молодец».

Вестник бури — ветер горный
Шел по берегам,
Там, где спит в глубинах черный
Уголь и вольфрам.

Верю я, товарищ милый,
В дерзкие мечты.
Ах, какой великой силой
Здесь владеешь ты!

Пролетали волны-крылья
В котловине скал,
Щедрым рогом изобилья
Выгнулся Байкал.

18 сентября

Из Улан-Удэ едем над рекой Уда по направлению к Хоринску, останавливаемся в селах...

Колхозники Бурятии соревнуются с колхозниками Читинской области. Приезжают друг к другу на сельскохозяйственные выставки, на совещания, стараются перенять полезный опыт. Пока читинцы впереди. Животноводы Бурятии решили увеличить поголовье овец на двадцать пять процентов и дать сверх плана не менее двенадцати тысяч тонн молока.

Странное дело, такие хорошие пастбища, травы богатые и водой республика не обижена, а вот удои — незначительные. Я интересовался: какой самый большой удой получили доярки Бурятии? Оказалось, что есть исключительно хорошие результаты, но они пока не характерны для республики. В колхозе имени Карла Маркса корова Любимая за лактационный год дала 6712 килограммов молока! Там отличная ферма. Коровам по утрам дают силос и концентраты, подкармливают турнепсом; все это входит в^в рацион, помимо сена и зелени. Ведутся работы по улучшению бурят-монгольской породы коров.

Когда проезжаешь по селам республики, бросается в глаза большое строительство животноводческих ферм. Их покрывают шифером и железом. Строятся

бетонированные силосные ямы, новые кошары. Во многих селах — свежестроенные улицы. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС колхозы увеличили производство шерсти в полтора раза, и это еще одна ступенька, по которой республика поднимается к изобилью.

В Бурятии расширяется Тимлююкий цементный завод. Он даст цемент не только новостройкам республики, но и гидростроителям Ангары.

В свою очередь Бурятия получит необходимые ей материалы из восточных и западных пограничных с ней областей. Ученые, работники научных центров Иркутска и специалисты из Москвы, становятся сотрудниками Бурят-Монгольской комплексной экспедиции Академии наук СССР.

Бурят-Монголия восточных Саян в руках геологов — неистощимый калейдоскоп драгоценных и полудрагоценных камней, которые успешно соперничают с самоцветами Урала, но пока не имеют такой популярности.

Бурят-Монголия — солнечная жемчужина Забайкалья.

Жемчужиной республику делают многочисленные залежи золота и графита, алюминиевого сырья и редких металлов, угля и железа... Полтора миллиарда кубометров древесины — могучие кедры и лиственницы — это тоже зеленые жемчуга республики.

Солнечная она потому, что в этом смысле не уступает Узбекистану: двести восемьдесят дней в году над республикой сияет солнце, и если наши продукты не портились, так только потому, что нам верой и правдой служил отремонтированный холодильник.

В Сосново-Озерском мы остановились у перекрестка.

Отсюда кратчайший путь в Читу через Соболку, Конду и Беклемишевские озера. Но очень уж хотелось побывать на реке Витим. И вот мы едем на Романовну. Сама Романовка — чистенький, пустынный поселок с широкой центральной улицей. Показалось, находимся мы в каком-то селе юго-восточной России, где местные жители с особой заботливостью обхажи-

вают каждое деревце. Мало того, что посадили, — обнесли высокими дощатыми оградками, чтобы не испортила скотина...

Все реки Забайкалья чем-то похожи друг на друга. Быстрые чистые волны, каменистое дно, поросшие пихтами и кедрами берега. Иногда вместо темной мохнатой хвои мелькала над рекой золотая сентябрьская березка или даже настоящая плакучая ива. И если бы не бурлящая шивера, крутящая чистые волны быстрыми воронками, — забайкальскую речку можно было бы сравнить с какой-нибудь лесной рекой нашего европейского севера.

Витим впадает в далекую Лену — единственную большую сибирскую реку, не имеющую порогов. Но сам Витим быстр и порожист, особенно в верховьях. А вокруг — тайга!

Старик в «капелюхе» на карбазе-плоскодонке переправлял через Витим охотников и ягодников.

— Места у нас богатые! — говорил он. — Не хочешь — будешь охотником. Мальчишки и то все с ружьями по тайге ходят.

О местных охотниках рассказывают чудесные были: то школьник нашел берлогу с тремя медведями, то встретился кому-то редкий зверь — «снежный баран» кругорогий длинношерстный красавец. На всю тайгу славится охотник-промысловик Максимов: зимой этого года за два с половиной месяца он сдал беличьих шкурок на 13 585 рублей — почти в четыре раза перевыполнил свой план.

Богат север республики — богата тайга! И красива...

До Романовки мы все время двигались на северо-восток, а теперь, миновав поселок Щегольский, откуда идут тропы на Курлатку и Шэнэ-Далай, едем на юг, к Чите.

Давно мы не видели такой превосходной дороги. Хорошо утрамбованный грунтовый покров. Через мелкие речушки перекинута красивые мостики. Столбики на поворотах выкрашены. В Телембе нам сказали, что по такой же отличной дороге можно до-

ехать до самой границы с Монгольской Народной Республикой.

Ночуем в Мухор-Кондуе. Это уже Читинская область.

19 сентября

Тайга, сопки — сизые вдали и темно-зеленые, когда проезжаешь рядом. Встречаются луга — травы, давно скошены — однообразные, скучные. И опять тайга — болота, речки, бесконечные озера. Говорят, лучшее время года в Забайкалье — осень и зима. Осень действительно хороша — сухо, солнечно. Небо синее-синее, и в воздухе чистая звонкая сушь. Вот что писал о здешних местах русский ученый Г. Н. Осокин:

«Климат Забайкалья признан очень здоровым. Чистый гористый воздух, яркое солнце, отсутствие туманов... отдельные местности являются в полном смысле ценными уголками Забайкальской Швейцарии...»

«Живописные окрестности и прекрасный климат...» — говорили о Чите декабристы.

Да, старое Забайкалье — край ссылки декабристов, та самая «глубина сибирских руд», «каторжные норы».

Декабристы жили в Чите, «забытой богом и людьми глухой забайкальской деревушке». Сперанский, генерал-губернатор Сибири, называл Нерчинские заводы «преисподней... последней линией человеческого бедствия и терпения». В те времена Читу официально именовали не деревней и не поселком, а «острогом». Полсотни домов, деревянная церковь, хлебная и соляная лавки да тюрьма, где ночевали «колодники», проходившие через Читу в Нерчинск.

Было в Чите несколько кузниц и мельница. Жители занимались жжением древесного угля. По Ингоде и Шилке этот уголь, горняцкие орудия, мука и другие товары на плотах сплавлялись в Нерчинск.

Кандалами каторжников, старой тюрьмой, эпидемиями сибирской язвы и оспы — вот чем «славилась»

Чита, изрытая оврагами, из которых самый боль — «Чертову могилу» — засыпали декабристы. Около улиц Калинина и Якутской мы видели следы бывшего оврага.

Первыми учителями, врачами, первыми исследователями быта, нравов, песен, религии далекого, почти неграмотного края были декабристы. «Государственный преступник» декабрист Вольф сумел привить оспу почти всему населению Читы. Исчезла страшная болезнь — натуральная оспа.

Декабристы учили грамоте детей, но просьбу об открытии школы местные власти отклонили. Братья Бестужевы открыли мастерскую, в которой население обучалось различным ремеслам. Братья Борисовы были первыми читинскими метеорологами, они же собрали огромные коллекции растений, насекомых и минералов Забайкальской тайги.

Говорят, было дело
Лет за триста назад,
Как казна приглядела
Забайкальский посад.

Говорят, обо всяком
Толковали в пути,
И хотелось казакам
Счастье-радость найти.

Там, слышать, на заимке
Есть хатёнка одна,
Вся в сиреновой дымке,
Как в косынке она.

Что-то видится смутно:
«Чи та, чи не та?»
Может быть, потому-то
И назвали — Чита.

Поселились и вскоре
Стали жить-поживать.

Но не в радость, а в горе
Забайкальская кладь.

Люди счастья хотели,
Доверяли мечте,
Но в конвойной метели
Годы шли по Чите.

И она хуже ката
Обернулась сама,
Как добытчица злата,
Как сырая тюрьма.

Не уйти от печали...
Чем ты стала, Чита?
О такой ли мечтали,
Чи та, чи не та?

Ты — нагайка со свистом,
Звон кандалных дорог,
Это ты декабристам
Отворила острог,

Со свободой боролась —
И хоть в землю ложись...
Забайкальская волость,
Проклятушая жисть!

А года за годами
Шли своей чередой,
Годы шли и гадали,
Что им делать с Читой.

В этой затхлой и босой
Захолустной дыре,
Кто-то крикнул: «Не бойся!»
И — навстречу заре.

Он печатал листовку,
И, как в поле пары,

Подымал забастовку,
И водил на маевку
У Шерловской горы...
Как по мартовским водам,
В ледолом-ледоход
За Семнадцатым годом
Так и хлынул народ.

И, преграды не зная,
Встрепенулась Чита.
Что с тобой, кондовая,
Чи та, чи не та?
На глазах молодела,
Шла во всю свою страсть
За великое дело,
За советскую власть.

Годы шли за годами.
И твердили одно.
Как они загадали,
Так и вышло оно.
Из разрухи и пепла
Там, где пролита кровь,
Поднималась и крепла
Забайкальская новь.
Становилась тем краше,
Чем сильнее обдавал
Революции нашей
Обновляющий шквал.

В пору ломки и роста
Хорошела Чита.
Не узнать ее просто —
Чи та, чи не та?
Город светлый, зеленый,
Окрыленный мечтой.
И с цветами, влюбленный,
Я встречаюсь с Читой.

20 сентября

Едем степью. Появляются гольцы — холмы, на которых нет растительности: только сухие мхи да самые неприхотливые травы могут расти на этой каменистой почве. Часто у подножия гольцов встречаются валуны — огромные каменные глыбы, пестрые и шершавые от наросших лишайников. Гольцы! До чего же точно названы: ни травинки, ни кочки — голый холм! Но иногда вершину такого гольца украшает густая невысокая сосна, напоминая своим силуэтом где-то виденный китайский рисунок.

Попадаются зимние становища чабанов. В одном из них мы увидели замечательный «магазин без продавцов». Стоит посреди степи огромный шкаф; закрыт, но не заперт. Можете подойти, открыть, взять с полок сахар, пряники, мыло, духи или ламповое стекло. Цены указаны. Касса — ящик с деньгами — стоит тут же. Платите, берите сдачу. Случая «недостачи» или «растраты», говорят, не было. А как нужны такие магазины в зимние месяцы, когда неожиданный степной буран отрежет от чабанской бригады ближайший населенный пункт!

— Неужели никогда не запираете? — удивлялся Ломакин.

— Если все со стана уходим, так закрываем. Кто уходит последний запирает и ключ себе берет.

Нас, конечно, заинтересовала «торговля без продавца». Хотелось узнать единичный это случай или где-нибудь торговые работники тоже проявили подобную инициативу. Такие магазины в последнее время появились во многих городах, например, на Краснопитерской улице в Сталинграде, но в селах, тем более в колхозных станах подобной торговли до сих пор я не встречал. Не трудно догадаться, как я обрадовался, когда узнал, что в Улетовском районе Читинской области колхозники артели имени братьев Суших уже давно покупают без продавца нужные им товары, при этом сами берут сдачу и сами отвозят денежную выручку. Вот что рассказывает председа-

тель Доронинского сельпо Григорий Кузьмич Боришполец:

— Далеко, порой за десятки километров от ближайшего населенного пункта, зимуют чабаны с отарами. На каждого из них приходится сотни овец. Ни на минуту нельзя упустить отару из поля зрения. Не ровен час — подымутся метель, пурга,— у нас в Забайкалье это случается не так уж редко. Как же быть, если вышли в бригаде все продукты, а отлучиться в село за их покупкой нельзя? В то же время держать в каждой бригаде специального продавца сельпо тоже не может. И вот на общем собрании животноводов мы рассказали о новом порядке торговли, объяснили, как и что сделаем, чтобы удовлетворить их спрос на продукты и товары.

На другой день после собрания, — продолжает свой рассказ Боришполец, — мы увезли в Унтыкей, к месту зимовки одной из бригад, первую партию товаров. Конечно, никакого специального помещения под магазин мы не имели. Тем не менее первые результаты торговли без продавца оказались хорошие. Чабаны узнали об этом и теперь всякий раз, когда едут в бригаду, берут с собой деньги, и дети с нетерпением ждут родителей с гостинцами, как прежде ждали их из города. За короткое время мы продали продуктов и товаров на тысячу семьсот восемьдесят четыре рубля. Недостач не было. Вот почему после Унтыкея мы организовали торговлю без продавца и в урочище Щеки. Завозим товары на машине раз в неделю, а деньги собираем два раза в неделю. Словом, могу сказать одно: такая торговля в чабанских бригадах целиком себя оправдывает...

Вытоптанная скотом степь. И вдруг — щетинистая осенняя трава сухая, высокая. Как же это прозевали столько сена? Почему не скосили?

Нет, это вторично отросший, скошенный летом участок. В местах, где зимой пасется скот, сенокос проводят по возможности раньше, поэтому и вырастает к осени хорошая отава.

Широки и плодородны ононские степи. Вот она,

поднятая целина, забайкальские целинные земли. Из Свердловской области приехали сюда целинники, колхозники-переселенцы. Для них строят в Ононском районе двухкомнатные сборные домики, которые привозят сюда из Читы, с лесоторгового склада. Двести пятьдесят домов построили в этом году плотники лесосклада.

В 1954 году валовой сбор зерна в колхозах области не превышал трехсот тысяч тонн. Целинные земли (освоено 154 тысячи гектаров) дали возможность получить почти пятьсот тысяч тонн зерна, а это в свою очередь заметно подняло животноводство.

Читинцы гордятся работой своих овцеводов. В области выведена своя, забайкальская порода тонкорунных овец. Несколько лет назад в Забайкалье смеялись над мечтами энтузиастов-овцеводов о шести-семи килограммах шерсти с каждой овцы. А в этом году в совхозе имени Ворошилова порой настригали по двадцать два с половиной килограмма тонкой шерсти!

21 сентября

Еще в Красноярске получил я письмо от своего товарища, бурят-монгольского писателя Цыден-Жапа Жимбиева. Мы вместе учились в Литературном институте имени Горького.

«Здравствуйте, друзья! — писал Цыден-Жап. — Из газет я узнал, что вы совершаете автомобильный поход Москва — Владивосток. Я написал вам в Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ и Читу (на главпочту «до востребования», в областные отделения Союза писателей и в ДОСААФ). Я очень хочу, чтобы вы к нам приехали! Я живу в колхозе имени Сталина Цокто-Хангильского сельсовета Агинского Бурят-Монгольского национального округа. Приехал сюда с семьей на два года. Хочу завершить книгу о чабанах. Колхозники поддерживают мое приглашение. Если вы согласитесь, о вашем приезде узнают все, будем встречать. Колхоз у нас богатый — три миллиона годового дохода, тридцать тысяч овец, пять тысяч го-

лов крупного рогатого скота. Встретим вас как положено. Проведем праздник — День животновода. Войлочной юртой обеспечим! Увидите здесь смесь экзотики с цивилизацией: рядом с юртой — культбаза, верблюдов обгоняют «ЗИМы»... От Читы до нас сто семьдесят километров, дорога первоклассная! Приезжайте скорее! Старый литинститутец Цыден-Дап Жимбиев».

И вот мы едем в село Цокто-Хангил.

Дороги здесь прямые, как стрелы, а стрелы легкие, как дороги. Легко по такой дороге мчаться по необозримой степи и не заблудишься. Потому что все они, в конце концов, ведут в центр национального округа — Агинское.

Иногда на горизонте появляются огромные серо-белые тучи. Они низко стелются по земле, и не поймешь — то ли это пыль поднялась, то ли облака на землю упали. Подъедешь, а это отары — огромные, медленно движущиеся. Попадают табуны необъезженных коней. А вот промчался обещанный Цыден-Жапом «ЗИМ». Современная степь, ничего не скажешь!

22 сентября

В Цокто-Хангил мы приехали ночью. Желтая луна помогала различать дорогу. Мы заметили домик, в котором горел свет. Возле дома стоял велосипед. Дверь была открыта.

Я посмотрел в окно. На широкой постели, застланной белоснежной простыней, спала женщина в странной позе: на коленях. Видимо, перед этим кормила ребенка. Я постучал. И вот во двор вышел учитель Ананда Садбоев, увидел нашу машину, и сказал:

— Вы к Жимбиеву?

Я вспомнил: «...о вашем приезде узнают все».

Он показал дом Цыден-Жапа. Я постучал в окно и услышал женский голос: «Виктор!» Тамара Бабушкина, жена Цыден-Жапа, сказала, что его дома нет. Мне было радостно, что здесь меня знает женщина, с которой я не знаком. Жимбиев ночевал в степи, у

животноводов. Тамара сказала: «Почему вы не прислали телеграмму, он вас так ждал!»

Тамара познакомила нас с Шурой Сахаровской. Шура — художница, бурятка, учится в Ленинграде. Приехала сюда рисовать. Она уроженка Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа в Иркутской области. Там буряты носят русские фамилии. Тамара Бабушкина тоже родом оттуда. А здесь, в Цокто-Хангиле, коренные жители — Цоктоевы, Жамсарановы, Рыгзыновы... Шура пояснила:

— Это тибетские имена. Влияние буддийской религии. Любопытно, что, как и у европейцев, многие имена что-то означают. Например, секретарь парторганизации — Эрдени Рыгзынов. В переводе на русский Эрдени — это драгоценный камень...

Полночи мы проговорили. Потом Шура и Тамара провели нас в юрту, которая стояла возле дома и была приготовлена для нашего ночлега. Спали мы как убитые, часов до двенадцати, а когда я проснулся — увидел перед собой сияющее лицо Цыден-Жапа.

Сегодня утром, в связи с нашим приездом, состоялось заседание партийного бюро колхоза имени Сталина.

Секретарь парторганизации Рыгзынов доложил собравшимся, что мы приехали в Цокто-Хангил прямо из Москвы, что нас пригласили посетить колхоз и поэтому надо все как следует организовать.

— Если хотите, будете жить в юрте, — сказал Рыгзынов. — Праздник День животновода назначаем на завтра. Питанием обеспечим.

Вечером к дому Жимбиева привезли на машине барана.

Один из колхозников должен был его резать. Он снял пиджак и засучил рукава. Барана положили на спину, два человека держали его за ноги, и колхозник быстро провел по животу ножом.

Я с удивлением смотрел на невозмутимо спокойную баранью морду. Баран, когда его резали, не только не проронил ни звука, но даже не встрепенулся, словно он был под наркозом. Через минуту флегматично закрылись бараньи глаза.

Я удивился. Такое поведение животного на смертном одре показалось мне странным. Но Рыгзынов пояснил:

— Редко когда баран закричит в такой момент.

— Потому и говорят: «Глупый, как баран», — добавил Цыден-Жап.

В самом деле: его режут, а он улыбается.

В степи, рядом с Цокто-Хангилом, разбросаны могильные камни и плиты: тут погребены знатные предки степных кочевников. Шура Сахаровская целые дни пропадает в степи. Ее альбомы полны зарисовок из жизни скотоводов. Могильные памятники. Орел на самом высоком из них. Степные травы, взволнованные ветром... Какого художника не притянет эта самобытная суровая красота! Шура подарила нам свой набросок — степную юрту. Эту ее работу мы помещаем в нашей книге.

Тамара окончила театральное училище в Улан-Удэ и здесь в Цокто-Хангиле руководит колхозной самодеятельностью. Верные дети своего народа — молодая художница, писатель и актриса отдают землякам все, что знают, все, чему научили их вузы.

На культбазе есть Красная юрта. Это степной клуб. Под вечер, когда закатывается солнце, чабаны, табунщики и доярки подъезжают сюда на конях, на мотоциклах или велосипедах. Слушают радио или патефон, а иногда комсорг Цыден-Дондок Сунрапов играет на лимбе (вроде нашей флейты). Я видел колхозника, державшего на коленях хур, струнный инструмент, очень похожий на скрипку. Бывает, и днем у Красной юрты собираются скотоводы, читают газеты, книги или расспрашивают Цыден-Жапа о Москве. Нас тоже попросили выступить в Красной юрте, и мы рассказали колхозникам о своей поездке.

24 сентября

Сегодня День животновода.

Нам решили показать все, чем могли похвастаться колхозники Цокто-Хангила: сур-харбан — стрель-

бу из лука, конные скачки — мори-урилдан; национальную борьбу — бухэ-барилдан.

Пока стрелки, борцы и наездники готовятся к состязаниям в ловкости и уменье, молодежь сходится в круг, и начинается медленный, монотонный, и бесконечный, как степь, национальный танец ёхор. Кажется, это покачивается степной всадник на плавном коне. Будто не торопит он скакуна и сам не торопится.

Но какие страсти разгораются, когда бригадир огородной бригады старик Цырен-Жап Цыремпилоз машет красным платком и колхозные всадники, срываясь со старта, несутся вперед! Нет слов, чтобы передать, как «болеют» зрители.

Например, старуха в ярком узорчатом тэрлике (национальная одежда) и мальчишка лет пяти со значком «ВСХВ» на кармашке коричневой вельветки, — они вытянули шеи, оба закусил нижнюю губу и, хлопая себя руками по бокам, возбужденно кричат, словно их крик может прибавить скорости коню или спокойствия всаднику... Да, недаром здесь любят говорить: «Бурят рождается на коне!»

Впереди мчался недавно демобилизованный из армии Цырен-Даши Гонгоров. Он прискакал к финишу на Серко. Цокто-хангильцы уверяют, что Серко лучший конь в округе и уже четвертый год получает первые призовые места на многих состязаниях.

Видели бы вы, как приветствовал народ Гонгорова! Его схватили, стали качать и спели в его честь песню. Прославление победителей песней или стихами, видимо, характерно для бурятов. Когда завершилось состязание по борьбе, новый колхозный чемпион должен был выслушать не только восторженные возгласы в свой адрес, но и стихотворение, посвященное ему Цыден-Жапом.

Борьба здесь проходит так. В круг выходят смуглые, обнаженные до пояса люди, и, прежде чем начнется схватка, секунданты повязывают их бедра матерчатыми поясами. Секунданты напутствуют борцов: «Будь смелым!» — и выводят их в центр круга. Противники наклоняются к земле, берут пригоршня

песку, натирают руки и схватывают друг друга за пояса. Каждый старается сбросить другого на землю. Правила очень строгие. Достаточно коснуться земли коленом или хотя бы кончиком пальца, как уже засчитывается поражение. Состязание, которое мы наблюдали, было в своем роде сенсационным. В этот день был побежден многолетний чемпион колхоза, и теперь это звание получил молодой чабан Митоха Холхонов.

И, наконец, стрельба из лука: сур-харбан. Вычерчена квадратная площадка, на ней лежат небольшие кожаные шарики: надо попасть в шарик тупоносой стрелой и выбить его за поле квадрата. Стрелки, одетые в яркие национальные костюмы — тэрики, невозмутимы. Заброшенные за спину колчаны со стрелами легко вздымаются и опускаются — видно, как глубоко человек дышит. Но вот поднят лук, натянута тетива — и застыл колчан на спине, ни вверх, ни вниз: стрелок притаил дыхание, целится! Стреляют цокто-хангильцы великолепно! Только и видим, как вылетают за черту кожаные шарики... Однако в каждой бочке меда найдется ложка дегтя. Не обошлось и на этот раз без приключений.

Тихомиров, снимавший праздник, решил запечатлеть лучшего стрелка — победителя соревнований «сур-харбан». Пленки у нас оставалось немного, и Тихомиров берег буквально каждый метр. И — удивительно! — стоило крикнуть: «Внимание, съемка!», как у лучшего колхозного стрелка начинали дрожать руки и стрела летела куда-то в сторону. Так было несколько раз. Тихомиров нервничает, стрелок волнуется (позор всему колхозу!), пленка пропала...

Но выручил «Бортовой журнал». Мы вовремя вспомнили напутствие декана ВГИКа А. Головни: «Основы кино — драматургия! Поэтому сначала думайте, потом снимайте». И вот мы поставили бедного победителя на два метра от цели, крикнули: «Съемка» — и «униженный и оскорбленный» стрелок попал-таки в злополучный клубок кожи. Этот момент и был заснят кинооператором, который сказал: «Выручит монтаж».

Здесь мне хочется заметить, что бедный победитель Дугар Юндунов, вынужденный позировать на киносъемке, был человеком отнюдь не робким. Ведь это о нем говорят здесь: «На все руки мастер». Он и механик хороший, и борец видный, и ведущий артист местной самодеятельности, а вот растерялся перед киноаппаратом, и, разумеется, ему тут же было сказано: «В киноартисты, Дугар, ты пока не годишься».

Праздник так праздник: до темноты около Красной юрты танцевали, было шумно илюдно, кричал репродуктор, пели девушки что-то свое, народное и вдруг — «Широка страна моя родная» по-бурятски.

Праздник — День животновода — обыкновенно длится несколько дней. Но не только национальными состязаниями и коллективным пиром ознаменованы эти дни. Завтра, например, перед колхозниками выступит приехавший сюда из Улан-Удэ Бурят-Монгольский театр драмы. Будет показана пьеса Островского «Гроза», а послезавтра пьеса бурятского драматурга Шагжина «Первый год», посвященная современной жизни колхозной деревни.

...Мы покидаем Цокто-Хангил. Длинной черной цепочкой летит над нами гусиная стая. Перед Агинским, когда вдали уже можно различить очертания буддийского дайцана² с характерными загнутыми крышами, старый чабан говорит нам:

— Скоро будут дожди, а то и снег пойдет: гуси летят без крика.

25 сентября

Там за гольцами, над рекой Кручина,
Решил парнишка строить городок.
Ему все это осень поручила,
И он спешит и обещает в срок...

Мы встретились.
Он был геодезистом.

² Д а й ц а н — буддийский храм.

Задумчиво площадку разбивал.
Усердствуя под кленом золотистым,
На ватмане вычерчивал квартал.

И внешне он работал деловито,
Но сам не знает, чья же тут вина,
Зачем глядит в глазок теодолита
Туда, где появляется она.

Знакомились друг с другом понаслышке,
Смотрели невзначай издалека,
Он знал о ней — работает на вышке,
Она о нем — на стройке городка.

Вниманьем награждают за внимание,
Приветом отвечают на привет —
Он ей назначил первое свиданье
На улице, которой еще нет.

Грузили вещи в кузов пятитонный,
Спешили на участок на другой.
В тот самый день любимой и влюбленной
Уехала она, махнув рукой.

А даль была, как молодость, открыта,
И встречный ветер рвался напрямик,
И долго он в глазок теодолита
Смотрел, как удалялся грузовик.

Разлука показалась нестерпимой,
И за неделю трижды, может быть,
Цветы и песни он возил любимой,
Не зная, что б еще ей подарить.

Жизнь начиналась ярко и сурово,
Лежал простор, как чистая тетрадь,
В которую от слова и до слова
Им нужно было многое вписать.

Учились строить рудники и зданья.
Встречать большой строительный рассвет,

Идти вперед,
И назначать свиданья
На улицах, которых еще нет.

26 сентября

Из Агинска направились к реке Онон, спустились к ее низовьям, туда, где, сливаясь с Ингодой, Онон образует Шилку.

Над Шилкой широко раскинулись приземистые, одноэтажные поселки Нерчинск и Кокуй. Невольно вспомнилось: «Шилка и Нерчинск не страшны теперь...» Стали встречаться небольшие горнорудные заводы, драги-работяги, и воображение перенеслось в те далекие времена, когда из этих мест уходил к Байкалу герой знаменитой песни...

В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала...

Мы заночевали в новом поселке Сретенского судостроительного завода. С каждым днем жилой площади требуется все больше: недавно сюда приехала большая группа молодежи из Башкирской республики. Пока они возводят дома для себя. Этим летом сретенские судостроители выпустили новый тип сухогрузного речного теплохода. Мы видели: готовился к спуску на воду один из таких теплоходов.

Если вы задумаете совершить автомобильное путешествие из Москвы во Владивосток и через сто суток восемь дней после старта появиться в Сретенске, то здесь местные жители в один голос будут вас уверять, что до Благовещенска своим ходом вы не проедете. Однако вдоль границы имеется дорога, во всяком случае, она нанесена на карту...

Вчера нам сказали: «Кто не побывал на Амуре, тот не получит полного представления о Дальнем Востоке». И захотелось возможно больше времени провести на знаменитой дальневосточной реке. Поэтому из Сретенска мы двинулись вниз по Шилке к селу

Покровка, около которого и берет свое начало Амур. Итак, нам предстоит проделать одну тысячу двести девяносто шесть километров до города Благовещенска.

При первом взгляде шилкинские берега кажутся однообразными, но если присмотреться к ним повнимательней, они поразят вас своей многокрасочностью: цветастые скалы — мозаика синих, красных, зеленых, желтых глыб — неожиданно исчезают, обнажая раздольный простор осенней лучезарности.

Местами прибрежные сопки как бы забрызганы каменистыми сыпунами, и чуткая вода, вздрагивая, отражает разноцветные шилкинские берега.

Но вот замечаем на склоне горы крупные буквы, выложенные из камня: «МЫ ЗА МИР». Как видно, нет уголка в нашей стране, который бы оставался в стороне от этой борьбы.

27 сентября

К сентябрю Шилка мелеет. Течение уже не такое бойкое, и местные шкиперы не любят Шилку в это время: медленнее идут буксиры, дольше разлука со Сретенском. Пароход «Байдуков», курсирующий по Шилке, подводит баржи к Покровке, и здесь, как эстафету, берут их на буксир благовещенские пароходы.

В давние времена в скалистом левобережье Шилки была выдолблена дорога. Во многих местах запущенная, она тянется более чем на сотню километров, огибает распадки, угрожает проезжим скинуть их в воду и снова то уводит в сторону, то выбегает на берег. Нелегко по ней доехать до того места, где Шилка встречается с Аргунью, и вместе они дружно дают начало сразу широкому и полноводному красавцу Амуру.

Покровка — первое село на Амуре, и если выйти, на высокий берег и посмотреть вдаль, можно увидеть сразу и Аргунь и Шилку, которые вместе с Амуром напоминают голубые ленты, завязанные здесь тройным узлом.

Вдали за островом, китайская деревня Алехахаде.

По внешнему виду она ничем не отличается от русских селений: домики деревянные, около них сараи или навесы, землянки-кухоньки, а на воде — лодки и небольшие плоты-салики.

В Покровке встречаешь катерок гидрологов, который неугомимо снует по Амуру, временами останавливается, чтобы замерить глубину или течение реки. Эти данные передаются заместителю начальника изыскательской партии гидрологу Владимиру Яцко. Вот он согнулся над столом, покрытым калькой, и тушью наносит какие-то цифры на русло нарисованного Амура. Это крупномасштабная карта. Она позволяет сделать те первые обобщения, которые в дальнейшем сыграют важную роль. Проектировщики гидроэлектростанции учтут эти данные, когда будут составлять проект и выбирать створ для строительства будущей плотины. Примечательно, что в самом начале Амура — уже изыскатели...

Детство мечтает о Дальнем Востоке,
Юность уходит на Дальний Восток,
Молодость дарит тайге новостройки,
Зрелость возводит степной городок...

Вспомню, как сумерки встретил на Шилке,
Вспомню еще пограничный закат:
Красный и желтый, он был, как нашивки,
Те, что носил за ранения солдат.

Вечер припомнится залитый лунью,
Домик гидрологов на берегу.
Там, где Амур, там, где Шилка с Аргунью
Вместе рисуются буквою У.

Что это значит? Быть может, уменье,
Удаль, упорство, уверенность, ум
Лучших людей моего поколения,
Полных дерзанья и творческих дум.

В самом начале Амура, в Покровке,
Как следопыты великой реки,

Жили ребята особой покройки,
Жили геологи-буровики.

Здравствуй разведчик амурского створа,
В коже, в резине, в спецовке сырой, —
Все же приятно подумать, что скоро
Всюду услышат: Амургидрострой!

Как хорошо и как сладко, наверно,
Если ты скальной основы достиг,
Выбурил первые столбики керна,
Выполнил первый анализ на сдвиг.

Детство мечтало о Дальнем Востоке,
Юность спешила на Дальний Восток,
Молодость — трудные, сжатые сроки,
Зрелости — дать электрический ток.

28 сентября

В крупном амурском селе Игнашино старики расскажут любопытные истории о прошлом своего края, дадут объяснение тем или иным словам, непременно подарят какую-нибудь легенду или быль, и перед вами приоткроются двери в прошлое...

На берегах Амура, там, где ночью зажигаются огни, эти добрые друзья идущих пароходов, нередко можно увидеть одинокие избушки, в которых и проживают амурские бакенщики.

Какой-нибудь дядя Вася или дедушка Федя вспомнит, как в давние времена амурские казаки изыскивали различные способы подхода к диким зверям. Однажды один казак убил косулю-самца, которого в простонародье называли гураном. Шкуру зверя он надел на себя и вышел на охоту. Долгое время охота была удачной, и местные жители удивлялись и завидовали его везенью. И вот другой охотник, выйдя на сопки, заметил в кустах гурана. Охотник убил зверя, а когда подошел — оказалось, что это человек...

— С тех пор и называют старожилов «гуранами», — скажет дедушка Федя и тут же выложит дру-

гую историю: — Было это, дай бог памяти, еще при царе...

И вы узнаете, что за Амуром в некие времена у одного игнашинского казака умерла мать. Стал казак рыть могилу и нашел крупные слитки золота. Весть об этом быстро разнеслась по округе, и сюда толпами двинулись тысячи людей. Так и стали называть эти места — «Игнашинская Калифорния». Русские и китайцы селились на речушках за Амуром, и была здесь учреждена республика золотоискателей. Говорят, даже свой президент был. Граждане республики платили налоги местным властям, подчинялись выработанным законам. Одни крепко богатели, другие — разорялись. Три года просуществовала республика, а затем распалась.

29 сентября

Мы уже на территории Амурской области. Начался Дальний Восток — легендарный, все еще мало изведанный край. «Край» — в полном смысле этого слова: край страны.

Только когда попадаешь сюда, начинаешь понимать, почему называли этот край Дальним. Все время ощущаешь, как далеко ты от Москвы, оттого, что зовем мы Центром. И это не потому, что жизнь здесь другая, какая-нибудь «окраинная», «захолустная». Нет, жизнь здесь вполне «центральная». Ощущение, дали чисто физическое. Это можно понять, когда начинаешь мерить расстояние не километрами, а часами. Вот мы уже отъехали от Москвы на шесть часов вперед. У нас шесть часов утра, а в Москве двенадцать ночи. Бьют куранты Кремлевской башни... Пять минут назад у нас уже было 29 сентября, а в Москве все еще 28. Ломакин ночью звонил по телефону в Москву и, радуясь хорошей слышимости, говорил «со вчерашним днем».

Нам кажется, что мы уехали в завтра.

Впрочем, мы уехали в завтра не только потому, что раньше, чем дома срываем листки календаря, по-

прежнему висящего у нас в машине. Нет, мы приехали в завтрашний день родины. Спросите у энергетиков, где «завтра» советской энергетики, — они ответят «на Дальнем Востоке»; у геологов — где мы будем черпать завтра богатства наших недр, — «на Дальнем Востоке».

Сегодня этот огромный район «страны еще сравнительно мало населен. Но молодежь — строители завтрашнего дня, завтрашние инженеры, завтрашние ученые — уже устремилась сюда.

Сегодня этот удивительный по своему разнообразию край еще мало изучен. Но уже ясно, как он богат. Недаром местные жители называют свою землю «золотой».

— У нас земля всякого золота, — говорят они, — не только обыкновенного, золотого золота, но и черного — угля, и жидкого — нефти, и зеленого — леса, и даже мягкого — меха. И еще есть у нас живое золото — рыба.

Все эти ресурсы края сейчас быстро изучаются и осваиваются. И, верно, наступит время, когда первое, настоящее золото померкнет перед этими богатствами.

Но уже сегодня Советский Дальний Восток быстро растет как мощный индустриально-колхозный район. Здесь развивается комплексное хозяйство: угольная и нефтяная промышленность; черная и цветная металлургия; химическая, машиностроительная промышленность, лесная, рыбная; производство строительных материалов; сельское хозяйство.

Да, «край страны». Но «край» этот — не кромка земли у океана, а полоса более трех миллионов квадратных километров, одна восьмая площади СССР, больше чем пять Франций. И хотя уже, говорят, «виден конец» нашего путешествия, все же до Владивостока еще много дней. В содружестве с Амуром мы пока держим путь на Благовещенск.

Джалинда. — Благовещенск. — «Амурская прерия». — «Юли-юли». — «Си Сеи-чи будет жить!» — У сопки Ответной. — В Хабаровске. — «Волшебный камень». — Бурлит. — Новостройка и письмо Андрея Панченко. — Вагутон. — Колхозная птицефабрика. — В дебрях Уссурийского края. — Вокруг У-вей-цзы. — Сады шахтерского Артема. — Встреча с Тихим океаном. — Владивосток.

1 октября

Говорят, что южане большую часть года живут в садах: здесь они обедают, стряпают, даже ночуют. На Дальнем Востоке, можно сказать, живут в садах круглый год. Сады здесь в комнатах. Удивительно умеют дальневосточники выращивать комнатные цветы! Не только в квартирах, но и в читальнях, в столовых, на вокзалах, даже в бухгалтериях — заросли пальм, раскидистых древовидных фикусов и пышных кустов так называемой китайской розы с большими алыми цветами.

— Какие у вас чудесные цветы! — говорю я Феодоре Николаевне Пономаревой, хозяйке небольшого домика над Амуром.

— Что за чудо... — откликается она и окидывает небрежным взглядом свои розы. — Ухаживают за

— Хотите,
покажу тайменя?

Юный скептик Э. Турецкий.

Восторженный профессор
М. М. Кожов.

У мыса Кадильного.

Улан-Удэ.
Дворец культуры
Паровозо-вагонного завода.

Река Витим.
Вдали — Муйский
горный хребет.

Чита. Площадь
имени Ленина.

Цыден-Жап Жимбиев и герои
его повести.

Рисунок бурятки Шуры
Сахаровской.

Агинское. Буддийский
храм-монастырь даицан.

Могильные памятники
бронзового века.
Агинская степь.

В Забайкалье много таких вот хороших дорог.

Город Сретенск.

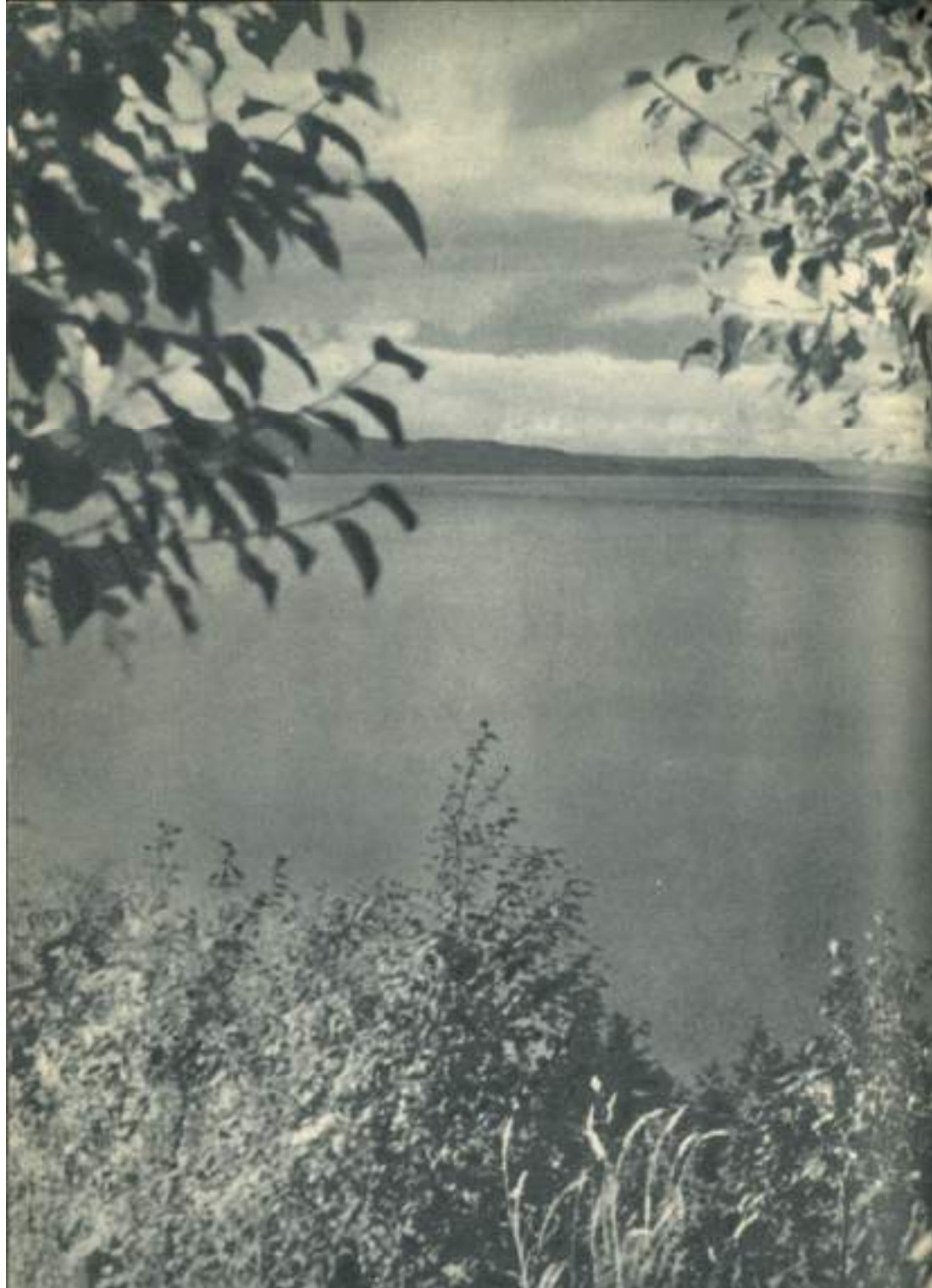

Гольцы — характерные для Забайкалья
возвышенности, на которых нет растительности.

Неожиданное препятствие.

Амур.

КАК МЫ ЕХАЛИ

Пусть над Московским морем
Задумчивый баян
Поет, а мы повторим
Про Тихий океан,

Я верил, что поеду,
И знал: настанет срок:
Мы поведем «Победу»
Москва — Владивосток...

1. Пришлось выкупаться...
2. Завязли в болоте..
3. Опасная переправа...
4. Когда включен
демультипликатор..
5. Ни вперед, ни назад...
6. Мечты о бескамерных
шинах...
7. На сибирской дороге
отвалился кардан...
8. Кобыла, она нигде не
забуксует...
9. Попытаемся переехать...
10. Утренний туалет.
11. День рождения Тихомирова.
12. Банный день.

Здравствуй, разведчик амурского створа!

Кончилась пленка...

Медведь-рыболов
на Амуре.

Дальневосточные сопки.

Момент ловли тигра.
Прижатый рогатинами...

Опять уходят сумерки в наряд,
И часовой стоит у перевала,
«Спокойной ночи» здесь не говорят,
Чтоб с добрым утром Родина вставала.

Хабаровск. 12 октября 1956 года.
После зимы начинается осень...

Владивосток. 26 октября 1956 года.

Финиш. Сто семьдесят девятый день путешествия.

Октябрьским праздникам Владивостока мы привезли
первомайский привет Москвы.

ними от рождения, нянчатся с ними — вот они и распушились, распустили хвосты. Какое уж чудо? Чудо у нас вон где.

Она подвела меня к окну. Но за окном — только сопки.

— Вон, вон — на сопках. Багульник.

— Ну и что? Что особенного? Просто рыжий кустарник.

— Вот растет себе, — задумчиво говорит хозяйка, — никто его не поливает, не подрезает, не подкармливает. А возьми среди зимы нарежь этих палок, поставь в теплую воду — и через неделю такой букет распухнет!

— Букет листьев? — спрашиваю я, вспомнив, как в детстве весной сестра ставила ветки с почками в бугылки.

— Какие листья! Цветы! — торжествует хозяйка. — Небольшие такие цветочки, лиловые или такие, знаете, пурпуровые. Прямо огнем горят. Кто не знает, мимо пройдет: думает — прутья, что с них возмешь? А ты их только отогрей — и они покажут себя. Цветы ведь тоже живые. У каждого свой характер.

По сравнению с другими населенными пунктами Амура, Джалинда — весьма солидный поселок. Видимо, в дальнейшем Джалинда станет центром амурских гидростроителей. Во всяком случае, уже сейчас местные жители любят говорить: «Джалиндская ГЭС», и многие не сомневаются, что именно в районе Джалинды развернется строительство. Это целесообразно еще и потому, что от Джалинды до Сковородино проложена железная дорога. Люди страстно желают скорее включиться в работу по сооружению Амурской гидроэлектростанции, им хочется, чтобы она была именно здесь...

Скромный домик над Амуром, с его хозяйкой Феодорой Николаевной Пономаревой стал штабом 13-й экспедиции ленинградского Гидроэнергoproекта. Приходят рабочие-буровики, геологи, гидрологи... Большинство из них приехало в Джалинду с берегов Зеи. Из Джалинды их направляют работать в Орловку. Там под руководством старшего мастера Петрен-

ко бурят скважины. Стоят четыре вышки механического и три вышки ручного бурения. Коллекторы Рита Москалева и Люда Митрохина уже произвели первичную обработку добытого керна. Не сегодня-завтра в стационарной «камералке» начнется более детальное исследование амурских грунтов.

Подготовительный период в разгаре. В Джалинде строят тепляки для вышек, гараж, бензобазу. Начальник экспедиции товарищ Палей срочно выезжает в Ленинград увязывать смету, добывать оборудование и приглашать на Амур квалифицированные кадры. Что касается заместителя начальника экспедиции товарища Лисенкова, то ему приходится, помимо текущей работы, уделять немало времени творческой взаимосвязи с китайскими товарищами: на своем берегу они раскинули палатки и уже с рассветом хлопчут, разжигают костер, выносят приборы — начинают трудовой день.

Итак, в эти края прибыла на три года комплексная русско-китайская экспедиция, чтобы приблизить сроки строительства Амурской ГЭС. Еще одна встреча с завтрашним днем!

3 октября

Вчера неожиданно пошел снег, а сегодня навалило целые сугробы. Мы удивляемся, когда матросы, прибывшие с низовьев Амура, сообщают, что там в разгаре осень и ни одной снежинки. Вспоминаю слова агинского скотовода: «Снег пойдет: гуси летят без крика».

На площади в Черняеве высится над братской могилой памятник. Пять фамилий героев-пограничников и внизу надпись: «Героически погибли в Виссимунском бою при обороне границы Союза ССР 10-го августа 1929 года». На Амуре я познакомился с участником этого сражения Владимиром Алексеевичем Касьяновым.

— Вот, на память осталось, — сказал он, потрогав на левой щеке шрам от штыкового ранения. — Раньше ведь дня не проходило, чтобы тут нам не

устраивали какую-нибудь провокацию. Теперь граница смиренная, пожалуй, ничего и не случается...

Да, нынче не те времена, однако не прав тот, кто думает, что в наши дни можно на Амуре ослабить пограничную бдительность.

Не угасят на Амуре бдительность и славные традиции пограничных застав. В верховьях Амура падает ранний октябрьский снег, и молодой лейтенант в фуражке цвета озимого поля провожает молодых пограничников в дозор...

Сосредоточен и подтянут он,
И на заставе, возле палисада
Упала вдруг снежинка на погон,
Как новенькая звездочка — награда.
А сумерки торопятся в наряд,
И часовой стоит у перевала.
«Спокойной ночи» здесь не говорят,
Чтоб с добрым утром родина вставала.

С детских лет мы знали: Амур — это пограничная река. Но как там, на границе, какие пейзажи, какие они, амурские берега, — мы себе не представляли.

Например, за деревней Смирновкой, мы видим вдали дымящиеся склоны, словно кто-то там зажег несколько костров. Кажется, дымки прорастают на китайской стороне. Но Амур резко изгибается, и вскоре мы убеждаемся, что обрывистые песчаные берега, как бы поросшие вечными дымками, — это наша сторона, левобережье.

Желтый, почти блестящий на солнце откос, как бы перетянут двумя черными параллельными полосами. Эти полосы местами дымятся — кажется, из норок выбегают и взвиваются кверху какие-то мохнатые, серо-бурые зверьки.

Но вот песчаная гора раздваивается. Небольшой распадок. И снова дымящаяся сопка. Сверху донизу изрезана она многочисленными темными колеями, словно острые водостоки сверлили здесь породу. Оказывается, это следы огненных лав. Как это ни странно, но именно в дождливую погоду горы начинают

пламенеть, разбрасывая по своим склонам огненные пунктиры.

На откосах нет почти никакой растительности, и только редкие кустарники дубняка как бы сливаются своей желтизной с цветом горящих гор. И вдруг мы замечаем свежееобвалившуюся глыбу. Обвал, казалось, разворошил таинственный подземный мир огня и дыма, опаливших одинокую сосенку, которая вот-вот упадет в воду, но еще цепляется ослабевшими корнями за жесткую, недобрую к ней землю.

В сухую погоду огня не увидишь, и только клочковатый дым напоминает: под землей что-то горит.

Объяснить это явление местные жители не могли. Как видно, люди еще мало знают о своей великой реке. Однако, радовала многообещающая палатка изыскателя, которая в наши дни становится непременной деталью амурского пейзажа.

4 октября

Остановились в деревне Ушаково. Напротив нее раскинулось большое китайское село Цзиньшаньчжень. У пристани баржа. Десятки китайских рабочих быстро разгружали ее, пробегая с мешками в амбар. Но стоило нам помахать им, как в ответ, словно стая голубей, взлетело множество приветливых рук.

Пожалуй, это самое сильное впечатление, которое выносишь с берегов Амура. Дружеские возгласы и приветливые жесты все время сопровождают советские баржи и пароходы, и особенно волнующей становится встреча, когда наши моряки и пассажиры приветствуют крупный китайский пароход с двумя иероглифами на носу и огромными колесами за кормой. Люди в синих блузах, высыпавшие на палубу, энергично размахивают руками, что-то выкрикивают, вскидывают платочки, а выскочивший из камбуза кок крутит над головой полотенцем. И до этого мы неоднократно обменивались приветствиями с китайцами, но таких бурных чувств до сих пор не замечали.

— Они впервые видят советских людей, — сказал капитан буксирного парохода Павел Петрович Мар-

ченко, когда на пристани мы заговорили об этом. — Как видно, многие прибыли на Амур из глубины Китая, едут в амурские села на работу...

Вот появляется китайская джонка с огромным белым бязевым парусом. Она идет против течения у самого берега, и на корме развевается красный флаг. На джонке полукруглый ангариобразный домик. Когда мы приблизились, молодой китаец что-то прокричал нам, позвал товарищей, которые вышли из домика и горячо ответили на наши приветствия.

Амур — река машущих рук.

Сперва сплотил покрепче бревна.
Чтоб на реке не подвели,
Потом умело и любовно
Строгал весло — «юли-юли».

И вот вдоль каменных высоток.
Вниз по течению, вперед,
Бревенчатый китайский сплоток
Не торопясь себе плывет.

На нем стоит китайский парень
В потертой куртке на плечах
И, от усердия распарен,
Весло толкает, как рычаг.

Весло поет на этом сплотке —
Юли-юли, юли-юли,
А мимо, дав гудок короткий,
Проходят наши корабли.

Всем сердцем благодарный звуку
И отзываясь на привет,
Китайский парень вскинет руку
И что-то выкрикнет в ответ.

По-русски прокричит он: «Здравствуйте!
Куда идете? Отвечай!» —
Или пошутит:

«Ну-ка, слазьте,
Идите в гости, будет чай...»

И мы ему руками машем...
Но лишь немного отошли —
Бок о бок с пароходом нашим
Опять — юли. Юли-юли.

И все сначала. Все сначала.
Даем гудок: мол, здравствуй, друг,
И словно чайки, у причала
Полет приветствующих рук.

И думал я: не потому ли
С таким волненьем в дневнике
Пишу сегодня об Амуре,
Об этой побратим-реке.

А сплоток движется за сплотком,
И то и дело там, вдали,
Весло поет в рывке коротком
Юли-юли, юли-юли.

6 октября

Мы движемся все вниз и вниз по Амуру. Триста лет назад этим путем шел русский крестьянин Ерофей Хабаров, внимательно присматриваясь к «землице Даурской». Он был не первым русским в Даурии, но первым, кто подумал не о том, чтобы стяжать, а о том, как обжить Амурскую долину, не о «ясаке», а с земле. Вот что он увидел своим хозяйским крестьянским глазом:

«...а вниз по славной, по великой реке Амуре живут даурские люди пахотные и скотные... А в градах и улусах луги великие и пашни есть, а леса по той великой реке Амуре темные, большие, соболя и всякого зверя много. А в земле золото и серебро виднеется...»

Только теперь можно оценить прозорливость Хабарова. Он писал, что «рыбы в Амуре много против

Волги». Теперь мы знаем, что в Амуре сто видов рыб — в два раза больше, чем в Волге. Рыба в Амуре самая аристократическая: не один какой-нибудь лосось или карп, а целые династии лососевых и карповых. А если осетр, то особый — амурский, и белуга здесь почему-то называется по-особому — «калуга», и живет она только в Амуре. Рыбы, как и люди, переселились на Амур из разных краев. Здесь, например, встретились и ужились переселенцы из Арктики — сига с тропическим змееголовом.

Трудно передать словами роскошную красоту амурского правобережья. В районе китайской деревушки Тайсан перед нами могучей скалистой цепью тянется почти отвесный берег, покрытый рыхим кустарником. Хочется навсегда запомнить величавые очертания скалистых куполов, которые как бы подрезаны снизу и местами иссечены продольными полосами. Трещиноватые скалы создают фантастические сочетания. Можно разглядеть идолообразные фигуры людей и животных. Они отражаются в воде, и кажется, будто бросились в Амур вниз головой... Иногда острая скала выдвигается вперед, как дозорный, и раскидистое дерево на вершине напоминает вскинутую руку, как это делает человек, когда хочет посмотреть вдаль...

7 октября

Наконец столица Амурской области.

Благовещенск — город-кормилец. Амурская фабрика-кухня. Самые крупные на Дальнем Востоке мельницы. Молочный завод. Завод овощных консервов. Винокуренный...

Возле Благовещенска река Зея впадает в Амур. Амур большой, широкий. А город маленький, низкорослый, чистенький. Он больше похож на пароход, чем на город. Вот-вот сорвется с якоря, и понесет его Амур по волнам.

Городов на Амуре пока немного. И все они сбегаются группками. Рядом с Благовещенском еще два города: Свободный и Куйбышевка-Восточная, кото-

рая (вот сюрприз!) расположилась на берегу реки... Томь, словно мы вернулись назад, в Кузбасс.

Слово «Томь» напомнило нам кузбасский уголь. Интересно было узнать, что неподалеку от Амурской Томи имеется своя угольная столица — город Райчихинск. Так и хотелось сказать: Амурбасс. В районе Райчихинска — такая же картина, как и в районе Черемхова. Вскрыша. Мощнейшие экскаваторы с двадцатикубовыми ковшами.

Кроме угля, в Амурской области добывают золото, изготавливают машины, транспортное оборудование, и в хлебоуборочных цехах — на целинных землях Приамурья — собирают урожаи, с которыми не может соперничать ни один дальневосточный район. «Луги великие и пашни есть», — писал Хабаров.

Амур влечет нас на юго-восток.

И вот пейзаж меняется. Скалистые горы как бы отваливаются от берега, резко уходят на запад, и перед глазами расстилается неоглядная пойма, подернутая ржавеющей зеленью. Это Зейско-Бурейская равнина, как говорят здесь — «Амурская прерия», или «мокрая степь», главный и самый старый сельскохозяйственный район на Востоке. Много здесь целины, ожидающей своих покорителей. Поэтому те, кто не достигли комсомольского возраста, могут не огорчаться. Хватит новых земель и на их долю!

А вот и зеленые квадратики полезащитных лесополос. Глянешь — и вдруг почудится, что ты возле самого Сталинграда, а не где-то за тридевять земель. Несмотря на сильную влажность, в «мокрой степи» хорошо выращивают пшеницу, сою, кукурузу и многие технические культуры. Например, периллу, странное кустистое растение с мелкими белыми цветочками. Посмотришь — на сорняк похоже, а на самом деле перилла дает ценное техническое масло. Лакокрасочная промышленность на перилле держится.

Вообще Дальний Восток кажется большим ботаническим садом. Словно кто-то нарочно собрал сюда растения всех зон и широт: там тундра, здесь тайга,

тут лесостепь. Вот дерево — гость Якутии, а рядом кустарник родом из Китая.

Горы не исчезают из поля нашего зрения. Огромной подковой просматривается вдаль холмистый горизонт, окрашенный то синими, то темно-бурыми тонами. И эта холмистая даль похожа на окаменевшие амурские волны. Низко упали белые облака, они дымятся и медленно тают под осенним солнцем, словно тот снег, что выпал в начале октября в верховьях Амура.

А вот лесов вроде и немного. Видно, Ерофей Хабаров имел в виду более низовую часть Амура, когда писал про «леса темные, большие», а может, при нем они были темнее и больше. Те клочки леса, которые попадаются в степи, не простые, а особые, дальневосточные: береза здесь не белая, а черная. И даже встречается редкое бархатное дерево. Есть, конечно, и старые знакомые — дуб, ясень, орех... Эти деревья — все время с нами рядом по всей стране.

Один охотовед, выслушав нас, рассердился:

— Как это нет лесов? Да у нас половину области занимают леса. А зверя всякого на Амуре! Вот вы говорите «ботанический сад», так учтите, что помимо гигантского ботанического сада — это еще и гигантский зоопарк. Соболь, лось, белка. Самые что ни на есть северные животные, да? А не хотите ли тут же тигра или фазана? Он все верно подметил, Хабаров.

Ерофея Хабарова любят, хотя мало что знают о нем. Подробности его жизни как-то затерялись. Но в представлении людей сложился образ простого пахотного человека, образ первооткрывателя дальневосточной жизни. Крупнейший город стал называться Хабаровском, но дальневосточникам этого показалось мало, и они назвали один небольшой городок по-семейному — Ерофей Павлович.

8 октября

Опять я не могу удержаться от того, чтобы не сказать: «Да, Амур — это река машущих рук». Русские и китайцы, проплывая по Амуру, по-прежнему

возгласами и жестами приветствуют друг друга, а когда приходит беда, идут на выручку. В этом году на Амуре вода поднималась очень высоко, порой затопливала селения, смывала посевы. Советские пограничники помогали китайским товарищам сберечь хозяйство, жители китайской стороны помогали пограничникам в охране государственной границы. А сколько раз советские врачи выручали китайских друзей! Вчера из Иннокентьевки в Архару был доставлен девятнадцатилетний крестьянин Си Сен-чи, уроженец китайской деревни Чтюинцун. Он упал с лошади, получил тяжелый ушиб живота. Четыре дня юноша лечился дома, но когда ему стало хуже, его переправили в Архару. Предстояла серьезная операция. Пилот санитарной авиации товарищ Детярев на самолете «ЯК-12» доставил Си Сен-чи в Благовещенск, в областную больницу. Дежурный хирург Антонина Григорьевна Пивоварова экстренно оперировала больного. Для спасения жизни ему тут же сделали переливание крови. Эту кровь дали русские доноры, жители Благовещенска: Степанова, Казарина, Кисенова...

Из Иннокентьевки я звонил по телефону в больницу, спрашивал, как здоровье Си Сен-чи. Пивоварова сказала:

— Ему уже лучше... Мы так хотим, чтобы все было благополучно!

В голосе ее звучала тревога. Есть что-то исключительно трогательное и значительное в том, что советские люди, отдавая свою кровь, свою заботу китайскому юноше, как бы кровно роднятся с ним, с радowym гражданином братского нам народа.

9 октября

За деревней Пашково, там, где река Хинган впадает в Амур, начинается Хабаровский край. Из Архары идет трудная дорога на Облучье, однако оттуда до Биробиджана по прямой на автомашине не проехать. Если бы мы приняли этот вариант, приш-

лось бы сделать колоссальный крюк. Мы бы ехали мимо болотистых берегов реки Сугарна юг, через горы и леса к Биджану, а затем поднялись бы на север к Биробиджану. Словом, «крючок» километров на триста. Мы отказались от этого варианта, решили не расставаться с Амуром.

Итак, мы находились на территории Еврейской автономной области. Темно-серые известняковые горы в районах Кимкан — Лондоко дают сырье Теплоозерскому цементному заводу. В Биракане — месторождение доломитов, розоватые глыбы которого после обработки идут на облицовку зданий.

У подножия сопки Ответной раскинулись чистенькие домики горняцкого поселка Микояновск. На фоне темной массивной сопки резко выделяется здание нового Дворца культуры и белая скульптура Ильича. Микояновск вырос недавно (раньше это было ничем не примечательное село), его можно назвать ровесником нашей победы: 9 мая 1945 года здесь возник комбинат «Хинганолово». Залежи олова в районе — богатейшие, комбинат выдает огромное количество этого металла. Рядом — разработки каменного угля. Поселок Микояновск становится настоящим горняцким городом. Отличное шоссе связывает его с железной дорогой: автомашина идет двадцать минут. И не верится, что всего несколько лет назад по узкой, разбитой дороге, к сопке Ответной можно было добраться только на лошади и приходилось тратить на это почти целый день.

На Амуре, по пути в Хабаровск, нас заинтересовало село Помпеевка: серый мрамор и минеральные источники — характерное сочетание, которое можно было обнаружить и в других районах области. Недалеко от Кульдурского курорта (здесь источник по своему составу напоминает воды Пятигорска) имеются большие залежи зеленого мрамора.

Вообще минеральные источники и мрамор здесь в изобилии. Мрамор чуть ли не всех цветов радуги. Местные жители с гордостью вам сообщат, что бираканским розовым мрамором облицована в Москве станция метро Белорусская.

Складывается образ юго-востока Хабаровского края.

Мраморным бассейном окружен горячий, сильно-напорный источник. Мрамор — символ полезных ископаемых этого дальневосточного уголка. Бьющие источники — символ неиссякаемой энергии советских людей, осваивающих природные богатства края.

10 октября

РАССКАЗ ПАРТИЗАНА

Приходит осень, краски подбирая,
Полгода как мы едем по стране.
Дорогами Хабаровского края
Легенды приближаются ко мне.

И как-то по особому волнуюсь
При виде волочаевских огней,
Въезжаем в героическую юность
Сорокалетней родины своей.

Старик объездчик, приамурский житель,
Как на Амуре говорят — «гуран»,
Лишь стоило сказать мне: «Расскажите»,
Припомнил день из жизни партизан.

— Затихло все. Сидим в окопе рваном.
А среди нас один кореец был,
Звать Кимом, или попросту Братаном, —
Весь полк его, как брата, полюбил.

И помню я: убит был пулеметчик.
Смотрю, наш Ким, как ветер, в тот же миг
Под градом пуль несется промеж кочек, —
Не добежит, волнуюсь... Нет, достиг...

Убитого откинул. Сам ложится.
А был сорокаградусный мороз.

Но он, горячий, скинул рукавицы
И к пулемету намертво прирос.

Он крикнул: «За Советскую Россию!
Я покажу вам, как стреляет Ким!»
И в гуще белых жаркие, косые
Шумели ливни, посланные им.

Уже клубится пар над пулеметом,
И закипает в коже вода.
И вдруг припал, умолкнул он... да что там...
Такого не забудешь никогда.

Мы подползли, чтоб оттащить Братана,
Кричу ему: «Отдай гашетку, друг».
А он, убитый, как это ни странно,
Не выпускает пулемет из рук.

И тут, в разгаре боя, ясно стало,
Что даже мертвым хочет он стрелять,
И пальцы те, примерзшие к металлу,
Внезапно как бы ожили опять.

Один боец в свои живые руки
Его родные, мертвые берет,
И в гневном, в пулеметном перестуке
Бегут ряды белогвардейских рот.

Да, враг бежит, разбитый, перетертый,
Он падает и корчится в снегу,
И наш Братан, наш Ким — по сути мертвый —
По-прежнему стреляет по врагу...

Старик умолк.
И, точно на экране,
Возникли грозные времена.
Вот здесь за сопкою июнь-карани,
Гремела партизанская война.

Я вспомнил: «Этих дней не смолкнет слава...»
Я вспомнил: «Занимали города...»

И все, что грозно так и величаво,
Конечно, не померкнет никогда!

Я подъезжал к Хабаровску, волнуясь,
Я ехал по земле богатырей,
Влюбленный в героическую юность
Сорокалетней родины своей.

12 октября

Амур у Хабаровска широченный, разливчатый, кажется — вот он, берег, но потом узнаем, что это остров, за которым прорезывается стальное русло реки. Переправились на понтонах, припаянных к большому пароходу.

Главная улица сегодняшнего Хабаровска, как бы оперенная косыми улочками старого города, — словно стрела на карте шестой пятилетки, обращена в будущее.

Город растет, строится. На окраинах возникают новые предприятия, жилые дома, магазины, клубы. И окраина становится похожей на центр. Остается только благоустроить связывающие улицы. И тогда город примет вполне современный вид.

Хабаровск строит машины, дает электроэнергию, цветные металлы, обрабатывает дерево, плавит сталь и производит прокат...

Когда мы приехали в Хабаровск, выпал снег.

Снежинки были такие легкие, что сначала летели не вниз, а вверх. Потом снежинка находила снежинку, и, соединившись в воздухе, они падали на тротуары большими круглыми хлопьями.

В несколько часов город был окутан пушистой сугробной зимой. Троллейбусы хрустели шинами — пробивали себе дорогу. Автомшины буксовали на холмистых улицах, взбираясь на центральную магистраль. Снегоочистительные агрегаты сгребали снег, отправляя его по транспортерам в грузовики.

С каждым днем снега становилось все больше. Но стоило нам попрощаться с Хабаровском, двинуться на юг, как картина сразу изменилась. Справа от шос-

се — скульптура двух оленей. В их рогах — кучки снега. Но вот мы проехали еще несколько километров, сначала по тающему снегу, потом по широким лужам, и неожиданно очутились среди осени. Приморская осень по обе стороны дороги желтела скошенными травами, а вдали, на сопках, чернела оголенными ветвями кустарников.

Как тут не сказать: после зимы начинается осень!

Нам было известно — где-то здесь, на склоне придорожной сопки, лежит «волшебный камень». Ломакин сказал:

— Интересно, улучшится погода или будет дождь?

«Волшебный камень» должен был ответить на этот вопрос.

Мы искали развалины бывшей удэгейской молельни — там на сопке и должен был находиться камень «барометр», предсказатель погоды!

И вот показалась сопка. Мы вышли из машины и направились к развалинам молельни. Где же камень? Наконец мы его нашли и стали смотреть: какого он цвета? Если темно-серый, — знали мы, это к дождю. А если белый — будет хорошая погода. «Волшебный камень» как бы чувствовал настроение погоды. Влажный воздух мельчайшими капельками оседал на поверхности камня, и он становился угрюмее, темнел. И наоборот, при улучшении погоды, когда влажная поверхность камня испарялась, он начинал радоваться, светлеть и становился совсем белым.

— Ну как?

— Белый!

Мы ехали на юг. Погода не могла быть плохой. Ведь заканчивалось наше путешествие, и солнце, в награду нам, должно было светить до самого Владивостока.

Почему-то все время я думал о «волшебном камне». До чего богат и разнообразен Дальний Восток различными ископаемыми. Сихотэ-Алиньская гряда, этот тихоокеанский рудный пояс, накопил в своих кладовых такие металлы, как олово, марганец и другие, такие угольные месторождения, как Сучанское, Артемовское, Буреинское, Липовецкое, такие полезные

ископаемые, как графит, тугоплавкие и кирпично-черепичные глины, мрамор и туф, торф и графит.

И стоило нам приехать в Бикин, как мы услышали:

— Хотите увидеть необычайное? Поезжайте в Бурлит. Там вам покажут такие места — ковырнешь ногой и бери уголь...

14 октября

Мы, конечно, поехали в Бурлит. И хотя этот поселок не обозначен на карте Приморья, найти его было нетрудно. Люди уже знали о нем и сказали, как проехать.

Начальник транспорта геолого-разведочной партии № 5 Иван Терентьевич Троян — человек в стеганке, летном шлеме и болотных сапогах — заглушил мотор своего мотоцикла «М-72» (тезка нашей машины), как бы невзначай стряхнул с рукава подсыхающую грязь и устало сказал:

— Приходится вытягивать... там ведь марь, слой мха, под которым вечное болото... Затонул трактор, прямо-таки беда...

— Как же вы его вытягиваете?

— Пригнал я три трактора, нарезали бревна, чтобы не пробуксовывало, и давай тащи...

— А тащите чем, тросами?

— Что вы? — И Троян снисходительно улыбнулся. — Тросы давно полопались, так что приходится фантазировать.

«Фантазия» заключалась в том, что рабочие свинтили пятидесятимиллиметровые буровые штанги.

— Получился огромный трос в сто пятьдесят метров, — продолжал Троян. — А иначе нельзя. Если бы вытягивающие трактора подошли ближе, мы бы и их затопили в болоте...

В таких условиях приходится работать геологам-разведчикам Бурлита. В районе реки Бикин они нашли богатое месторождение бурого угля. Можно сказать, люди буквально ходят по драгоценностям. В прошлом году около деревни Назаровки трактор «ДТ-54»

стал погружаться в марь и вдруг уперся во что-то очень прочное. Тракторист включил скорость, и башмаки тракторных гусениц стали выбрасывать из-под земли комья угля.

Уголь в районе Назаровского, Топтухинского, Игнатьевского участков залегает местами не глубже двадцати метров, а толща угольных слоев настолько значительна, что его можно добывать, как открытым, так и шахтным способом. Новейший бурильный станок «ЗИФ-650» на одной скважине пробурил более семисот метров — и все уголь.

Поселок изыскателей Бурлит возник на болоте. Площадь осушали. Канавокопатели рыли отводные каналы. Исчезли кочки. Теперь здесь более двадцати домиков. Строят еще два на зиму. В Бурлите много молодежи из Баку, Сучана, Днепропетровска...

Мы едем на юг. Знаменитые краски приморской осени поблекли. Но мы продолжали искать краски. Яркие краски человеческих судеб — вот чем, по-моему, богато Приморье, край далекий, но близкий сердцу тех, кто сюда приезжает «на постоянную прописку». Молодежь из Москвы, переселенцы с Украины, геологи-изыскатели из Ленинграда очень скоро начинают чувствовать себя коренными приморцами и не хотят уже покидать этот щедрый край. Где же еще, как не здесь, творческое раздолье для геолога? Не здесь ли новизна и радость открытий, а на приисках человеческих душ можно найти особо драгоценные самородки доброты, понимание и поддержку.

Ведет шоссе прямое
Туда,
Где сторожит Приморье
Звезда.
Покрыта мохом тощим
Земля,
А под землею толщи
Угля.
Не там ли с самой ранней
Поры

Сошлись, как на собрание
Копры?
Заговорили сверла
Вокруг:
Работы здесь по горло,
Мой друг.
А ну, коль есть охота —
Ударь,
Пробейся сквозь болото
Да марь.
И, ощущая удаль
В груди,
Настойчив будь и уголь
Найди!
Сиреневые сопки...
Простор...
Из тучки как бы соткан
Узор.
И в кочевом тумане
Лежит
Поселок под названьем
Бурлит.
Так с каждым днем бурлило
Сильней,
Все это в жизни было
Твоей.
То там тебя мы слышим.
То тут...
Чем глубже ты, тем выше —
Твой труд!

Сокровища земли Сибирской и Дальнего Востока настолько обширны, что геологов разведки можно смело назвать Колумбами, открывающими целые континенты новых месторождений.

Изыскатели! Они повсюду: и в Шумихе под Красноярском, и на Байкале, и в Приморье, там где возник новый шахтерский городок Бурлит.

Какое хорошее слово — бурлит.

Это пафос Октября, пафос революции бурлит в

больших и малых населенных пунктах нашей сорока-летней державы.

Мы видели слишком много хорошего, прогрессивного и радостного, перед которым все отживающее, все косное и тяжелое, оставшееся нам от прошлого, уходило на второй план и не могло уже преуменьшить ту высокую пробу, которая как бы вчужданна в чистое золото наших индустриальных побед, нашей советской жизни, нашего социалистического мировоззрения, рожденного Октябрем.

15 октября

В июне месяце, когда мы останавливались в Казани, я познакомился с механиком Николаем Алексеевичем Бусевым. Страстный садовод, сумевший на небольшом клочке земли разбить отличный сад, Бусев просил меня прислать из Приморья дикий виноград. Он сказал на прощание:

— Так я буду ждать вашу «виноградную бандероль»...

Желая выполнить его просьбу, я стал расспрашивать приморских жителей, не знают ли они, где здесь можно встретить опытных садоводов, чтобы получить черенки дикого винограда?

— Поезжайте в Новостройку, может быть, найдете.

— Да, но с кем я должен встретиться?

— Поговорите с ребятами Губеровской средней школы...

— Но меня интересуют солидные, опытные садоводы.

— Иногда и ребята способны удивить плодами своего усердия...

Едем в Новостройку. Вдали станция Губерово, паровозные дымки. Новостройка — поселок железнодорожников — расположена как бы на отшибе, подальше от станции. Бросается в глаза двухэтажное новое здание школы. Мы подъехали и сразу заметили огромный пришкольный сад, обнесенный хорошим за-

бором. Сад был такой аккуратный, что стало ясно: это любимое дитя, о нем заботятся десятки рук — деревья окопаны, стволы все в белых рубашках, дорожки подметены...

— Этому саду скоро исполнится пять лет, — сказал учитель биологии Николай Степанович Божко, — тут у нас яблоко-ранетка, смородина, груша-лукашевка, крыжовник, клубника...

Николай Степанович относился к деревьям так, словно они были его учениками. Он или хвалил дерево, или «наказывал». Он проверял «успеваемость» яблочек и груш. Влюбленность учителя в дела садовые передавалась и ребятам.

Среди учеников Губеровской средней школы было немало знатоков-юннатов. Я узнал, что кормовая свекла Оли Бабкиной соревнуется с кукурузой Виталия Скибко, который с десяти квадратных метров (весьма солидный опытный участок!) получил хороший урожай кукурузы. Виталий сказал:

— В пересчете на гектар — более трехсот центнеров!

В этом году на сельскохозяйственную выставку в Москву школа послала Олю Бабкину, Люду Чудакову (специалистку по огурцам) и Надю Индюшенко — у нее хорошие показатели по выращиванию проса и сои. Я сказал Николаю Степановичу:

— А как насчет винограда?

— Есть у нас и виноград, взяли из Ружинской школы...

— А не могли бы вы дать мне черенок? Мне нужно отправить одному хорошему человеку.

Николай Степанович посоветовался с ребятами, и они, разумеется, не возражали. Но это был садовый виноград, а мне нужен был дикий, манчжурский, и я не знаю, будет ли доволен механик Бусев моей «виноградной бандеролью».

В марте 1957 года я рассказывал по радио о нашей поездке. Цикл передач назывался «По дорогам родины». В конце каждого выступления диктор гово-

рил: «Ваши отзывы и пожелания направляйте по адресу...»

Татьяна Николаевна Орлова из Витебска сообщила, что собирается в Улан-Удэ — «туда, где трудно и где надо»; Николай Щеглов, со станции Струнино, просил путешественников «при обратной поездке, обратить внимание на развитие пчеловодства на Дальнем Востоке». Харьковчанин Е. С. Михлин интересовался Горячинском, так как решил посетить этот курорт. Шофер второго класса Гурьянов из Казани готов был принять участие в автопутешествии «в любую сторону нашей страны или стран народной демократии». Андрей Панченко прислал фотографию первого домика в Новостройке.

«Многоуважаемая редакция! — писал он в Радиокomiteт. — Быть может, вы скажете, ничего особенного и нет в том, о чем я скажу ниже. Но, знаете, по моему, есть у каждого человека в прошлом что-то такое милое, приятное, близкое и дорогое, что обязательно заденет за живое.

Дело вот в чем. Вчера я собирался на работу в ночное дежурство, слышу по радио говорят: «...переправились через Амур, приехали в город Хабаровск...» Знакомые мне места, где я жил когда-то. Затем, когда путешественники захотели увидеть сад в Приморье, то их направили не куда-либо, а к юным садам на новостройку станции Губерovo. Какая радость для меня услышать это! И аут же меня прямо таки огорчили. Конечно, путешественники сейчас там не увидели никакой новой стройки. По-моему, они были только в школе, а там никого уже нет из тех, кто ее основывал да и ребята, которые сейчас там учатся, не могли им рассказать об этом.

Ближе к делу. В начале тридцатых годов пересматривались тяговые плечи (выражаюсь железнодорожным языком). До этого депо было на станции Муравьево, которую переименовали в станцию Лазо. Там он погиб. Так вот. Решили на станции Лазо закрыть депо и перенести его на станцию Губерovo. А станция эта расположена на ровной болотистой площадке недалеко от речки Кругобережка. Во вре-

мя больших дождей все заливало водой, да и Кругобережка выходила из своих берегов.

Решили депо строить на более возвышенном месте, от станции в двух-трех километрах. Мне тогда было двенадцать лет. Жил я от этого места в трех километрах, в селе Знаменка. Ровно двадцать два года тому назад многие рабочие железнодорожники решили построить свои дома. В выходной день собралось около тридцати человек, чтобы решить, где строиться. Вышли в поле.

Сделали номерки с указанием участков, положили в шапку, и мне поручили вытягивать. Кому какой номерок вытяну, тому и такой-то участок под застройку собственного дома. Как только сошел снег, в апреле месяце мы с отцом вдвоем заложили первый свой дом. Вслед за нами двухквартирный дом построили Скибко Иван и Халеев Федор, затем многие другие. Конечно, путешественники увидели там большой рабочий поселок, утопающий в зелени, а тогда было чистое поле. И всего двадцать два года прошло! Даже забыли почему Новостройкой именуется.

Многоуважаемая редакция, прошу это передать путешественникам. Если возможно, пусть значение слова «Новостройка» опишут так, как оно произошло. К письму прилагаю фотокарточку своего домика, который был выстроен там первым.

Инвалид Отечественной войны

Андрей Панченко

23.11.57 г.

Город Оренбург, ул. Чичерина, 25, кв. 10».

И еще интересно узнать, кем приходится юному натуралисту Виталию Скибко один из основателей Новостройки — Иван Скибко, о котором пишет Андрей Панченко?

16 октября

Мимо сопок и лугов, промеж рек бурливых
Мы въезжаем в октябре в городок Иман.
Через день в «Заготзерно» роюсь я в архивах,
И газету нахожу — «Вестник партизан».

Только глянул, посмотрел, не прошло и мига,
Как ударило в глаза... или это сон?..
Под заметкой я прочел: «Александр Булыга»¹.
Вот так встреча, говорю. Неужели он?

Революция идет. Вот уже два года...
У приморских партизан все бурлит окрест.
Молодой пропагандист (дня четыре хода)
Срочно едет на коне в Ольгинский уезд.

Смерть глядит из-за угла, это вам не шутки,
Так и ходит по пятам, что таить греха.
Едет он через тайгу в рыжем полушубке,
Патронташи на груди в виде буквы «Ха».

А на поясе висит бомба-самоделка,
И винтовка, как у всех, тоже без штыка,
И таежная река — не гляди, что мелко —
Так и прыгает в тетрадь строчкой дневника.

Та тетрадка у него (может показаться),
Точно ложка у бойца — прямо в сапоге.
У казаков люльку он курит по-казацки,
К удэгейцам едет он — учит удэгэ.

Вот сегодня он доклад прочитал, а завтра
Едет дальше по тайге на Веселый Яр.
Сколько бодрости в глазах, юного азарта!
И во всем, что говорит — большевистский жар.

Как его черновики — здешние тропинки,
Как неизданный роман — партизанский край.
И уже не может он жить без «торопинки»,
Что ни встреча — то рассказ, только поспевай.

Вот он хочет написать... вспомнил по порядку...
И уже концовка есть, но с чего начать?..
А газету «Партизан» издают «в накатку»,
И впервой свою статью он сдает в печать.

Не оттуда ли пошла, выстрадалась книга, —

¹ А. А. Фадеев.

И разгром и торжество в буре и в огне.
Молодой пропагандист Александр Булыга
Из-за сопок, из тайги подскакал ко мне.

Хорошо, что в этот день рылся я в архивах,
Что позвал меня с собой «Вестник партизан».
Мимо беленьких домов, улиц говорливых,
Покидаем поутру городок Иман.

18 октября

В каждой области, в каждом крае нашей страны есть своя географическая достопримечательность, свое чудо природы. На Урале, например, Кунгурские пещеры или радужные самоцветы «Каменного пояса»; в Сибири — красноярский заповедник «Столбы»; за Байкалом — Горячинск; на Амуре — горящие горы. А в Приморье — чудом природы можно назвать Шмаковку.

Шмаковка расположена в живописной местности, поблизости от реки Уссури в Кировском районе. Шмаковская лечебная вода имеет длинное научное название. Это — кальциево-железистая углекисло-зая холодная вода. В ней содержится тридцать девять миллиграммов железа. Концентрация углекислоты выше, чем в Кисловодской воде, в полтора раза, что делает шмаковские ванны эффективнее кисловодских.

Нужно ли после этого отправляться за тысячи и тысячи километров в знаменитый Кисловодск? Не лучше ли сделать знаменитой Шмаковку? Ведь этот курорт расположен на одной географической параллели с Крымом и здесь солнечных дней значительно больше, чем в Железноводске. Шмаковка надежно защищена от всех ветров каменной грудью Сихотэ-Алиня. Хорошо в приморской здравнице — в целебной Шмаковке! Хорошо приехать сюда на отдых и попить дальневосточной минеральной воды «с иголочками»!

Мы едем на юг. Осень стоит сухая, теплая. А в Москве уже холодно, дожди. Пожалуй, сюда можно ехать на «бархатный сезон». Как тут не посмеяться друг над другом: ведь мы захватили теплые вещи, специально, для этих «холодных» краев.

Приморские жители улыбаются:

— В Москве, наверно, думают, что от Сквородина до самого Владивостока вечная мерзлота. А у нас некоторые считают, что эта сквородинская мерзлота до самой Москвы тянется.

На самом же деле за этой «мерзлотой» — Зейско-Буреинская низменность и Приморье — теплые края. Ведь Владивосток — восточный Сухуми. Правда, зима здесь холодная. Но лето совсем колхидское: теплое, влажное. И зреют летом не только табаки, груши и сливы, но и виноград.

А сейчас — лучшее время года. Сухо, тепло, солнечно.

Вот и еще одна разновидность дальневосточного золота — «золотая осень».

19 октября

Приморье — это книга.
Где много новых строк,
Где есть глава Черниговка,
Районный городок.

О чем же повествуется?
Начну издалека:
За улицу улица,
Как за строкой строка.

А строки те веселые
И грустные порой,
И всюду новоселы
Зовут к себе домой.

И все звучит притащенный
С Полтавы говорок:
— Приехали з Полтавщины,
Бо гарно тут, сынок.

Им родичи послания
Писали год назад,
Мол, было бы желание —
Работой наградят.

Списались два приятеля,
Дружка позвал свояк,
Мол, климат тут приятен,
Мол, так оно и так.

От ветра защищенная
Цепочками высот —
Черниговка зеленая
Цветет, цветет, цветет...

Черниговка, творящая
Хорошие дела,
Приехавших товарищей
Ветвями обняла,

Дала работу по сердцу,
Вручила щедрый край:
Коль дадено, так спросится,
Смотри, не оплошай!

Не подведи Черниговку,
И на своем веку
В Приморье, точно в книгу,
Впиши свою строку.

20 октября

Вечером я позвонил с почты в Черниговский райком партии.

— Идет бюро, — сообщил чей-то приглушенный голос, но в тот же момент можно было расслышать властные, требующие слова, звучащие в кабинете:

— ...поэтому для строительства фабрики мы и просим миллион штук кирпича...

— Простите, — сказал я неизвестному собеседнику, — как фамилия оратора? Это, случайно, не директор фабрики?

— Нет, это председатель колхоза. Позвоните через час.

Колхоз, строящий фабрику? Нет, надо непременно задержаться в Черниговке. Когда бюро райкома партии закончило свою работу, я познакомился с председателем Черниговского колхоза Яковом Филипповичем Тищенко, который и рассказал мне о прекрасном замысле колхозников:

— Сказать коротко, это будет выглядеть так. Семь зданий цехов, десять тысяч несушек, двенадцать тысяч кур — племенных и откормочных, а для подмены основного поголовья — двадцать две тысячи цыплят. Птицефабрика! Все работы — кормление, поение, уборка — должны быть механизированы. Конвейерная система позволит нам обслуживать пятьсот куроклеток. В смену будет занято человек двенадцать...

Я спросил, какой это принесет доход.

— Один миллион семьсот тысяч рублей в год, — ответил Тищенко. — Таким образом, за три года мы свободно погасим выданный нам государством кредит...

Утром мы побывали на строительной площадке и убедились, что черниговские колхозники от слов уже перешли к делу: высились красные столбики сгруженного кирпича.

— Тут у нас на площадке тридцать два железнодорожных вагона... — Остановившись около скважины, Тищенко продолжал: — Дубинская мелиоративная станция делала. Нужна вода. Ведь у нас на птицефабрике будет водяное отопление...

Яков Филиппович любит новинки. Правда, некоторые считают, что он за многое берется и не всегда доводит до конца. Но посудите сами, сколько у него забот: животноводческий городок, птицефабрика, колхозный Дом культуры, строительство правления колхоза, механизированный зерновой двор...

Не сразу Москва строилась. Иной раз прекращаются работы на каком-нибудь объекте, возникают новые, более неотложные планы и расходы... Но дай-

те срок, и вы убедитесь — все будет доведено До конца...

Целый день провел я в черниговском колхозе и был благодарен Якову Филипповичу, когда он пригласил меня к себе переночевать. Хотелось подольше побыть с этим человеком, послушать его медлительную, весомую речь, узнать, что за три года колхозный коллектив вырос на пятьсот человек, что ежегодно сюда прибывают все новые и новые семьи, что доходы колхоза и колхозников увеличиваются. Люди строятся. Возникли новые улицы. Новоселы селятся по Ленинской, по Октябрьской.

— Прежде, бывало, все норовили уйти из колхоза, а теперь доложу вам, иной просится, а мы еще думаем: брать или нет? Приглядываемся, достойный ли человек.

Побывал Яков Филиппович с делегацией приморцев у китайских друзей. В Хейлудзянской и Гиринской провинциях понравились ему в госхозах и кооперативах теплицы.

— Надо бы и нам завести. Шлакоблок у нас есть. У них печное отопление, а мы возьмем пар от автомобиля. Будем зимой выращивать овощи: помидоры, огурцы, редиску, за то и скажут нам спасибо трудящиеся и моряки нашей приморской столицы...

Понравился мне этот крепкий, красивый человек с китайским значком на груди, с хозяйским прищуром и озабоченными, крупными руками.

21 октября

А. Ломакину

Было бы и муторно и туго,
Если б в многотысячном пути
К сердцу настороженного друга
Я не мог бы сердцем подойти.

Много было всякого, а ныне
Я особый разговор веду
И свое послание в машине
Сочиняю прямо на ходу.

И благодарю, как только можно,
Ибо по проселочной опять
Ты ведешь машину осторожно,
Чтобы мог я что-то написать.

Верил я: ты этот путь осилишь,
Как я рад, что верность сохраняя,
Ты был рядом, Александр Васильич,
Награждая дружбою меня.

Наконец-то мы дождались срока,
Пронесли сто восемьдесят дней,
И, домчавшись до Владивостока,
Ты мне стал понятней и родней.

Был наш путь, мой друг, необычаен.
И, как в песне сказано одной,
От Москвы до самых до окраин
Вместе мы проехали с тобой.

Мы с тобою спорили, бывало,
Ссорились, мирились горячо,
Помню, руку тихо и устало
Положил ты на мое плечо.

Справедливый и душой богатый, —
Хорошо мне ездилось с тобой,
Сильный, безотказный, рыжеватый,
Александр Васильич, дорогой,

Я за то скажу тебе спасибо,
Что с тобой дружила прямота,
За твое товарищество, ибо
Это драгоценная черта.

Было много встреч и расставаний,
Много было радостей, невзгод...
Кончился на Тихом, океане
Автотуристический поход.

22 октября

Очень странно в дебрях Уссурийской тайги увидеть такой обширный, я бы сказал, уютный и благоустроенный город.

Недавно Ворошилов-Уссурийскому по результатам социалистического соревнования присуждена третья всероссийская премия «За успешное проведение благоустроительных работ». Появились новые асфальтированные тротуары и дороги, высажены десятки тысяч декоративных, фруктовых деревьев и ягодных кустов, установлены скульптуры, улучшено уличное освещение, ведется строительство большого городского водопровода.

На воскресниках в этих работах принимали участие молодые строители — москвичи, ставшие дальневосточниками несколько месяцев назад.

В городе Ворошилове мы живем в гостинице «Уссури».

Сегодня перед обедом Ломакин принес с рынка какие-то прутья красноватого цвета, похожие на веревки.

— Это не веревка, а лимонник, — поясняет Ломакин. — Говорят «корень жизни». Помогает от всех болезней и сохраняет молодость.

— Кто тебе сказал?

— Тетка, которая продавала.

— И много она с тебя взяла?

— Пятерку.

— Поздравляю, — торжественно говорит Тихомиров. — Если ты хотел подарить ей пятерку, не обязательно было захламливать машину этой ерундой. Неужели ты не понимаешь, что это афера? Наломала палок, скрутила и ловит новичков с запада. «Корень жизни» — женьшень. Совсем он не такой, он похож на голого человечка и стоит он не пятерку, а сотни рублей.

Но не так-то легко убедить Ломакина. Он уверен, что это «корень жизни». Может быть, по-китайски «женьшень», а по-русски — «лимонник». А может быть, это другой «корень жизни», еще лучше того.

Он отдирает кусочек тонкой слоистой коры, с удовольствием пробует на зуб и сейчас же сплевывает.

— Какие же это обыкновенные прутья, когда пахнет лимоном?

Я пробую горькую кору. Действительно, лимонный аромат.

В соседней комнате живет врач. Он приехал на какое-то медицинское совещание. Мы обращаемся к нему.

— Нет это не женьшень, — объясняет доктор. — Для медицины это, можно сказать, двоюродный брат женьшеня: одно из наших редких растений — лиана, китайский лимонник. Народная медицина давно его использует. А в нашу лечебную практику он вошел совсем недавно.

— Что же он лечит? — недоверчиво спрашивает Тихомиров.

— Китайцы применяли его как тонизирующее и возбуждающее средство. Использовали в составе препаратов против желудочно-кишечных расстройств, одышки, простудных заболеваний:

— Я же говорю — от всех болезней! — ликует Ломакин.

— Да вот у меня тут есть как раз один хабаровский сборник. Там лимонник описан биологом Позняковым. Если интересуетесь, можно почитать, — предлагает доктор. — Вот он тут приводит выдержки из старинной китайской фармакопеи «Бень-Цао-Ган-Му». Это — Полный травник с применением в медицине. В двадцати томах. Вот видите, они говорят, что У-вэй-цзы, плод лимонника, имеет пять вкусов: мякоть кислая и сладкая, семена горько-вяжущие, а в целом вкус плода солоноватый. Кислое и солоноватое входит в печень и укрепляет почки, а терпкое и горькое входит в сердце и укрепляет легкие. Дальше тут говорится, что больше всего употреблялись плоды лимонника, которые собирались в конце лета.

Ломакин снова ликует, сейчас как раз конец лета, ну, пускай осень, неважно. Он даже не замечает, что речь идет о плодах и семенах, а у нас только стебли.

— Читайте дальше! — требует Ломакин.

— Оказывается, лимонник бывает черный и красный. Китайцы рекомендуют употреблять черный. А наш — явно красный.

Но Ломакин не унывает — стоило заплатить пять рублей, чтобы узнать все это. Верно?

Мы узнали, что из лимонника изготавливают прохладительные напитки, соки и даже вина и конфеты. Перед тем, как захлопнуть книжку, Ломакин объявил:

— Так знайте же, что «большие естественные запасы и широкое распространение лимонника в южных районах Дальнего Востока, а также возможность выращивать его в европейской части нашей страны позволяют целиком обеспечить всю практическую потребность Советского Союза в этом ценном лекарственном растении!»

23 октября

БУХТА НАХОДКА

Мне снилось недавно:
Я стал пароходом,
А рядом товарищи корабли,
Соперники, резво бегут по водам,
Огнями подмигивают.
А вдали...

Это взаправду или как будто?
Казалось бы,
Вовсе и не искал,
И вдруг —
Меня обнимает Бухта
Руками
Приветливых нежных скал.

О, сколько в ней было добра и света!
Приморские, ласковые края,
Как хорошо —
Существует где-то
Бухта Находка, мечта моя.

В тот день —
Не много, но и не мало —
Платком махнула ты кораблю.
Шли дни.
И, прощаясь с тобой устало,
Я дал гудок, я сказал: «Люблю-у...»

Я был пароходом.
Я был многотонный.
Я множество тонн всяких радостей нес.
Я был кораблем
Под названием «Влюбленный».
И все это было всерьез.

И если беда
Налетит мгновенно
И если почувствую —
Сердцем продрог,
Я к Бухте своей протяну, наверно,
Усталые руки дорог.

И неожиданно вспоминая
Теперь уже занятый кем-то причал,
Я Бухте Находке скажу:
— Родная!
Не здесь ли, в Приморье, тебя встречал?

О, как ты молчала красноречиво
И как не умела себя беречь,
Когда целовал я глаза залива
В тени обнаженных скалистых плеч.

Как говорится — любовь не тетка.
Я был пароходом.
И мне довелось
В тебя влюбиться, Бухта Находка,
В Приморскую осень твоих волос.

24 октября

Путешествие наше подходит к концу.

В городе Артеме, в шахтерской столице Приморья, я выступил во Дворце культуры перед комсомольским активом, рассказал о нашей поездке. Стало совершенно ясно: длительное автомобильное путешествие вовсе не означает, что надо брать с собой огромное количество автотуристских и дорожных «доспехов». Когда мы готовились в дорогу, каждая вещь нам казалась самой необходимой. Мы считали, что с таким богатым и внушительным оснащением, каким мы располагали, можно смело двинуться хоть на край света.

Но уже в Свердловске мы сдали в багаж и отправили домой большую часть того снаряжения, за которым так гонялись в Москве.

В дальнейшем мы убедились, что поступили совершенно правильно. Советская Азия абсолютно не нуждалась во всех этих ухищрениях автотуристической Европы. Крайняя необходимость «надувной техники» оказалась весьма раздугой теми, кто давно не был в современной Сибири и на Дальнем Востоке.

Зачем автотуристу надувной матрац, если на каждом шагу встречаются — «Дом приезжих», «Отель Иртыш», «Дом колхозника», «Гостиница Уссури», а в гостеприимных досаафовских клубах всегда готовы устроить вас на ночлег. В Ангарске, например, нам постелили в клубе ДОСААФ стрелковые ватники и дали укрыться парашютным шелком. Это было поздней ночью, когда мы неожиданно нагрянули в город...

Если сибирская ночь настигала нас в дороге, можно было внутри машины откинуть спинку переднего сиденья и тоже неплохо отдохнуть. Кстати, постель сооружалась значительно проще, после того как мы разгрузили машину.

Лебедка Синельникова, — этот остроумный самовытягивающий агрегат, — для такой машины, как «М-72» оказалась маломощной. Если уж мы «садились на брюхо», то не только лебедка, но даже «ГАЗ-69» не мог нас вытащить. Однажды нам помог

решительный бульдозер, строивший новую дорогу на восточном берегу Байкала. В другой раз, за Нерчинском, нас с трудом вытаскивали две машины.

Рыбная ловля, охота, костры на полянах — все это было более чем соблазнительно, потому что мы проезжали мимо Барабинских озер, где было много уток, через величавые сибирские реки и речушки, такие, как Хайм, где водились крупные заманчивые таймени. Нам встречались такие поляны, что казалось — они специально созданы для того, чтобы разложить ночной костер и насладиться романтикой туристского привала. И тем не менее, — всему этому отдавалось минимум времени, потому что мы совершали путешествие не ради заманчивой дорожной экзотики, а с целью познания жизни первого года шестой пятилетки, этого богатого событиями, трудного и счастливо-го года.

25 октября

ВСТРЕЧА С ТИХИМ ОКЕАНОМ

Есть на рейдах свой язык старинный,
Разговор при помощи гудка.
Длинный и короткий, снова длинный —
Пристань принимает букву «Ка».

Надо вам на берег — привыкайте,
Букву «Ка» послали — и тотчас
Прибегает и отходит катер,
Точно конь подбрасывая вас.

И невольно думаешь, нельзя ли

На море поставить дело так,
Чтоб гудки по буквам составляли
Все, что хочет высказать моряк.

Был бы я, ребята, капитаном,
Я б издал приказ по кораблю —
Бухтам нашим милым, долгожданным
Я б гудками говорил: «Люблю».

Море беспокойно и сурово,
Потому-то на виду у всех
Это согревающее слово
Лишний раз произнести не грех.

Вы представьте только: у причала,
Родину приветствуя свою,
С корабля гудками прозвучало:
«ЭЛ» и «Ю», и «Б», и «ЭЛ», и «Ю».

На Камчатке, в Ольге и Находке
Хорошо, по-моему, в пути
С помощью то длинных, то коротких
Это слово вслух произнести...

26 октября

Великолепное асфальтированное шоссе привело к приморским курортным окраинам Владивостока. За Второй Речкой нас встретили мотоциклисты Владивостокского автомотоклуба. Они преподнесли нам памятный вымпел, цветы, и через двадцать минут мы были на стадионе «Динамо».

Там был торжественный митинг, сотни владивостокцев встречали москвичей, которые сто семьдесят девять дней провели в дороге. Нам стало ясно, что Дальний Восток не такой уж дальний, если можно однажды сесть в автомобиль и своим ходом из столицы нашей родины приехать в столицу Приморья.

На стадионе «Динамо», под плакатом со словами «Финиш», Ломакин посмотрел на спидометр и сказал:

— Мы прошли 15 758 километров...

Здравствуй, океан! Мы шли к тебе через всю страну. Мы привезли тебе привет Москвы-реки, омывающей стены Кремля.

Океан. Великий или Тихий?

Мы стоим на твоём берегу и окончательно убеждаемся, что этот вечный вопрос навсегда решен в наши дни. Конечно, Великий. И никогда, никогда не будет тихим. Вечно будет бурлить на его берегах жар-

кая трудовая жизнь. Вечно будет шуметь Великий. О чем же он шумит? Прислушаемся.

Владивосток веселый, бойкий город. Сто лет назад здесь был пустынный берег бухты Золотой Рог. И только в 1860 году, когда за Россией были закреплены права на земли Приморья, русские люди основали пост Владивосток, а несколько южнее — пост Посыет.

Эпитет «героический», которым часто характеризуют Владивосток, — совершенно точен. Причем, героический он не только потому, что овеян славой гражданской войны и подвигами русских моряков. Город живет героикой и сегодня. То и дело вы слышите имена храбрых китобойцев или водолазов, вам сообщают о борьбе со стихией вернувшегося с Чукотки парохода «Казань», о том, в каких трудных условиях проходила выгрузка в бухте Провидения, и больше не остается сомнений, что только герои могли из всех этих бед выйти победителями. Во Владивостоке живут семьи моряков. Жены, дети и матери подолгу не видят своих самых близких людей. Женщины вечно в тревоге — и это тоже соседствует с героизмом.

Во многих городах и райцентрах Дальнего Востока есть памятники героям гражданской войны. В Спасске и Волочаевке, в Хабаровске и Черниговке... Но памятник Сергею Лазо во Владивостоке особенно волнует. Легендарный революционер стоит во весь рост, лицом к заливу, живой, горячий, с характерно вскинутой вверх рукой, такой, каким помнят его уже немногие пожилые рабочие города. Сергей Лазо говорит. Слова его высечены тут же навеки: «Вот за эту русскую землю, на которой я стою, мы умрем, но не отдадим ее никому».

Таким, наверно и запомнится навсегда Владивосток, залитый осенним солнцем город-герой гражданской войны и герой труда, с отважным Сергеем Лазо, говорящим эти слова.

Здесь, в Приморье, мне вспомнились слова писателя Петра Павленко, сказанные им лет двадцать назад: «Героическое слишком заманчиво, чтобы его

не желали все. Но всякое героическое вместе с тем слишком рискованно, чтобы его все пробовали».

Человек, совершающий героический поступок, никогда не подозревает, что он герой. Сорок лет — это были героические, трудные годы. Это героическое пробовали все. Если бы каждый честный гражданин нашего отечества не напрягал бы все свои силы, разве бы государство пришло к своему сорокалетию с такими убедительными победоносными итогами?

Вот это ощущение всенародного подвига не покидает человека, которому довелось в течение полугода путешествовать по своей большой стране.

Стройки Сибири и Дальнего Востока когда-нибудь будут связаны единой транссибирской автострадой.

И я знаю, наступит такое — около московского метро мы снова прочтем неоновую рекламу:

**«ТАКСИ — САМЫЙ УДОБНЫЙ И БЫСТРЫЙ
ВИД ТРАНСПОРТА».**

Мы сядем в маршрутную сверхскоростную, может быть, реактивную автомашину «Ангара», выпущенную в 19... году Иркутским автозаводом, и водитель спросит:

— Вам куда?

— До Хабаровска.

— Поехали, — ответит, например, Ломакин, и никто этому не удивится. Потому что всем будет известно, что с площади Дзержинского ежедневно отходит маршрутное такси, на ветровых стеклах которого можно прочитывать два слова:

«МОСКВА — ВЛАДИВОСТОК».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Апрель	7
Май	17
Июнь	66
Июль	113
Август	160
Сентябрь	212
Октябрь	256

Урин Виктор Аркадьевич
179 ДНЕЙ В АВТОМОБИЛЕ

*

Редактор Г. А. Орлова
Художник А. А. Житомирский
Худож. редактор И. В. Царевич
Техн. ред. А. Е. Кандыкин
Корректоры Л. А. Матасова
и В. Л. Стерин

Сдано в набор 29/III 1958 г. Под-
писано к печати 6/IX 1958 г. А07722
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11¹/₄ (18,45).
Уч.-изд. л. 18,05 Тираж 15 000 экз.

Заказ № 702. Цена 8 р. 40 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-9,

Б. Гнезниковский пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Пятница, 26 октября 1956 г., № 252 (11682)

Из Москвы во Владивосток на автомобиле

В майские дни у здания Московского университета имени Ломоносова на Ленинских горах взяла старт легковая автомашинка «М-72», на ветровом стекле которой стояла надпись «Москва—Владивосток». На ней отправлялись в многомесячное путешествие автолюбители члены центрального московского автомотоклуба ДОСААФ писатель Виктор Урин, студент института кинематографии кинооператор Игорь Тихомиров, фотокорреспондент журнала «За рулем» Александр Ломакин.

За это время путешественники проехали свыше 15 тысяч километров. Они посетили Горький, Казань, Воткинск, Ижевск, Свердловск, Тюмень, Новосибирск, Красноярск. Вчера путешественники прибыли в Хабаровск.

Сегодня в два часа дня на владивостокском финише путешествия. Это путешествие на автомобиле из Москвы длилось 170 дней.

Шесть месяцев первого мая на машине к...

Конструкторы уже одобрили планы для «Восточного экспедиционного...»
Для второго этапа, запланированного на 1957 год, предполагается установить на автомашине специальный прибор для измерения расхода топлива. Он будет установлен на автомашине, которая будет использоваться для исследования расхода топлива в различных условиях. Об этом сообщил...

179 ДНЕЙ В ПУТИ

Первое автопутешествие Москва—Владивосток завершено

Вчера владивостокцы встречали отважных автопутешественников: московского поэта Виктора Урина, фотожурналиста

багажник, устроенный на крыше автомобиля, его никак нельзя было бы отличить по внешнему виду от обычных машин подобного же типа, каких немало в нашем крае. Уже тут, на шоссе, путешественников встретила большая группа кинооператоров, журналистов, фотожурналистов.

Пока продолжалось знакомство, мы успели осмотреть автомашину. Первое, что удивило нас, была пыльная машинка, уцелевшая в долгом путешествии, в котором она была в постоянном движении. В остальном машина была обычной, разве

цель назад, из Москвы в М-72

дент журн
лемз Але
кин и студ
венного не
матогрфн
компро.
страну —
метров —

Как уже сообщалось, более шести тысяч километров проехали участники экспедиции.

~~8 р. 40 к.~~

с 76 55

ВИКТО
УРИ

ДН
САВТОМО